

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 6 (133) / 2024

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Голубева В. К.</i> Высказывания с сентенциальными наречиями vs. предикативами: зона потенциально высокой коррелятивности	7
<i>Ковалевская И. И.</i> Денотатное структурирование договора для интерпретативного анализа	20
<i>Лаевская Т. Е.</i> Динамика содержательной структуры жанра аннотации к современному художественному произведению	32
<i>Ло Чжэнцзинь</i> Об употребительности наименований домашних животных в русском и китайском языках.....	40
<i>Филимонова М. С.</i> Типологические особенности китайской логографии.....	50
<i>Шестакова Е. В.</i> Средства выражения экспрессивности в дипломатическом дискурсе: лексико-семантический аспект	61

Романское и германское языкознание

<i>Кучугурная Е. А., Бондарук Д. В.</i> Биномиальные фразеологизированные конструкции со значением несогласия в испаноязычной бытовой коммуникации	68
<i>Манько Н. И.</i> Коммуникативно-прагматический потенциал прилагательного <i>seul(e)</i> во французском предложении	78

Литературоведение

<i>Драничников Н. М.</i> Лингвистические особенности литературных мистификаций Томаса Чаттертона: фрагмент и английская метаморфоза.....	86
<i>Кошман П. Р.</i> Аргумент мовы ў наратыве беларускай самабытнасці Аляксандра Ельскага.....	94
<i>Криштон И. С.</i> Жанровое своеобразие романа К. С. Робинсона «Министерство будущего»	103
<i>Левкович А. Д., Кудрявцева И. К.</i> Творчество Рона Рэша сквозь призму экокритики.....	112
<i>Левшун Л. В.</i> Идентификационный потенциал художественной литературы: проблемное поле и горизонт ожидания.....	120
<i>Назаренко В. Ю.</i> Трансформация идей конфуцианства в современной китайской прозе	130
<i>Сазончик А. С., Кудрявцева И. К.</i> Психологическая составляющая современного англоязычного микрорассказа.....	140

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Golubeva V.</i> Utterances with Sentential Adverbs vs. Predicatives: Area of Potentially High Correlativity	7
<i>Kavaleuskaya I.</i> Denotatic Structuring of the Contract for the Interpretative Analysis	20
<i>Layeuskaya T.</i> Dynamics of the Content Structure of the Genre of Annotation to a Contemporary Fiction Work.....	32
<i>Luo Zhengjin.</i> On the Use of Domestic Animals' Names in Russian And Chinese	40
<i>Filimonova M.</i> Typological Peculiarities of Chinese Logography.....	50
<i>Shastakova Ya.</i> Expressiveness Means in Diplomatic Discourse: Lexico-Semantic Aspect.....	61

Romance and Germanic Linguistics

<i>Kuchuhurnaya A., Bandaruk D.</i> Binomial Phraseological Constructions Expressing Disagreement in Spanish Conversational Discourse.....	68
<i>Manko N.</i> Communicative and Pragmatic Potential of the Adjective <i>Seul(E)</i> in a French Sentence	78

Literary Studies

<i>Dranichnikov N.</i> Linguistic Peculiarities of Thomas Chatterton's Literary Mystifications: <i>Fragment</i> and <i>English Metamorphosis</i>	86
<i>Koshman P.</i> The Argument of Language in the Narrative of Belarusian Identity of Alexander Yelsky	94
<i>Kryshchuk I.</i> Genre Specificity of K. S. Robinson's Novel "The Ministry For The Future"	103
<i>Liaukovich H., Kudriavtseva I.</i> Ron Rash's Works through the Prism of Ecocriticism	112
<i>Levshun L.</i> Identification Potential of Fiction: Problem Field and Horizon of Expectation	120
<i>Nazarenko V.</i> Transformation of Confucian Ideas in Modern Chinese Literature	130
<i>Sazonchuk A., Kudriavtseva I.</i> The Psychological Component of Contemporary Micro Fiction in English.....	140

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'36

Голубева Виктория Константиновна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Viktoryia Golubeva

PhD in Philology
Post-PhD Researcher of the Department
of the Russian Language
Belarusian State University
Minsk, Belarus
victdove@gmail.com

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ НАРЕЧИЯМИ VS. ПРЕДИКАТИВАМИ: ЗОНА ПОТЕНЦИАЛЬНО ВЫСОКОЙ КОРРЕЛЯТИВНОСТИ

UTTERANCES WITH SENTENTIAL ADVERBS VS PREDICATIVES: AREA OF POTENTIALLY HIGH CORRELATIVITY

В статье рассматривается проблема функционального взаимодействия двух типов модификаторов пропозиции – сентенциальных наречий и предикативов, выражающих социально-этические и рационалистические оценки. Изучаются нормативно-стилистический и лексико-семантический аспекты использования указанных коррелятов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предикатив; наречие; сентенциальное наречие; сфера действия; наречие с плавающей сферой действия; оценка; лакуна.

The article examines the problem of functional interaction of two types of proposition modifiers – sentential adverbs and predicatives denoting socio-ethical and rationalistic evaluations. The normative-stylistic and lexical-semantic aspects of using the above correlates are studied.

К e y w o r d s: predicative; adverb; sentential adverb; scope; adverb with floating scope; evaluation; lacuna.

Подтверждению того, что язык сплошь пронизан оценками, посвящено неисчислимое количество работ. В данной статье нас будут интересовать грамматические средства выражения оценочности, или интерпретативности, которые при этом формируют отдельную предикацию. Как известно, Ю. Д. Апресян писал об интерпретационных глаголах (*вредить, выручать кого-л., пренебрегать, ошибаться, промахнуться, унижаться* и т. д.), которые «не обозначают никакого конкретного действия или состояния,

а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого <...> действия или состояния» [1, с. 5]. Так, *соблазнить, украсть, поест в пост мяса*, по словам Ю. Д. Апресяна, типизируются в виде *согрешить*; а *огрابتь, оставить боевой пост, разгласить государственную тайну* – в виде *совершить преступление* [1, с. 6]. Предметом нашего непосредственного внимания является, однако, не глагольная лексика, а предикативы и сентенциальные наречия, о свойствах и основаниях сопоставления которых мы писали в статье [2], тематически связанной с данной. В указанной работе мы отмечали, что при выражении, например, эмоционального и физического состояния предикативы и сентенциальные наречия коррелируют слабо: **Радостно**, что надежды оправдались. – *Надежды **радостно** оправдались. Если подобного рода преобразования и возможны, то наречие выступает в роли модификатора глагола, а не пропозиции: **Радостно**, что ты наконец засмеялся. ≠ Ты наконец **радостно** засмеялся; кроме того, в приведенной трансформированной конструкции экспериенцер (кому радостно) совпадает в одном лице с субъектом глагольного действия (*засмеялся*), что не эквивалентно исходному высказыванию.

В данной статье мы ставим целью выявление и общую характеристику круга соотносимых предикативов и сентенциальных наречий в семантической зоне **внешних оценок**, или **интерпретаций**. Хотя в литературе представлены разнообразные классификации оценок (одну из наиболее распространенных см. в [3, с. 75–76]), мы будем ориентироваться на концепцию Г. И. Кустовой [4; 5; 6], разработавшей типологию оценок применительно к предикативам. В рамках предложенного исследователем противопоставления оценок внутренних (= эмоциональных реакций / состояний) и внешних название «внешняя оценка» мотивировано тем, что ситуация предстает с точки зрения субъекта, который не участвует в ней, а смотрит на положение дел как бы со стороны. С интерпретационными глаголами такие оценочные предикативы и сентенциальные наречия сближает то, что они выступают квалифицирующими предикатами (сентенциальное наречие – в глубинно-семантической структуре предложения) и служат для характеристики определенного действия (поступка) человека. Это действие

а) обозначено при предикативе его пропозициональным актантом, способным выражаться инфинитивом, часто с зависимыми словами, а также придаточным предложением: **Назначить штраф** в этом случае было справедливо; **Справедливо, что им назначили штраф**;

б) представлено в базовом (матричном) предложении, в которое встраивается сентенциальное наречие как примыкающая к глаголу словоформа: **Им справедливо назначили штраф** ≈ **Справедливо, что им назначили**

штраф. Преобразование показывает, что семантически сентенциальное наречие также присоединяет актант – клаузу, хотя формально в исходном высказывании подчиняется глаголу.

Если различные состояния и ментальные оценки¹ выражаются в первую очередь предикативами и очень ограниченно сентенциальными наречиями, что сужает область взаимодействия коррелятивных структур с данной семантикой (это зона низкой коррелятивности), то группа внешних оценок становится семантической зоной, где оба типа модификаторов пропозиции представлены у большего количества лексем. Всего из проанализированных нами 500 наречий с плавающей сферой действия (термин М. В. Филипенко [7]), относящихся к разряду образа действия, 115 имеют пары коррелятивных употреблений интересующего нас типа (это 23 %), а из 115 единиц – 84 (т. е. почти три четверти) обозначают внешние оценки (таблица). Впрочем, и среди всех исследованных наречий лексем со значением внешней оценки значительное количество.

Количественная характеристика наречных лексем
со значением внешней оценки по коррелятивности их употреблений
(на фоне других наречий)

Группа адвербиальных лексем	Количественный показатель, лексем	Процентный показатель
1. Наречия без коррелятивных употреблений (сентенциальных и предикативных)	385	77
2. Наречия с коррелятивными употреблениями		
2.1. Наречия зоны н и з к о й коррелятивности ('состояние', 'ментальная оценка', 'модальность' и др.)	31	6,2
2.2. Наречия зоны п о т е н ц и а л ь н о в ы с о к о й коррелятивности ('внешние оценки – этические / рационалистические')	84	16,8
Всего исследованных наречий	500	100

¹ Их иногда также называют ментальными состояниями (*интересно, любопытно, странно, забавно*).

В общей группе внешних оценок подгруппа наречий со значением **этических / социально-этических** оценок составляет 44 лексемы (52,4 % от общего числа «парных» наречий со значением внешних оценок): *бессовестно, гуманно, (не)достойно, кощунственно, неблагородно, непозволительно, непристойно, неучтиво, нечестно, подло, пошло, цинично, эгоистично, этично.*

(1) *Со стороны подростков **бессовестно** было пойти в поход, не предупредив об этом родителей. – Подростки **бессовестно** пошли в поход, не предупредив об этом родителей.*

(2) *Отнекиваться было **неучтиво**. – Он **неучтиво** отнекивался.*

Подгруппа наречий со значением **рационалистических** (утилитарных, нормативных, телеологических, логических) оценок, под которыми мы подразумеваем обдуманность / необдуманность поступка, соразмерность приложенных усилий полученному или потенциальному результату, достижение / недостижение результата, уместность / неуместность поступка и т. д., включает 40 лексем (47,6 %): *глупо, легкомысленно, недальновидно, неразумно, несообразно, нецелесообразно, опрометчиво, ошибочно, правильно, самонадеянно, удачно, уместно, умно, эффективно.*

(3) ***Опрометчиво** считать, что тебя никто не заразит. – Многие **опрометчиво** считают, что их никто не заразит.*

(4) *Снимать все деньги с карты было **неразумно**. – Маша **неразумно** сняла все деньги с карты.*

Однако, несмотря на более высокую степень коррелятивности предикативов и сентенциальных наречий, выражающих указанные типы оценок, по сравнению с другими исследованными единицами, в этой области также наблюдаются **лакуны**. Если при выражении внутренних состояний отсутствие пары обусловлено чаще всего неупотребительностью лексемы в сентенциальной функции, то лакунарность в кругу внешних оценок создается прежде всего на уровне предикативов. Так, в (5) и (6) приведены сентенциальные наречия этической оценки, у которых нет соответствующего предикатива:

(5) *Медики **самоотверженно** бросились на помощь. – [?](Со стороны медиков) было **самоотверженно** броситься на помощь; [?]Броситься на помощь (со стороны медиков) было **самоотверженно**.*

(6) *В ответ на просьбу мамы Игорь **покладисто** закрыл книгу, улегся в постель. – *Закрыть книгу (и улечься в постель) в ответ на просьбу мамы было **покладисто**.*

Обратное явление проиллюстрировано контекстом (7): в сентенциальной функции пока не вполне закрепилось наречие этической оценки *некрасиво*, имеющее тем не менее предикативное употребление:

(7) **Некрасиво** брать чужие книги без спроса. – ?Твои дети **некрасиво** берут чужие книги без спроса.

При этом единичные примеры сентенциального *некрасиво* можно встретить в интернете:

(8) *Пришла на творческую встречу <...> Посидела на встрече, **некрасиво** вышла в середине разговора, купила еще 2 билета (ради книг)* (https://m.vk.com/wall-212343266_8330).

С опорой на рассмотренные контексты принципиально подчеркнуть, что наличие/отсутствие предикативного и/или сентенциального употребления у лексемы – это очень подвижное явление. В принципе, вопрос определения степени узуальности/конвенциональности или, наоборот, креативности языкового феномена можно отнести к вечным вопросам методологии лингвистических исследований. Из универсальных способов преодоления чисто интуитивистского (интроспективного) подхода, кроме непосредственной работы с носителями языка, чаще всего используют обращение к словарям и корпусам, специализированным реестрам (при их наличии). С учетом специфики объекта иногда применяют его различные трансформации, учитывают его вариации; при изучении, например, (не)стандартности метафорических выражений операциональным критерием признается индивидуальность метафорической модели (что сближается с чем), а не только уникальность заполнения конвенциональных метафорических структур (см. об этом [8, с. 193]). Нас же в данном случае интересуют явления не синтаксические, предполагающие композицию смыслов (заполняемую матрицу), а лексические, имеющие индивидуальные реализации. Тенденции, выявленные относительно определенных семантических групп наречий, остаются тенденциями, а не закономерностями, т. е. свойства отдельных, выбивающихся из группы лексем часто признаются не-объяснимыми¹.

¹ Например, в группе уже упоминавшихся нами наречий эмоционального состояния, которые обычно не употребляются сентенциально, есть по крайней мере две лексемы – *обидно* и *досадно*, нарушающие данное правило (подробнее см. [2]). В работах, посвященных предикативам, замечания о немотивированности запретов или потенций при образовании данных единиц весьма частотны. Ср.: «Тем не менее встречаются и такие наречия и прилагательные, от которых соотносительные предикативы не образуются вообще, хотя их семантика вроде бы допускает такую возможность. Это, например, слово успешно <...> (ср. невозможное *Успешно, что / как он выступил с докладом, *(Для него) успешно выступить с докладом). Основание для ограничений такого рода пока неясно» [9, с. 114].

В данной работе при фиксации распространенности типа употребления наречия мы учитываем сведения разных источников, но прежде всего ориентируемся на узус – контексты Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [10], а также данные поисковых запросов в системе Google. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, узкоспециальные источники, содержащие нелексикографированные наречные единицы и / или сведения о них, сравнительно немногочисленны и неполны, см. в [7; 11; 12; 13; 14] (как правило, это приложения к диссертациям, монографиям, пособиям). Наиболее важной для нас с учетом обсуждаемой проблематики является книга М. В. Филипенко, которая подчеркивает необходимость выявления у каждой наречной лексемы с плавающей сферой действия всех типов употребления. В Приложении 1 [7, с. 211–226] исследователь иллюстрирует разные синтаксические функции наречий в рамках сформированного им корпуса, но демонстрирует только ряд возможностей, по-видимому не ставя перед собой задачу отразить абсолютно все допустимые функции лексической единицы. Например, в качестве сочетания для наречия *гадко* предлагается только глагол *поступил*, а для *неразумно* – только *отказался* [7, с. 213, 219]. К тому же за прошедшие с момента выхода книги более 20 лет «картина» употреблений могла измениться.

Во-вторых, хорошо известно, что в большинстве толковых словарей наречия на *-о* (как и некоторые другие структурные классы адвербиальных лексем) фиксируются слабо и / или непоследовательно. Лексикография закономерно не разграничивает и некоторые типы употребления одной лексемы. Как отмечалось в [2], русская грамматическая традиция не различает, скажем, *легкомысленно* как глагольный и сентенциальный модификатор (ср.: *Сергей **легкомысленно** отнесся к случившемуся / ответил на вопрос 'содержание вопроса' vs. Мы **легкомысленно** понадеялись, что сборник выйдет до Нового года*). Соответственно, перефразируя А. Б. Пеньковского, можно сказать: чего не знает грамматика, того не видит и словарь [15, с. 284]¹.

¹ Исходная фраза такова: «Чего не видит словарь, того не знает и грамматика». Диалектика взаимоотношений «грамматика – словарь» делает, на наш взгляд, правильным утверждение о двунаправленном влиянии грамматических и лексикографических описаний.

Отражение в словарях предикативов (какой бы статус им ни присваивался)¹ также часто «не успевают» за реальным функционированием единицы или просто не соответствует ему. Ограничимся одним примером, т. к. критика лексикографии в части отражения наречий, а также предикативов (при их выделении в отдельный класс) стала общим местом исследований на соответствующую тему.

В словаре Т. Ф. Ефремовой [17], который известен своей «лояльностью» к адвербиальной лексике (наречия разработаны относительно подробно и, вопреки традиции, даются отдельными словарными статьями), предикативы также представлены шире, чем во многих других лексикографических источниках. Однако, скажем, *неоправданно* здесь отсутствует, как и в БАС (том 2009 г. [18, т. 12, с. 117]). Между тем анализ контекстов, извлеченных из НКРЯ и интернета, показывает, что указанная единица уже проявляет определенную освоенность. Так, по запросу «*неоправданно* + инфинитив» и «инфинитив + *неоправданно*» (на расстоянии 1–7 в случае как препозиции, так и постпозиции предикатива) выдача на момент исследования составляет 574 контекста суммарно по четырем подкорпусам: Основной (21 с препозицией предикатива / 30 с препозицией инфинитива), Газетный (196 / 260), Социальные сети (30 / 35) и Устный (1 / 1). В результате ручной выборки выясняется, что интересующее нас явление реализовано в **44** (23 / 21) случаях.

Однако при ранжировании таких употреблений по степени конвенциональности в узусе / языке следует учитывать их количественный дисбаланс в подкорпусах: в Основном – релевантные примеры встретились только 5 раз (4 в текстах начала XXI в.), а в Газетном – почти все остальные (36), т. е. данный предикатив стал проявлять активность только в последние десятилетия и пока «локализуется» в текстах СМИ:

(9) *В такой ситуации «неоправданно рисковать здоровьем студентов», – подчеркнул он [министр] (Парламентская газета, 2020.03.23) – ср. сентенциальное употребление: Мы неоправданно рискуем здоровьем студентов; Пусть деловые поездки будут – бизнес останавливать неоправданно (Lenta.ru, 03.11.2020). – Они неоправданно останавливают бизнес.*

¹ Как правило, предикативы вводятся посредством пометы «в функц. / знач. сказ.» (например, в [16]), а также «предик.» [17], «в знач. предикатива» [18]. В новом (по меркам толковых словарей) «Большом универсальном словаре русского языка» [19] данный класс сопровождается пометой «сост.». При этом так маркируются и слова, обозначающие состояние (*грустно*), и слова-интерпретации (*глупо*). Вопрос целесообразности выделения слов оценки из категории состояния, как это было предложено Г. А. Золотовой [20, с. 274–281], обсуждается, например, в [21, с. 248–249].

Можно утверждать, что войти в наиболее полные толковые словари с учетом времени их выхода предикатив *неоправданно* просто не успел, даже если не брать во внимание фактор его малой употребимости в разных типах текстов, например художественных.

Итак, исследуемая зона соотношения сентенциальных наречий и предикативов в нашей трактовке обладает свойством потенциально высокой коррелятивности, хотя процент лексем со значением внешней оценки, имеющих надежные пары (с освоенным предикативом), относительно невысок (84 из 500, что составляет 16,8 %). Для пояснения данной интерпретации отметим, что, если отсечь лексем, неспособные иметь предикативное употребление в силу структурных причин (*предательски, недаром*, всего 70 единиц), то из оставшихся 430 примерно 220 наречий выражают социально-этические и рационалистические оценки. При этом важно, что между однозначно закрепившимися предикативами (**Неприлично задавать такие вопросы**) и однозначно неприемлемыми с точки зрения носителя языка (**Было бы мстительно разорвать заявление у него на глазах*) выделяется немало наречий с потенциальной (еще неузуально реализуемой) предикативной функцией.

Такие употребления составляют резерв для расширения круга предикативов как коррелятов сентенциальных наречий; они очень мало фиксируются в НКРЯ (возможно 1–2 вхождения), а представлены прежде всего в интернет-коммуникации (правда, и здесь примеры могут быть единичными). Однако если делать акцент не на количестве предикативных употреблений каждого наречия, а на широте лексического круга, вовлеченного в процесс расширения набора синтаксических функций, то, согласно корпусному и интернет-материалу, такую способность приобретает еще значительное количество наречий-интерпретаций из числа исследованных (при таком условии к 84 единицам можно добавить 75 адвербиальных лексем с единичными предикативными фиксациями, т. е. процент зоны коррелятивности повысится почти вдвое – с 16,8 до 31,8), ср.:

(10) <...> на наш взгляд, **хозяйственно было бы использовать** эту инфраструктуру полноценно (<https://www.novaja.lv/biznes/fortum-prizyvaet-ministerstvo-sohranit-poligon-brakshki-i-pozvolit-oborotnoj-ekonomike-gazivat-sja/>).

(11) – **Было бы сумасбродно с моей стороны делать вид**, будто я не знаю, что о вас ходят неприятные слухи (http://loveread.me/read_book.php?id=88453&p=98).

Полагаем, что и лексем, у которых мы не зафиксировали ни одного случая окказионального (неузуального) предикативного употребления (среди внешних оценок таких осталось примерно 60 наречий), могут

наращивать свой потенциал при возникновении коммуникативной потребности, и это вопрос не только семантики языковой единицы, но и в значительной мере расширения базы включенных в анализ контекстов.

Относительность приведенных нами количественных данных обусловлена не только мобильностью состава данного участка адвербиальной системы. Представленные нами показатели ориентированы на использование лексемы в первичном значении, хотя в контексте наречия способны его модифицировать (например, состояние → оценка) и выступать представителем другой семантической группы. Так, *гнушно* в (12а, б) обозначает 'неприятно, противно, мерзко' и входит в моносубъектную конструкцию, согласно [4]: экспериенцер, выраженный дативом *мне / ему*, совпадает с производителем действия *получать деньги / писать полуправду*. Та же лексема в (13) уже является интерпретацией ('нельзя, запрещено, некрасиво так делать'), это полисубъектная структура: одно лицо совершает поступок, а другое – оценивает; употребление датива переводит данное высказывание в конструкции первого типа (ср.: *Мне гнушно утверждать так*):

(12а) <...> *мне будет гнушно получать деньги за пребывание здесь* (Г. А. Киреев. Дневник, 1985); (12б) *Неужели ему не гнушно писать полуправду, четверть-правду, правду осколочную, искаженную!* (Отечественная история. 1999. № 3–6, 2000. № 1–3, 2001. № 1) [10].

(13) *Любое сравнение загубленных жизней в ходе очередного исторического процесса аморально, поскольку все-таки гнушно поверять человеческие судьбы статистикой* (Известия, 07.08.2001); – *Я не убивал Анфисы! Гнушно утверждать так... Несправедливо! – вдруг закричал Прохор, и суд заметил, что его губы кривятся* (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1-4, 1928-1933).

Как и большинство предикативов состояния, *гнушно* из (12а) не имеет коррелятивного сентенциального употребления: ?*Я гнушно получаю деньги за пребывание здесь*; высказывание *Он гнушно писал полуправду* грамматично, но семантически не соотносимо с (12б), т. к. наречие в нем выступает уже не маркером состояния, а внешней оценкой. Поскольку коррелируют между собой именно интерпретации, предикативы из (13) образуют пары с сентенциальными наречиями: *Они гнушно поверяют человеческие судьбы статистикой*; *Свидетели гнушно утверждали, что именно я убил Анфису* (в сферу действия наречия попадает предикат и его пропозициональный актант – придаточное предложение).

В (14) предикатив обнаруживает двузначность: возможно его прочтение и как слова со значением состояния, и как интерпретации.

(14) **Гнусно** подслушивать, притворяясь спящим, но мне кажется, что все, о чем она говорит, предназначено специально для моих ушей (Борис Левин. Блуждающие огни, 1995) [10].

Только при второй трактовке данное высказывание синонимично конструкции, включающей сентенциальное наречие: Я **гнусно** подслушивал, притворяясь спящим. Хотя речь идет о самом себе, лицо абстрагируется от ситуации, критически воспринимая собственный поступок (о данном феномене см. [22, с. 333]; подробнее взаимодействие класса состояний и внешних оценок, а также прагматические эффекты этого явления обсуждаются в [23]).

Кроме того, единичные лексемы обнаруживают взаимодействие и на уровне выделенных подгрупп в системе внешних оценок (социально-этические vs. рационалистические). Так, наречие *корректно* может иметь значение 'тактично, вежливо, учтиво, предупредительно' или 'правильно, точно' [16, с. 460; 18, т. 8, с. 493]. Ср. (15) и (16):

(15) **Было бы корректнее** по отношению к читателям сайта такие сообщения все-таки явно **маркировать** как «рекламу» (<https://www.um-l2.ru/forum/index.php?topic=680.0>) – предикатив; <...> на такой шаг офицера милиции натолкнули вовсе не служебные проблемы, а неприятности, касающиеся его личной жизни (о том, какие именно, следователи **корректно умалчивают**) (Вечерняя Москва, 10.01.2002) – сентенциальное употребление.

(16) «Я не думаю, что слово «отжим» здесь применимо, и не думаю, что **было бы корректно называть** это отжимом (РБК, 01.03.2017) – предикатив; <...> гордость «самостоятельной» науки **не позволяет** психологии до сих пор **корректно вернуться** на несколько сот лет назад и попытаться понять проблемы, поставленные другими учеными (А. А. Девяткин. Явление социальной установки в психологии XX века, 1999) [10] – сентенциальное употребление.

Лексемы *корректно* и *некорректно* мы отнесли к рационалистическим оценкам, поскольку контексты, включающие наречия в таком значении, в нашей выборке преобладают, однако это чисто техническое, условное решение. Иногда наблюдается семантическая диффузность данных единиц: В данной ситуации **было бы корректнее** подписывать под работой, откуда взят ее основной референс (<https://chrysalismag.org/project/cho-netak-s-kartinami>) – 'правильно, чтобы не вводить в заблуждение зрителя' и 'этично по отношению к создателю оригинала, уважая его авторские права'. Полагаем, что при расширении корпуса сопоставляемых адвербиальных единиц и увеличении числа многозначных наречий целесообразно выделять их в отдельную подгруппу среди внешних оценок.

Таким образом, изучение функционального взаимодействия сентенциальных наречий и соотносимых с ними предикативов в нормативно-стилистическом аспекте показывает относительно высокую степень их коррелятивности в области выражения социально-этических и рационалистических оценок, что обусловлено закрепленностью данных единиц в системе языка и узусе, а также тенденцией к освоению новых предикативных употреблений. Лексико-семантический аспект данной проблематики демонстрирует зависимость коррелятивности предикатива от первичности/вторичности его функции (состояние или оценка) и возможность реализации сентенциальными наречиями и предикативами этической и рационалистической оценки одновременно, что вызвано диффузностью их семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства / Ю. Д. Апресян // *Русский язык в научном освещении.* – 2004. – № 1 (7). – С. 5–22.
2. *Голубева, В. К.* Высказывания с сентенциальными наречиями vs. Предикативами: зона низкой коррелятивности / В. К. Голубева // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2024. – № 5. – С. 7–19.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
4. *Кустова, Г. И.* Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка) / Г. И. Кустова // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021).* – М. : Изд-во РГГУ, 2021. – С. 456–463.
5. *Кустова, Г. И.* Семантические классы предикатов состояния (на материале русского языка) / Г. И. Кустова // *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / под ред. С. Коевой, Е. Ю. Ивановой, Й. Тишевой, А. Циммерлинга.* – София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022. – С. 53–67.
6. *Кустова, Г. И.* Семантика предикативов и функции инфинитивов в конструкции «предикатив + инфинитив» в русском языке / Г. И. Кустова // *Russian Linguistics.* – 2024. – Т. 48. – № 5.

7. *Филипенко, М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М. : Азбуковник, 2003. – 304 с.
8. *Гурин, Г. Б.* Методика оценки конвенциональности метафорических выражений: от интуитивистских критериев к операциональным / Г. Б. Гурин, А. Е. Беликова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог», Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – Вып. 11 (18) : в 2 т. – Т. 1. – С. 187–198.
9. *Летучий, А. Б.* Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных / А. Б. Летучий // Вестн. Том. гос.ун-та. – 2022. – № 76. – С. 105–147.
10. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.09.2024).
11. *Ван Цин.* Семантика русских наречий на -о/-е : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ван Цин. – М., 1996. – 178 л.
12. *Панков, Ф. И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Панков Федор Иванович. – М., 2009. – 844 с.
13. *Ситарски, А.* Структура и функционирование наречий в русском языке новейшего времени / А. Ситарски. – Poznań : Uniwers. im. A. Mickiewicza, 2001. – 136 с.
14. *Червинский, П.* Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление. Практикум по русской орфографии и грамматике / П. Червинский, М. Надель-Червинская. – Katowice : Wydawnictwo Un-tu Śląskiego, 2004. – 139 с.
15. *Пеньковский, А. Б.* Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 464 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
17. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : АСТ, Астрель, 2006.
18. Большой академический словарь русского языка. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2021.
19. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева. – М. : АСТ-Пресс, 2022.

20. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
21. *Панова, Г. И.* Морфология современного русского литературного языка / Г. И. Панова. – М. : Юрайт, 2022. – 564 с.
22. *Кустова, Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 472 с.
23. *Кустова, Г. И.* Прагматические факторы в семантике конструкций с предикативами / Г. И. Кустова // Проблемы лингвистической прагматики : доклады Междунар. науч. конф., Калуга, 10–12 сент. 2021 г. / отв. ред. А. Н. Еремин. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2021. – С. 123–133.

Поступила в редакцию 02.10.2024

Ковалевская Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурной
экономической коммуникации
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Iryna Kavaleuskaya

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Intercultural
Economic Communication
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
kovalevskaya@bseu.by

**ДЕНОТАТНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ДОГОВОРА
ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО АНАЛИЗА**

**DENOTATIC STRUCTURING OF THE CONTRACT
FOR THE INTERPRETATIVE ANALYSIS**

В статье обсуждаются методологические вопросы анализа договорного дискурса. Обосновывается возможность отражения предметных отношений между компонентами содержания договора с опорой на разработанный А. И. Новиковым метод построения денотатного графа. Описывается процедура применения данного метода с целью формализации предметного содержания договора поставки, в котором опорным концептом выступает «Товар».

Допускается возможность построения денотативной структуры договорного дискурса для экспликации совокупности отношений между его опорными концептами, а также выявления их понятийных и денотативных значений, конкретизирующихся в предметном содержании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: денотатный граф; денотат; денотативная структура; дискурс; договор; концепт.

The article discusses the methodological issues of contractual discourse analysis. It provides a basis for reflecting the substantive relations among the components of the contract content based on the method of constructing a denotatic graph developed by A. I. Novikov. The procedure of using this method is described for formalizing the subject content of the delivery contract in which the basic concept is «goods».

The author allows for the possibility of building the denotative structure of the contractual discourse for the explication of the sets of the relations among its basic concepts as well as for the identification of their conceptual and denotative meanings specified in its subject content.

Key words: denotatic graph; denotatum; denotative structure; discourse; contract; concept.

Возросший в настоящее время интерес к правовому дискурсу обуславливается многими факторами. Среди них значимым представляется разработка методов анализа коммуникации для отслеживания ее тен-

дений в правовой сфере. Общей направленности современного языкознания соответствует комплексный анализ дискурса в сфере договорного права.

В современных условиях интенсивного развития деловых отношений в различных областях деятельности договоры изучаются с использованием определенных подходов.

В лингвостилистических и прагмалингвистических исследованиях договора описываются его композиционно-структурные и лексико-семантические особенности в соотношении с такими конститuentами прагматики, как адресант и адресат, прагматическая установка текста, прагматическое содержание, программируемый прагматический эффект и пр. [1; 2].

Когнитивный подход позволяет переосмыслить структуру концептосферы договорного права на фоне происходящих в ней прототипических процессов и ее взаимосвязь со смежными областями знания, например, с концептосферой политики [3]. Этот же подход используется для раскрытия специфики концептосферы дискурса договорного права с выделением в качестве инструментов его анализа таких базовых концептов, как «имущество», «работы», «услуги» и «деньги». Данные концепты репрезентируют конкретные блага, являющиеся объектом договора и содержащие указание на совершаемые ради него действия [4, с. 13].

Особую прикладную значимость для изучения дискурса договорного права имеет междисциплинарный подход, отражающий присущую российской и западноевропейской лингвистической науке общую тенденцию к интегрированию с 80-х гг. XX века со смежными областями гуманитарного знания. В русле этого подхода, развивающегося на стыке юриспруденции и языкознания, договоры рассматриваются в качестве главной подкатегории дискурса частных юридических актов, объединяющей «акты, фиксирующие волеизъявление субъектов и регламентирующие правоотношения между конкретными субъектами» [5, с. 187].

Результаты современных исследований договора подтверждают, что он, как и другие виды правовой коммуникации, представляет собой вербальный итог дифференциации относящегося к определенной институциональной сфере знания. В целях его упорядочения анализ дискурса договорного права представляется целесообразным начинать с опорных концептов. Они актуализируются в системе конкретного языка и рассматриваются в качестве главных объектно-предметных параметров или «дискурсивных доминант» в рамках комплексной интерпретации дискурса. Эти концепты лежат в основе анализа текстов как формы воплощения сферы дискурса. С их помощью транслируются ценностно-идеологические установки (принципы), правила дискурса, обобщенно характеризуемые

типовые социальные (коммуникативные) ситуации, события, статусно-функциональные роли и модели поведения субъектов дискурса в моделируемых ситуациях, при наступлении институционально значимых событий [6, с. 14].

Являясь сложными мыслительными онтологически наполненными конструкциями, концепты включают в себя понятийный, денотативный и коннотативный компоненты содержания слова, составляющие его смыслы, отражающие все интерлингвистические и экстралингвистические его стороны, со всеми ассоциативными связями.

Центральное место в изучении понятийного содержания концептов занимают лексические значения языковых единиц, репрезентирующих концепты. Наиболее распространенным подходом к определению этих значений является отождествление концептов с понятиями.

В отличие от концептов понятия, которыми оперируют философия и логическая семантика, не отражают специфики познания и общения обычного человека [7, с. 68], а обобщают его многообразные восприятия и представления. Анализ понятий связан главным образом с решением теоретической задачи, поскольку знания о них не зависят от национальности, культуры, опыта, индивидуальных особенностей, а формулируются логически.

Разделяя позицию М. В. Пименовой, считающей понятие частью концепта, мы признаем концепт глобальной ментальной единицей, в структуру которой входят понятийные признаки [8, с.13]. Ввиду того, что на уровне понятий все многообразие мыслительного содержания отражено в унифицированной форме и обобщено, то есть представлены не отдельные предметы или явления, а некоторый класс в чем-то близких, родственных предметов или явлений, конкретизация понятийных значений правовых концептов возможна только в дискурсе.

Конкретизация понятийного содержания, согласно А. И. Новикову, возможна только в случае перехода от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей действительности. Ученый связывает данный переход с информативностью текста, которую считает «наиболее общим признаком текста, определяющим все другие его свойства, в том числе и целостность» [9, с. 113].

В процессе последовательного линейного анализа текста все слова подвержены осмыслению. Те слова, «на основе которых происходит актуализация того фрагмента знания», необходимого для осмысления их последовательности, представляют собой «точки контакта», в которых «происходит как бы пересечение объективного и индивидуального, субъективного» [10, с. 44]. Кроме того, эти языковые средства отражают отдельные «фрагменты знания», то есть концепты.

В данной статье допускается возможность получения целостного представления о денотативном содержании концептов договорного дискурса посредством осмысления «отрезков текста, соответствующих подтемам и субподтемам, соотнесения их между собой и на этой основе осмысления текста в целом». Подобная смысловая переработка текста достигается с использованием разработанной А. И. Новиковым процедуры построения денотатного графа. Результатом ее применения является совокупность денотатов, образующих «систему, способ организации которой имеет принципиальное отличие от организации текста на уровне языковых единиц. Это отличие заключается в том, что структура денотатов, во-первых, соотнобразуется с логикой предметных отношений, а не с логикой изложения этого содержания»; и, во-вторых, формируется по иерархическому принципу, согласно которому «определяется не композиционно-логическими закономерностями строения текста, а характером отношений между предметами, существующими в реальной действительности». Исходя из этих отличий, денотатная система «представляет собой динамическую модель ситуации, описываемой в тексте», отражающую структуру его содержания, являющегося результатом осмысления и понимания [Там же, с. 111].

Представление о содержании текста в виде системы денотатов в отличие от других подходов к его определению учитывает как языковые, так и экстралингвистические аспекты, релевантные с точки зрения понимания как целого текста, так и отдельных его элементов, и способствует выявлению смысла как информации или нового знания, содержащегося в каких-то новых связях, отношениях этих элементов. Условием осознания нового знания при этом «является предварительное понимание ситуации в целом, задаваемой всей совокупностью языковых средств, составляющих текст» [Там же, с. 113].

Граф, вершинам которого соответствуют имена денотатов, а ребрам – предметные отношения между ними, служит наглядным способом отображения денотативной структуры договора, поскольку удовлетворяет требованиям целостности, пространственности и изобразительности.

Основные положения и принципы, совокупность которых определяет метод построения денотатного графа, рассмотрим на примере следующего фрагмента договора поставки товара:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА.

1.1. Поставщик обязуется поставить, а Покупатель обязуется принять в собственность и оплатить калий хлористый производства ОАО «Беларуськалий» (далее – Товар), в ассортименте и объемах, перечисленных в приложении(ях) к данному договору, являющихся неотъемлемой частью договора.

1.2. Отгрузка Товара Покупателю осуществляется партиями, на условиях, предусмотренных в приложении(ях) к данному договору.

1.3. Цель приобретения товара Покупателем: для собственного потребления.

1.4. Источники финансирования: собственные средства, заемные, кредитные ресурсы банка и другие.

2. ЦЕНА, ПОРЯДОК РАСЧЕТОВ И СУММА ДОГОВОРА

2.1. Цена на Товар и поставляемое количество Товара указывается в приложении(ях) к настоящему договору. Количество Товара согласовывается сторонами на каждую отгружаемую партию.

2.2. Поставщик оставляет за собой право на увеличение цены в случае изменения цен заводом-изготовителем.

2.3. Общая сумма договора указывается в приложении(ях) к договору и определяется по сумме товаро-транспортных накладных (ТТН, ТН), выписанных во исполнение настоящего договора с учетом НДС. Сумма НДС определяется по ставке, установленной законодательством Республики Беларусь на момент отгрузки.

2.4. В случае отгрузки Товара по предварительной оплате Покупатель обязуется в течение пяти банковских дней с даты выставления счет-фактуры произвести оплату Товара на расчетный счет Поставщика.

2.5. Расчет за Товар производится Покупателем на расчетный счет Поставщика или путем выставления к текущему (расчетному) банковскому специальному счету Покупателя платежных требований с акцептом Поставщика. График погашения задолженности по договору определяется в приложении(ях) к договору на каждую поставленную партию товара.

2.6. Расчет за Товар может быть произведен путем взаимозачета.

2.7. Поставщик обязан выставить Покупателю электронный счет-фактуру на каждый оборот по реализации Товара в сроки, установленные Налоговым кодексом Республики Беларусь.

На этапе восприятия договора в качестве денотатов, являющихся единицами его содержания, выделяются «ключевые», то есть наиболее важные, существенные для понимания элементы, к которым относятся: Поставщик; Покупатель; Товар (= калий хлористый); приложение(я) к договору; источники финансирования; собственные средства; ресурсы банка; цена; цены завода-изготовителя; сумма договора; сумма ТТН, ТН; сумма НДС; ставка НДС; счет-фактура; расчетный счет Поставщика; расчетный счет Покупателя; платежные требования с акцептом; график погашения задолженности; электронный счет-фактура.

Для определения различных уровней содержания, к которым могут принадлежать денотаты, предусмотрено выявление формальных связей между предложениями, выраженных преимущественно с помощью лекси-

ческих повторов. Структура этих связей представлена в Таблице 1, из которой видно, что второе и третье предложения в первом разделе договора, где речь идет об обязательствах поставщика и покупателя по поставке и оплате товара в соответствии с требованиями, оговоренными в приложении(ях) к договору, связаны с первым предложением по линии основного объекта договорных отношений через лексический повтор «Товар». Связь второго предложения с первым обнаруживается через лексический повтор «приложение(я) к договору», вводимый для уточнения требований к поставке, оплате и отгрузке товара.

Таблица 1

Структура формальных связей между предложениями

№ п/п договора	№ предложения	Повторяющиеся лексические элементы
1.1.	1	Товар..... приложение(я) к договору
1.2.	2	Товар ... Покупатель ... приложение(я) к договору
1.3.	3	Товар ... Покупатель
2.1.	5	цена на Товар ... Товар ... приложение(я) к договору
	6	Товар ...
2.2.	7	цена ...
2.3.	8	приложение(я) к договору ... (сумма) НДС
	9	сумма НДС ...
2.4.	10	Товар ... Покупатель Товар ... расчетный счет Поставщика
2.5.	11	Товар ... Покупатель расчетный счет Поставщика
2.6.	13	Товар ...
2.7.	14	Товар ...

Пункты договора составляют отдельные сверхфразовые единства, связь между которыми не всегда находит формальное выражение. Так, связь подпункта 1.4 с предшествующими только подразумевается путем соотнесения «источники финансирования» с основным объектом договорных отношений.

В пятом предложении появляется новый элемент – «цена на Товар», выражающий аспект, который обязательно оговаривается сторонами и уточняется в приложении(ях) к договору. Шестое предложение развивает предшествующее через лексический повтор «Товар», завершая сверхфразовое единство, выраженное в пункте 2.1. Седьмое предложение формально связано с пятым лексическим повтором слова «цена», что дает основание считать его следующим уточнением одного из наиболее значимых аспектов товара.

В восьмом предложении, которое формально связано с пятым через лексический повтор словосочетания «приложение(я) к договору», но фактически не имеет содержательной связи ни с одним из предшествующих, вводятся новые компоненты содержания. Через лексический повтор словосочетания «сумма НДС», выражающего один из таких компонентов, обеспечивается формальная связь данного предложения с последующим.

Десятое и одиннадцатое предложения формально связаны через лексические повторы «Товар», «Покупатель» и «расчетный счет Поставщика». Уточняющий характер имеет двенадцатое предложение, в котором вводится новый содержательный компонент, связанный с оплатой товара, несмотря на отсутствие формальных средств связи с предыдущим предложением.

Самостоятельными являются последние два предложения, формально связанные с предыдущими и друг с другом по линии основного объекта договорных отношений.

Анализ средств формальной связи показывает, что чаще других используется лексический повтор слова «Товар», выражающего главный предмет описания, по линии которого эта связь обеспечивается. Путем соотношения других содержательных элементов с основным на следующем этапе анализа текста предполагается выявление внутренних связей между ними.

Эти элементы определяются как денотаты, которые могут относиться к главному предмету описания и раскрывать различные его аспекты. Отдельные денотаты выступают в роли подтем, сменяющих одна другую. Денотаты, относящиеся к подтемам, считаются субподтемами, образующими следующий уровень связей. Осознание уровней связи и отношений между главным предметом, подтемами и субподтемами служит основным критерием доминантности одних денотатов и подчиненности других.

На следующем этапе построения денотативной структуры текста все денотаты, находящиеся в непосредственных отношениях с подтемами, поставлены в соответствие каждой из них, что находит отражение в следующей таблице, где в левом столбце указаны имена подтем, а в правом – связанные с ними денотаты (см. табл. 2):

Таблица 2

Связь подтем с субподтемами

Общий список имен денотатов	Список связанных денотатов
1. Поставщик	1.1. Товар (=калий хлористый) 1.2. цена 1.3. счет-фактура 1.4. расчетный счет Поставщика 1.5. платежное требование с акцептом 1.6. электронный счет-фактура
2. Покупатель	2.1. Товар (=калий хлористый) 2.2. источники финансирования 2.3. собственные средства 2.4. ресурсы банка 2.5. цена 2.7. расчетный счет Покупателя
3. Цена	3.1. Товар 3.2. приложение(я) к договору 3.3. Поставщик 3.4. цены завода-изготовителя
4. Сумма договора	4.1. приложение(я) к договору 4.2. сумма ТТН, ТН 4.3. сумма НДС 4.4. ставка НДС 4.5. график погашения задолженности

Из таблицы видно, что каждая из выделенных подтем, за исключением подтемы «сумма договора», связана с главным предметом содержания «Товар». Предметные отношения между данным элементом и связанными с ним иными содержательными элементами составляют денотативное содержание концепта «Товар». Для экспликации этих отношений предлагается построить денотатную структуру фрагмента договора в виде следующего графа (см. рис.1):

ТОВАР

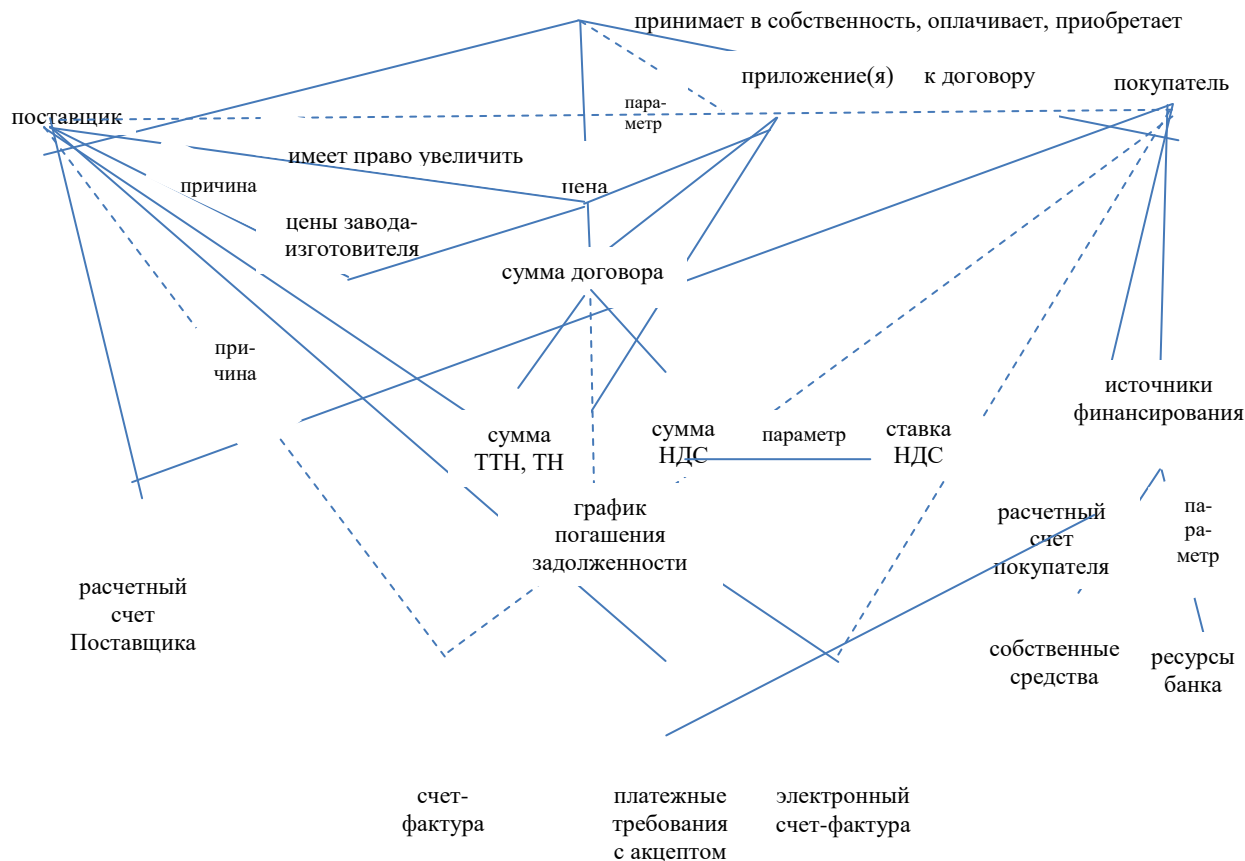

Рис. 1. Граф денотатной структуры дискурсивного фрагмента договора

Представленный граф отражает предметные отношения между главным денотатом Товар, репрезентирующим опорный концепт договора, и другими денотатами.

Предметные отношения характеризуются А. И. Новиковым как «существующие между предметами в реальной действительности и отраженные в интеллекте». Эти отношения считаются ученым более содержательными чем те, которые реализуются в языке, и более разнообразными, чем понятийные отношения, хотя «частично пересекаются как с теми, так и с другими» [10, с. 153].

Главный денотат Товар наряду с такими содержательными компонентами, как Поставщик и Покупатель, рассматривается в качестве основного параметра коммуникативной ситуации и составляет более высокий уровень иерархии денотатной структуры данного фрагмента договора в соответствии с другими подтемами и субподтемами.

В качестве наиболее типичных классов предметных отношений выделяются пространственные, временные, причинно-следственные, часть-целое, отношение формы, воздействия, взаимодействия и др. [Там же, с. 153–154].

К устойчивым, регулярным и вытекающим из природы самого объекта типам относятся отношения «включение» и «принадлежность», которые различаются тем, что часть, включенная в целое, может существовать как самостоятельный объект, а элемент, принадлежащий целому, существует только в составе этого целого.

Исходя из представленной выше денотатной структуры фрагмента договора, к первому типу могут быть отнесены отношения между денотатами сумма договора, сумма ТТН, ТН и сумма НДС; источники финансирования, собственные средства и ресурсы банка. Отношения второго типа обнаруживаются между денотатами Товар и цена на Товар, Поставщик и расчетный счет Поставщика, Покупатель и расчетный счет Покупателя.

В случае преобладания отношений указанных типов в денотатном графе главным образом используются иерархические структуры.

В конкретном фрагменте договора обнаруживаются также причинно-следственные отношения между содержательными элементами Поставщик и цена, которую вправе увеличить, если повысятся цены завода-изготовителя; или подразумеваемые отношения между элементами Поставщик и счет-фактура, которую требуется выставить в случае отгрузки товара по предварительной оплате.

Отношения, задаваемые соотносительностью денотатов между собой, представляются динамичными, поскольку отражают их взаимодействие и устанавливаются в определенной ситуации. Примером ситуативных отношений выступают отношения между Поставщиком и Покупателем, возлагающими на себя обязательства по поставке, приемке, оплате, отгрузке, приобретению, финансированию поставки товара и согласованию всех его значимых параметров. Ситуативные отношения могут только подразумеваться и не иметь языкового выражения. В построенном графе данные отношения обозначены пунктиром и предполагают, во-первых, что такие параметры товара, как цена, ассортимент, объемы, условия отгрузки, количество, указанные в приложении(ях) к договору, обязательно согласовываются Поставщиком и Покупателем; во-вторых, счет-фактура выставляется Поставщиком на имя Покупателя; в-третьих, график погашения задолженности по договору определяется исходя из суммы договора, подлежащей оплате; в-четвертых, электронный счет-фактура согласовывается с Покупателем. Следует также отметить, что если ситуативные отношения преобладают в договоре, то его денотативная структура отображается в виде сети.

В заключение подчеркнем, что предложенная А. И. Новиковым методика построения денотатного графа может найти плодотворное применение при разработке интерпретативной модели как договорного дискурса, так и других видов институциональной коммуникации.

Во-первых, денотативный анализ дает возможность получить представления о совокупности отношений между опорными концептами договорного дискурса и раскрыть их понятийные и денотативные значения, которые конкретизируются в предметном содержании. Его формализация представляется обязательным стартовым этапом интерпретации договорного дискурса.

Во-вторых, при построении денотативной структуры договора в соответствии с описываемой в нем ситуацией учитываются как языковые, так и экстралингвистические факторы, что способствует выявлению нового знания, содержащегося в новых связях, отношениях между денотатами, выступающими репрезентантами концептуального основания договорного дискурса.

В-третьих, посредством моделирования денотативных графов договоров могут быть продемонстрированы различные способы объективации когнитивно-семиотических механизмов, сопровождающих как процесс их составления, так и их оценку, анализ и интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Драбкина, И. В.* Прагмалингвистические аспекты письменного делового общения: на материале англоязычных контрактов и деловой корреспонденции: автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Драбкина. – Сам. гос. пед. ун-т. – Самара, 2001. – 15 с.
2. *Черноусова, Ю. А.* Язык бизнес-контрактов: композиционно-структурные, лексико-семантические и лингво-прагматические особенности (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. А. Черноусова ; ФГБОУВПО «Пятигорск. гос. лингвист. ун-т». – Пятигорск, 2012. – 27 с.
3. *Гатауллина, Н. А.* Когнитивно-семантические особенности терминологии американского договорного права: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. А. Гатауллина; ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский госуд. эконом. ун-т». – СПб., 2021. – 27 с.
4. *Ковалевская, И. И.* Концептуализация дискурса договорного права и ее применение в переводе / И. И. Ковалевская // Вестник МГЛУ. Сер 1. Филология. – Минск, 2023.– № 1 (122). – С. 7–14.
5. *Шлепнёв, Д. Н.* Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология / Д. Н. Шлепнёв // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – Ч. 1. – С. 185–188.

6. *Батюшкина, М. В.* Дискурсивные доминанты законотворчества: монография / М. В. Батюшкина; под ред. М. В. Горбаневского. – М. : РОО ГЛЭДИС, 2022. – 160 с.
7. *Курганова, Н. И.* Образ мира через призму концептов повседневности / Н. И. Курганова. – Минск : РИВШ, 2020. – 200 с.
8. *Пименова, М. В.* Концептуальные исследования. Введение : учеб. Пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
9. *Новиков, А. И.* Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков. – М. : Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
10. *Новиков, А. И.* Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Изд-во «Наука», 1983. – 213 с.

Поступила в редакцию 26.10.2024

Лаевская Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры педагогики
Мозырский государственный
педагогический университет
имени И. П. Шамякина
г. Мозырь, Беларусь

Tatsiana Layeuskaya

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Pedagogy
Mozyr State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin
Mozyr, Belarus
t-laevskaya@mail.ru

ДИНАМИКА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЖАНРА АННОТАЦИИ
К СОВРЕМЕННОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

DYNAMICS OF THE CONTENT STRUCTURE OF THE GENRE OF ANNOTATION
TO A CONTEMPORARY FICTION WORK

Статья посвящена особенностям аннотаций к современным художественным произведениям в аспекте динамики содержательной структуры анализируемого жанра. Рассматриваются способы усложнения содержательной структуры аннотаций информационными компонентами, не являющимися типичными для данного жанра. Делается вывод о расширении формально-содержательных границ аннотаций к современным художественным произведениям.

Ключевые слова: жанр; аннотация к современному художественному произведению; динамика; содержательная структура.

The article is devoted to the peculiarities of annotations to contemporary fiction in the aspect of the dynamics of the content structure of the analyzed genre. The ways of complicating the content structure of annotations with information components that are not typical for this genre are considered. The conclusion about the expansion of formal and content boundaries of annotations to contemporary fiction works is made.

Key words: genre; annotation to contemporary fiction; dynamics; content structure.

Одним из актуальных направлений современного жанроведения является исследование динамики речевых жанров, что обусловлено их социальной детерминированностью, способностью отражать изменения, происходящие в жизни общества. «Можно предположить, что список речевых жанров неисчерпаем, что в любой период культурного развития общества будут появляться новые речевые жанры, отражающие образ жизни данного общества» [1, с. 77]. Так, для современной речевой действительности характерны процессы появления новых и трансформации уже суще-

ствующих жанров, размытость жанровых границ, активное дискурсивное взаимодействие различных жанров. Данная проблема привлекает исследователей в области речеведения [2; 3], журналистики и рекламы [4; 5], литературоведения [6].

Особый интерес в данном аспекте представляют вторичные речевые жанры, под которыми мы понимаем тексты, созданные на основе других текстов и отражающие их основное содержание. Особенности вторичных жанров во многом детерминированы спецификой первичных (исходных) жанров, однако вторичные жанры характеризуются большей статичностью в плане динамики их жанрообразующих признаков. Для структуры большинства вторичных жанров свойственна стандартизованность, что связано с их стремлением к передаче информации в сжатом виде (реферат, резюме, конспект) и строгой функционально-целевой обусловленностью (например, для отзыва главной является функция оценки). Наблюдения над вторичными текстами, тем не менее, позволяют говорить об определенной их динамике. Так, аннотация к художественному произведению, являясь прототипичным вторичным жанром, в современной речевой практике может приобретать свойства самостоятельного художественного текста.

Как отмечает Г. И. Николаенко, «в ситуации, когда речевой жанр становится особым предметом изучения, на первый план выдвигается проблема различных средств, которые являются для него показательными» [7, с. 29]. Под указанными средствами подразумевается соотношение жанрово-конституирующих признаков, к которым исследователь относит речевую ситуацию, лингвостилистические, композиционные и содержательные факторы.

В данной статье мы рассмотрим особенности аннотаций к современным художественным произведениям с точки зрения динамики содержательной структуры данного жанра. Аннотация специфична в аспекте указанного жанрово-конституирующего признака, так как ее содержательная структура обусловлена объектом аннотирования [8]. При этом ее стандартизованность и функционально-целевая установка предполагают возможность выделения содержательных элементов, являющихся типичными для данного жанра. К таким элементам можно отнести краткое содержание первичного текста; тематику и проблематику, жанровую принадлежность первичного текста, часто с добавлением оценочного компонента; информацию об авторе первичного текста, его таланте и творческих достижениях; общую информацию о произведениях, включенных в книгу (в аннотациях к сборникам произведений); указание на адресата первичного текста.

Описанные содержательные элементы аннотаций можно считать универсальными для большинства текстов анализируемого жанра, так как их наличие характерно для аннотаций к художественным произведениям любой жанровой принадлежности. Информационная наполненность текстов аннотаций, использование тех или иных семантических частей (автономно или в разнообразных комбинациях) будут напрямую связаны с реализацией авторского замысла. При этом нельзя говорить об обязательности включения в тексты аннотаций каких-либо определенных содержательных элементов.

Тем не менее обусловленность информационной наполненности аннотаций коммуникативными задачами жанра и зависимостью от первичного текста не предполагает статичности содержательной структуры. Исследование аннотаций к художественным произведениям последних десятилетий выявило случаи усложнения содержательной структуры анализируемых текстов, что дает основание говорить о расширении границ жанра в плане разнообразия способов выражения авторской интенции.

Под усложнением содержательной структуры аннотаций мы подразумеваем использование информационных компонентов, не являющихся для данного жанра типичными. По нашим наблюдениям, такое усложнение может осуществляться двумя способами.

Первый способ предполагает расширение предметного содержания аннотации, разнообразие его информационно-тематической наполненности при сохранении внешней структуры текста. При этом в текст аннотации может включаться информация, имеющая разную степень отнесенности к первичному тексту либо его автору.

Одним из вариантов такого усложнения содержательной структуры аннотации может выступать использование информации, напрямую не связанной с первичным текстом, его автором или читательской аудиторией либо содержащей дополнительные сведения о них. В качестве примера рассмотрим аннотацию к книге Ч. Паланика «Бойцовский клуб»: *Посмотрели одноименный фильм Дэвида Финчера? Он снят именно по этой книге. Скандальный и потрясающий роман-вызов о поколении агрессивных людей, преступивших границу между хорошим и плохим, разрешённым и запретным и уже не знающих, кто рядом с ними и кто они сами.* В данном тексте, помимо характерных для жанра аннотации смысловых компонентов (характеристика жанрово-тематической принадлежности текста, его проблематики), дается информация о том, что по аннотируемому художественному произведению снят фильм. Текст аннотации начинается с вопросительной конструкции, в которой упоминается имя режиссера фильма, с боль-

шой долей вероятности известное предполагаемым читателям. Такая очередность подачи информации в тексте смещает акцент на сведения о фильме, предполагает его мгновенное узнавание и ориентирована на привлечение читательского внимания к книге опосредованно.

Смысловая структура аннотаций может усложняться информацией, которая связана с первичным текстом или личностью его автора, но при этом является факультативной, распространяет или дополняет основную информацию. Это может быть интересный случай из жизни автора книги, история написания произведения и т.д. Например, аннотация к книге Э. Горовица «Дом шёлка. Новые приключения Шерлока Холмса»: *Дом шёлка – это новые приключения легендарного сыщика с Бейкер-стрит: захватывающий сюжет и любимые миллионами читателей герои – Холмс, Ватсон, миссис Хадсон, инспектор Лестрейд. Как и раньше, повествование ведется от лица доктора Ватсона – друга, помощника и биографа Шерлока Холмса. Спустя более чем 100 лет после выхода в свет его последнего рассказа о знаменитом детективе Ватсон наконец раскрывает тайну самого загадочного дела Холмса. Рассказ об этом деле никак не мог быть опубликован при жизни великого сыщика. Причина проста: история до такой степени шокирующая, что обнародовать ее раньше было совершенно невозможно... Впервые наследники Конан Дойла сами выбрали автора для новой книги и официально одобрили публикацию. Автор «Дома шёлка» – Энтони Горовиц, известный британский писатель и сценарист.* Данный текст аннотирует произведение, которое создано по мотивам истории об известном сыщике Шерлоке Холмсе. Известность оригинала, прочно вошедшего в культурное сознание читательской аудитории, обуславливает выбор средств для реализации жанровой установки аннотации к неоригинальному произведению. Так, в тексте аннотации отсутствует описание содержания произведения (кроме упоминания того факта, что сюжет является захватывающим). Конструкции «*легендарного сыщика с Бейкер-стрит*», «*любимые герои*», «*как и раньше*» обращают потенциального читателя к уже существующему в его сознании представлению о произведении-первоисточнике. Далее следует описание истории создания неоригинального произведения, при этом автор аннотации подчеркивает его связь с каноном и апеллирует к авторитету Конан Дойла, говоря об одобрении аннотируемого текста его наследниками. Нетипичная для аннотаций информационная наполненность обусловлена стремлением привлечь внимание читателей к книге опосредованно, отсылая к произведению-первоисточнику, которое может быть эмоционально и культурно значимым для читательской аудитории.

Описанное информационное усложнение смысловой структуры связано с решением коммуникативных задач жанра (в приведенных примерах это привлечение внимания потенциального читателя и формирование у него интереса к первичному тексту) и не является репрезентативным признаком аннотации, однако дает основание говорить о динамике данного жанра.

Второй способ усложнения содержательной структуры реализуется посредством объединения существующих жанров или их элементов в текстовом пространстве аннотации. При этом может наблюдаться разная степень формально-смысловой спаянности указанных элементов с основным текстом.

Так, нами были отмечены случаи включения в текст аннотации других жанров или их элементов, которые могут частично выполнять информационную функцию, сообщая сведения о первичном тексте, а также служить отправной точкой для развертывания темы текста. Например, аннотация к книге Алана Чаройта «Эльфийский подменыш»: *Требуются юноши и девушки от пятнадцати лет, бесстрашные и отважные, желающие служить стране и королю. Чародейские умения приветствуются». Элитный отряд чародеев – Королевские Соколы – впервые за всю историю существования набирает новобранцев. Семеро счастливицков отправятся на черную мельницу учиться колдовству, чтобы уже в канун Самайна участвовать в Зимней битве. Но один из них может оказаться предателем.* Данный текст можно условно разделить на две части: первая представляет собой объявление о работе, во второй представлено описание содержания первичного текста. При этом обе части взаимодействуют в смысловом и стилистическом плане. Такой прием («жанр в жанре») выполняет ряд функций, способствующих успешной реализации коммуникативных установок жанра: привлекает внимание потенциального читателя, информирует его о примерном содержании художественного произведения, усиливает стилистическую корреляцию вторичного текста с первичным, в композиционном плане играет роль вступительной части текста аннотации и своеобразной ступени для последующего развертывания информации.

Использование в текстах аннотаций тех или иных смысловых компонентов связано не только с выражением авторского замысла, но и с особенностями коммуникативной среды, в которой реализуется текст. Существование аннотации в условиях интернет-дискурса зачастую требует появления в ее структуре элементов, не характерных для традиционного воплощения жанра, но позволяющих решать коммуникативные задачи

в указанной среде. Рассмотрим аннотацию к книге Татьяны Орловой «Последняя игра чернокнижника»: *Пусть и не по своей воле я очутилась в иной реальности, но увидела возможность начать с чистого листа новую жизнь. А другой мир оказался местом страшнее, чем я знавала до сих пор. В прошлом преступница, которой нечем гордиться, встретила со злом настоящим – холодным, расчётливым, порочным и не ведающим сострадания. Чернокнижник решил вовлечь меня в свою очередную игру. Самое простое – сдать на его волю, но раз уж прошлое меня не сломало, то и с ролью жертвы не смирюсь. Однотомник.*

В нашей библиотеке вы можете бесплатно почитать книгу «Последняя игра чернокнижника». Чтобы читать онлайн книгу «Последняя игра чернокнижника» перейдите по указанной ссылке. Приятного Вам чтения.

В данном тексте можно выделить два информационных блока, в одном из которых передается его краткое содержание, а в другом даются сведения о том, каким образом читатель может познакомиться с книгой. Указанные блоки имеют существенные отличия. В области речевой ситуации можно говорить о несовпадении адресантов и коммуникативных установок. В первой части повествование ведется от имени главной героини аннотируемого произведения. Читателю дается информация о сюжете произведения, а также косвенно, при помощи использования языковых средств, происходит формирование читательского интереса к книге. Во второй смысловой части адресантом выступает администрация сайта, на котором размещен первичный текст.

Обе смысловые части воспринимаются как автономные с точки зрения связности, смысловой и структурной цельности. По сути происходит формальное «склеивание» двух блоков в одном тексте.

Описанное усложнение смысловой структуры характерно для аннотаций, реализующих свои жанровые функции в условиях интернет-среды. Содержательная наполненность дополнительной информации в таких аннотациях обусловлена необходимостью решения задач, которые ставят перед собой электронные сервисы. С этим связано использование ограниченного количества конструкций, в которых содержится руководство по покупке или прочтению книги. Как правило, используются сочетания «купить книгу на сайте», «читать книгу онлайн», «скачать бесплатно и без регистрации», «перейти по ссылке» и т.п. Такие конструкции не только образуют алгоритм действий для потенциального читателя, но и соответствуют типичным ключевым запросам пользователей в поисковых системах, что позволяет быстро найти нужный контент в имеющемся обилии информации.

Возможность прямой коммуникации в интернет-пространстве обуславливает появление в текстах аннотаций элементов, способствующих сближению автора и читателей. При этом создание первичного текста, презентация его адресату через сопутствующую информацию и знакомство адресата с первичным текстом представляется единым творческим процессом. Рассмотрим аннотацию к книге Д. Дорничева «Пожиратель душ»:

ВНИМАНИЕ! Первый том бесплатно.

В ходе написания книги пострадало множество пельменей... Ещё больше пострадает во время прочтения...

А теперь пафосная аннотация:

Я жил, никому не мешал, правил своей маленькой страной, где и демоны, и люди жили в мире и достатке, а потом явились они! Лицемерные герои, что служат своим лицемерным богам! Они прошлись по моим землям, словно саранча, не оставив ни одной живой души, но в итоге умылись собственной кровью! Однако... и я пал.... Данный текст начинается с сообщения о стоимости книги. Далее следует шутка, представляющая собой аллюзию на известную фразу «во время съемок ни одно животное не пострадало». Открывая таким способом некоторые детали процесса создания произведения (прием пищи во время написания книги), автор приближает себя к читательской аудитории, создает условия для успешного диалога. Самоирония автора, презентующего аннотацию как пафосную, также способствует установлению контакта с читателями.

Таким образом, можно сделать вывод о динамике содержательной структуры аннотаций к современным художественным произведениям. В частности, наблюдается ее усложнение информационными компонентами, не являющимися типичными для текстов традиционных аннотаций. Данный факт свидетельствует о расширении формально-содержательных границ анализируемого жанра и может быть обусловлен его социальной детерминированностью, авторской интенцией, спецификой коммуникативной среды, в которой реализуется жанр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меламедова, Е. А. Авторское выражение благодарности в свете теории речевых жанров / Е. А. Меламедова // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2008. – № 5/2 (64). – С. 76–82.
2. Горошко, Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // Жанры речи. – 2007. – № 5. – С. 370–389.

3. *Громова, М. В.* Объявление о знакомстве как жанр компьютерной коммуникации / М. В. Громова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. : Филол. науки. – 2006. – № 5 (2). – С. 15–20.
4. *Капанадзе, Л. А.* Структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. – М., 2001. – С. 246–255.
5. *Юрова, Г. И.* К вопросу об особенностях жанрообразования в современных СМИ / Г. И. Юрова, Е. В. Королькова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 132–136.
6. *Елина, Е. Г.* Маргинальные жанры в современной русской литературе / Е. Г. Елина // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер.: Филология. Журналистика. – 2007. – Т. 7, № 2. – С. 82–86.
7. *Николаенко, Г. И.* Теоретико-методические основы обучения жанрам речи на уроках русского языка в средней школе / Г. И. Николаенко. – Минск : НИО, 2001. – 271 с.
8. *Гречихин, А. А.* Общая библиография : учебник для вузов / А. А. Гречихин. – М. : МГПУ, 2000. – 588 с.

Поступила в редакцию 22.10.2024

Ло Чжэнцзинь

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Luo Zhengjin

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a470243764@gmail.com

ОБ УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ON THE USE OF DOMESTIC ANIMALS' NAMES
IN RUSSIAN AND CHINESE

В статье исследуется частотность употребления наименований домашних животных в русском и китайском языках. Различия, выявленные в результате сопоставительного анализа данных национальных корпусов, убедительно указывают на разную значимость обозначений вида, женских и мужских особей, детенышей в исследуемых языках и называемых классов животных в соответствующих культурах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: домашние животные; наименование; частотность; русский язык; китайский язык; значимость.

The paper is focused on frequency of use of domestic animals' names in Russian and Chinese. The differences revealed by the comparative study of the national corpora data clearly indicate values names of the genera, female, male and baby types of domestic animals have in the correlative language systems and cultures.

Key words: domestic animals; name; frequency; Russian; Chinese; value.

Целью нашего исследования является установление функциональных характеристик наименований домашних животных в русском и китайском языках, находящих выражение в частотных показателях их употребления. Несмотря на то, что частотность является статистической и потому, казалось бы, чисто формальной характеристикой, в ней, как отмечается в лингвистической литературе, концентрируются тесно взаимосвязанные свойства – семантические, синтаксические, стилистические, этимологические и т. д. – лексических единиц [1, р. 176], находя в параметрах частотности наиболее яркое свое воплощение. Опираясь на показатели частотности, становится возможным в предпринимаемом сопоставлении

слов, обозначающих одни и те же классы референтов и лежащих в основе эквивалентности или семантической близости наименований домашних животных в русском и китайском языках, установить коэффициенты значимости обозначаемого в соответствующих социумах.

Как указано в названии нашей работы, объект анализа составили наименования домашних животных в русском и китайском языках. Они извлечены в русском языке из Русского семантического словаря (РСС) под ред. Н. Ю. Шведовой [2, с. 396–458], а их китайские соответствия из Нового русско-китайского словаря Цзя Цзяньфэна (蔡剑锋) [3]. Отметим сразу же, что нами проводится различие между домашними животными в традиционном понимании, к которым, согласно энциклопедическим данным, относятся животные, одомашненные человеком разумным, разводимые человеком преимущественно для хозяйственных нужд, размножающиеся в неволе под контролем человека и дифференцированные на породы [4; 5].

В настоящее время понимание термина *домашние животные* имеет и другую, более широкую интерпретацию и включает животных-компаньонов (англ. *pets*), например, разводимых в неволе декоративных и певчих птиц, декоративных грызунов, лабораторных животных и иных видов животного мира. Следует также отметить, что одомашнивание диких животных активно ведется в наше время и соответственно список домашних животных пополняется. Так, согласно энциклопедическим данным, в XX веке одомашнен европейский олень, в 1950-х гг. началось одомашнивание овцебыков, продолжается одомашнивание пушных зверей, куланов, лосей, антилоп и др. Кроме того, мы опирались на языковые данные, указанные в словарных дефинициях. Из общего списка названий животных, данных в Русском семантическом словаре, мы выбрали те, в дефинициях которых авторы употребляли слово *домашний* или *одомашненный*. Например: *лошадь* 'домашнее животное, крупное непарнокопытное сем. лошадиных'; *кошка* 'домашний вид такого животного, а также мех его. Сибирская, ангорская, персидская, сиамская к. (породы)'; *собака* 'домашнее (животное) сем. волчьих, служебные, сторожевые, охотничьи собаки'; *кабан* 'домашняя свинья и дикая свинья, стадо кабанов, охота на кабанов' и др. В конечном итоге нами был получен список наименований домашних животных в русском языке, включающий 33 единицы. Однако в этом общем списке далеко не все слова обозначают домашних животных, распространенных и широко используемых на территории России. Так, слова *мустанг*, *мул*, *верблюды* и др. называют животных, не характер-

ных для ареала, занимаемого носителями русского языка, и на этом основании они были исключены из дальнейшего рассмотрения. Вместе с тем в выделенном списке оказались единицы типа *кура, клуша*, представляющие собой диалектные или стилистически отмеченные слова, которые также не были включены в объект анализа. Подчеркнем также, что наше внимание было сосредоточено на именах, находящихся на верхних уровнях разветвленной иерархии одомашненных с древних времен домашних животных, а именно на именах, для которых наряду с обозначением вида в данной категории присущи оппозиции «женская – мужская особь» и «взрослое – молодое животное» (ср. [6]).

Отобранные для исследования единицы (32 в русском языке, с учетом разных, но совпадающих по форме значений – видовых и особой женского пола) на основе устанавливаемых между ними связей, проходящих, с одной стороны, по линии «вид: взрослая особь (мужского/женского пола), и «взрослая особь: детеныш» – с другой, формируют лексические парадигмы наименований домашних животных в русском языке:

корова: корова (Ж¹) – бык (М) – теленок (Д);
свинья: свинья (Ж) – кабан (М) – поросенок (Д);
лошадь: кобыла (Ж) – жеребец (М) – жеребенок (Д);
курица: курица (Ж) – петух (М) – цыпленок (Д);
коза: коза (Ж) – козел (М) – козленок (Д);
овца: овца (Ж) – баран (М) – ягненок (Д);
кошка: кошка (Ж) – кот (М) – котенок (Д);
собака: сука (Ж) – кобель (М) – щенок (Д);

Их китайские эквиваленты составляют следующую подсистему коррелятивных имен:

奶牛 nǎi niú: ‘корова’ – 母奶牛 mǔ nǎi niú ‘корова’ (Ж) – 公奶牛 gōng nǎi niú ‘бык’ (М) – 小奶牛 xiǎo nǎi niú ‘теленка’ (Д);
猪 zhū: ‘свинья’ – 母猪 mǔ zhū ‘свинья’ (Ж) – 公猪 gōng zhū ‘кабан’ (М) – 小猪 xiǎo zhū ‘поросенок’ (Д);
马 mǎ: ‘лошадь’ – 母马 mǔ mǎ ‘кобыла’ (Ж) – 公马 gōng mǎ ‘жеребец’ (М) – 小马 xiǎo mǎ ‘жеребенок’ (Д);
鸡 jī ‘курица’: 母鸡 mǔ jī ‘курица’ (Ж) – 公鸡 gōng jī ‘петух’ (М) – 小鸡 xiǎo jī ‘цыпленок’ (Д);
山羊 shān yáng: ‘коза’ – 母山羊 mǔ shān yáng ‘коза’ (Ж) – 公山羊 gōng shān yáng ‘козёл’ (М) – 小山羊 xiǎo shān yáng ‘козленок’ (Д);

¹ Буквами Ж, М указываются женский и мужской пол обозначаемых животных, буквой Д – обозначение детенышей.

绵羊 *mián yáng*: 'овца' – 母绵羊 *mǔ mián yáng* 'овца'(Ж) – 公绵阳 *gōng mián yáng* 'баран' (М) – 小绵羊 *xiǎo mián yáng* 'ягненок' (Д);

猫 *māo*: 'кошка' – 母猫 *mǔ māo* 'кошка' (Ж) – 公猫 *gōng māo* 'кот' (М) – 小猫 *xiǎo māo* 'котенок' (Д);

狗 *gǒu* 'собака': – 母狗 *mǔ gǒu* 'сука' (Ж) – 公狗 *gōng gǒu* 'кобель' (М) – 小狗 *xiǎo gǒu* 'щенок' (Д)¹.

Для решения поставленной задачи в центр нашего внимания были поставлены количественные параметры функционирования данных слов в их зоонимных значениях, отображающие частотность использования наименований домашних животных в русском языке и их коррелятов в китайском. Количественные сведения устанавливались на базе данных НКРЯ [7] и Корпуса китайского языка ВСС [8]. По сравнению с другими источниками частотности употребления лексических единиц русского языка (например, [9] или [10]) они содержат сведения, наиболее представительные на настоящий момент выборки языковых данных, и соответственно дают наиболее точную картину функционирования исследуемых единиц.

Прежде чем приступить к описанию полученных данных, нельзя не упомянуть серьезную трудность определения частотности употребления русских слов исследуемой группы, вытекающую из идентичности форм наименований вида и женской особи, как это имеет место в случае слов *свинья*, *коза*, *корова*, *кошка*, *курица* и *овца*. Для определения частотности использования этих слов в разных их значениях и сохранения репрезентативности выборки мы использовали широко применяемую методику А. Н. Баранова [11], выбрав из 200 примеров, приведенных в НКРЯ, число употреблений для каждого из актуализируемых в соответствующем контексте значений. Так, для слова *свинья* частотность его употребления в значении особи женского пола на 200 контекстов составила 6 примеров (*Его обложила семья кабанов матерый секач с седой щетиной на свирепом пятачке и свинья с четырьмя полосатыми поросятами* (М. Б. Бару. Навоз божьих коровок // «Волга», 2012) [7]. Вот он и покрыл тебя, как хороший боров паршивую **свинью** (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3, 1978) [7] и др.

Для слова *коза* в значении женской особи частотность употребления на 200 контекстов составила 14 примеров: *...ответила Матрена суховато и ушла доить козу... Мне молока и от козы хватит* (Александр Солженицын. Матренин двор, 1960) [7]; *за спиной девушки к дереву привязана коза, кормящая козленка* (Т. Акимова. Национальный музей западного ис-

¹ Очевидны принципиальные различия в способах выражения принадлежности животного к подклассу мужских, женских особей, детенышей в русском и китайском языках, что позволяет провести разграничение лексической парадигмы в русском и морфологической парадигмы в китайском языках. Однако их описание не входит в задачи данной статьи.

куства. Токио, 2013) [7]; как – *вымя козам протираете? Самогоном?* (Борис Буянов. Про Аглаю Гусякову // «Волга», 2013) [7]. Также невысоки показатели частотности употребления в значении самки домашнего животного слов *корова* (18 примеров), *овца* (7 примеров). Наименее употребительны в этих значениях *курица* (5 примеров) и *кошка* (3 примера). На основании полученных сведений были высчитаны соответствующие показатели на всем объеме имеющейся выборки (табл. 1; рис. 1, 2, 3, 4).

Таблица 1

Частотность употребления наименований домашних животных
в русском языке, количество

Частотность наименований вида	Ж. частотность (наименований женской особи)	М. частотность (наименований мужской особи)	Д. частотность (наименований детенышей)
<i>лошадь</i> : 77 098	<i>сука</i> : 5 306	<i>кот</i> : 13 333	<i>щенок</i> : 5 741
<i>собака</i> : 55 846	<i>кобыла</i> : 2 804	<i>бык</i> : 11 186	<i>поросенок</i> : 4 160
<i>корова</i> : 16 381	<i>корова</i> : 1 620	<i>козел</i> : 10 673	<i>котенок</i> : 4 000
<i>кошка</i> : 16 166	<i>коза</i> : 448	<i>петух</i> : 8 257	<i>теленок</i> : 3 575
<i>курица</i> : 12 742	<i>курица</i> : 327	<i>баран</i> : 6 310	<i>цыпленок</i> : 3 139
<i>свинья</i> : 9 977	<i>свинья</i> : 308	<i>жеребец</i> : 3 004	<i>жеребенок</i> : 1 182
<i>овца</i> : 8 235	<i>овца</i> : 299	<i>кабан</i> : 2 639	<i>ягненок</i> : 1 107
<i>коза</i> : 5 964	<i>кошка</i> : 246	<i>кобель</i> : 1 664	<i>козленок</i> : 822

Частотность употребления наименований домашних животных
в русском языке, %

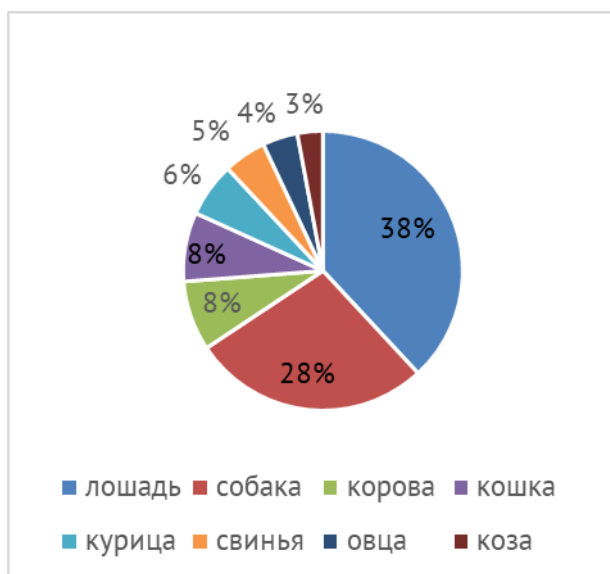

Рис. 1. Частотность наименований вида

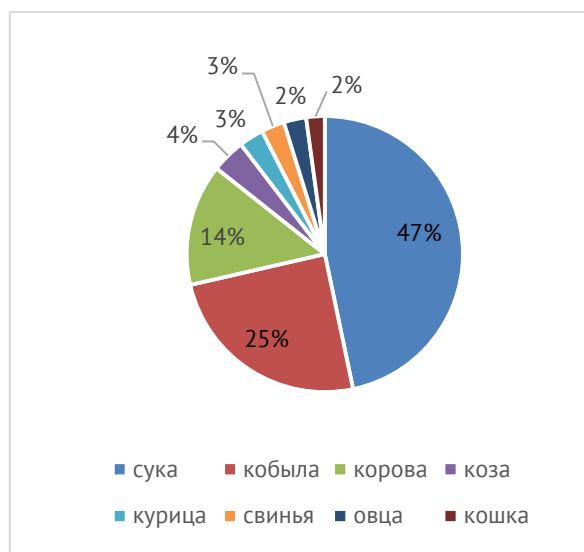

Рис. 2. Ж. частотность(наименований женской особи)

Рис. 3. М. частотность (наименований мужской особи)

Рис. 4. Д. частотность (наименований детенышей)

Таблица 2

Частотность употребления наименований домашних животных в китайском языке, количество

物种名称频率 Частотность наименований вида	雌性性别频率 Ж.частотность (наименований женской особи)	雄性性别频率 М.частотность (наименований мужской особи)	幼崽频率 Д. частотность (наименований детенышей)
马 <i>mǎ</i> 'лошадь': 741 349	母猪 <i>mǔ</i> <i>zhū</i> 'свинья': 13 015	公鸡 <i>gōng jī</i> 'петух': 6 235	小狗 <i>xiǎo gǒu</i> 'щенок': 11 923
鸡 <i>jī</i> 'курица': 228 385	母鸡 <i>mǔ jī</i> 'курица': 7 674	公牛 <i>gōng niú</i> 'бык': 3 731	小马 <i>xiǎo mǎ</i> 'жеребенок': 8 660
狗 <i>gǒu</i> 'собака': 203 844	母狗 <i>mǔ gǒu</i> 'сука': 999	公猪 <i>gōng zhū</i> 'кабан': 2 484	小猫 <i>xiǎo māo</i> 'котёнок': 8 039
猪 <i>zhū</i> 'свинья': 158 688	母马 <i>mǔ mǎ</i> <i>tǎ</i> 'кобыла': 690	公狗 <i>gōng gǒu</i> <i>gǒu</i> 'кобель': 380	小牛 <i>xiǎo niú</i> <i>niú</i> 'теленок': 6 626
猫 <i>māo</i> 'кошка': 126 182	母猫 <i>mǔ māo</i> <i>māo</i> 'кошка': 357	公猫 <i>gōng māo</i> 'кот': 223	小猪 <i>xiǎo zhū</i> <i>zhū</i> 'поросенок': 6 456

山羊shān yáng'коза': 13 414	母山羊mǔ shān yáng 'коза': 150	公马gōng mǎ'жеребец': 194	小鸡xiǎo jī'цыпленок': 5 783
奶牛nǎi niú'корова': 12 049	母绵羊mǔ mián yáng 'овца': 21	公山羊gōng shān yáng'козел': 35	小绵羊xiǎo mián yáng 'ягненок': 780
绵羊mián yáng 'овца': 6 792	母奶牛 mǔ nǎi niú 'корова': 8	公绵羊gōng mián yáng'баран': 11	小山羊xiǎo shān yáng 'козленок': 284

Частотность употребления наименований домашних животных в китайском языке, % (рис. 5, 6, 7, 8).

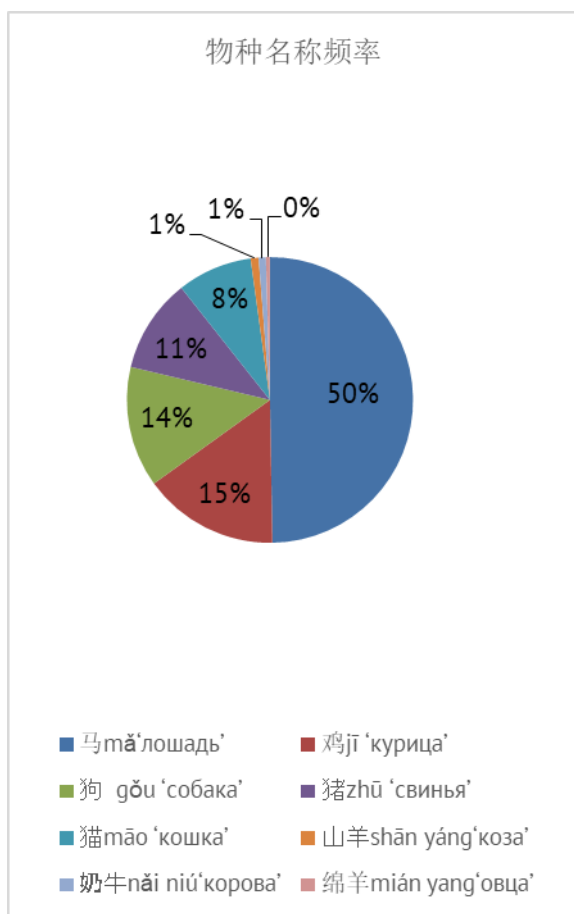

Рис.5. Частность наименований вида

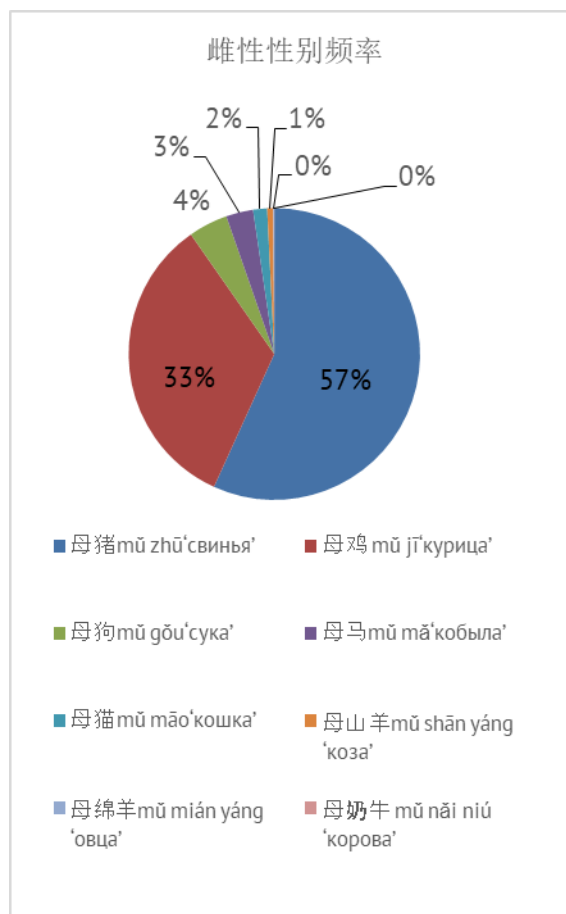

Рис. 6. Ж. частность (наименований женской особи)

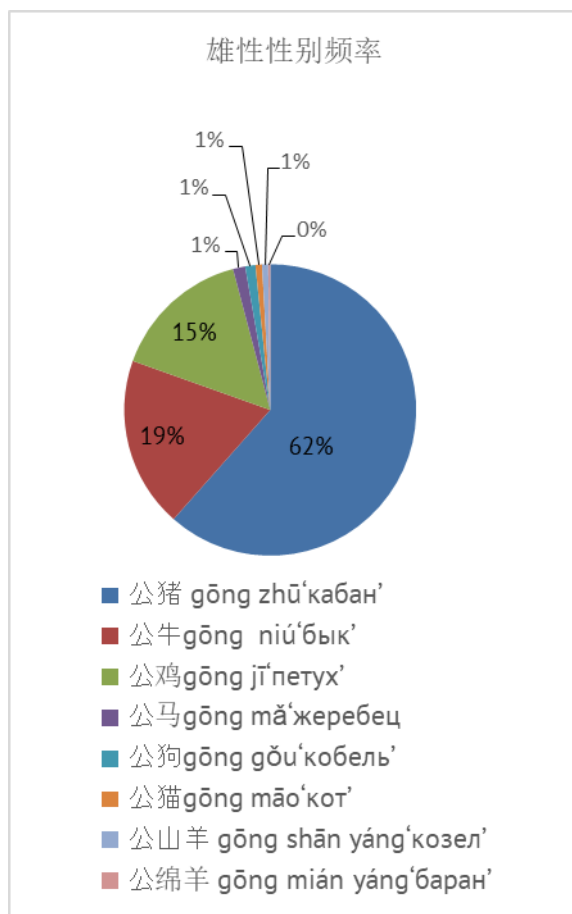

Рис. 7. М. частотность (наименований мужской особи)

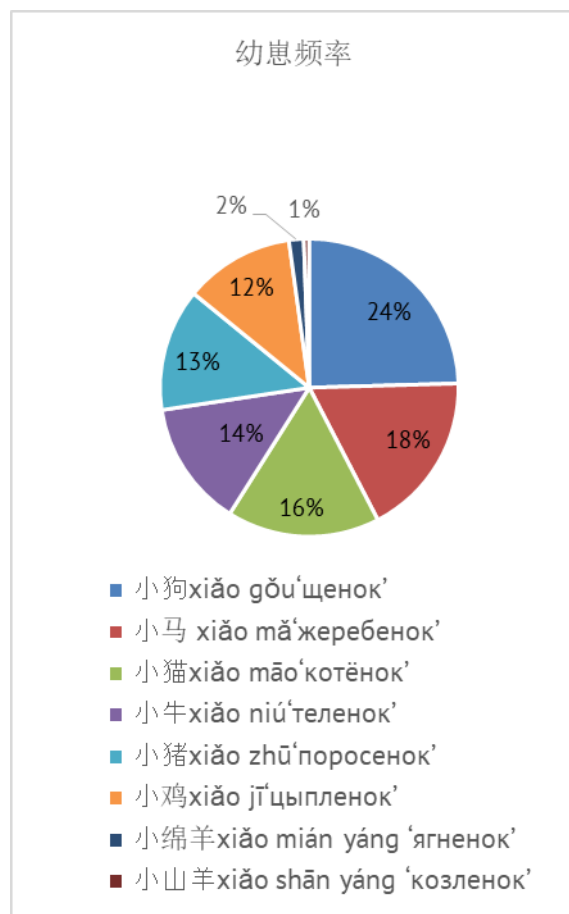

Рис. 8. Д. частотность (наименований детенышей)

На базе полученных данных, отраженных в табл. 1, 2 и рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, можно сделать некоторые обобщения. Во-первых, наименования домашних животных как в русском, так и в китайском языке, различаются по общей частотности своего употребления. К высокочастотным единицам в русском языке принадлежат общие наименования вида: *лошадь, собака, корова, кошка*. В китайском языке первые места по частотности употребления занимают слова *马 mǎ* 'лошадь', *鸡 jī* 'курица', *狗 gǒu* 'собака', *猪 zhū* 'свинья', т. е. совпадая частично (наименования *лошади* и *собаки*), наиболее частотные слова (наименования *коровы* и *кошки* в русском языке и наименования *курицы* и *свиньи* в китайском) различаются. В целом можно сделать вывод, что наименования домашних животных в русском и китайском языках характеризуются разной частотностью, указывающей, на наш взгляд, на различия в значимости животных в жизни русскоязычного и китайского социумов.

Таким образом, при общей тенденции названий определенных видов домашних животных различаться своей частотностью привлекают внимание совпадение в высоком или низком рангах частотности, а также несоответствие частотности коррелятивных единиц в русском и китайском языках.

Различаются своей частотностью слова в группах, объединяющих наименования вида животного, мужской и женской особей и детенышей. По общей частоте использования мы можем видеть, что частота использования названия вида домашних животных превышает количественные параметры употребления названий мужской и женской особей, а также детенышей.

Также очевидно, что, как правило, наименованиям мужских особей домашних животных присуща более высокая степень употребительности, нежели их коррелятам – наименованиям женских особей. Иная тенденция видна в китайском языке: количественные параметры употребления названий самок животных выше, чем у названий самцов и детенышей. Интересно, что наименования детенышей в некоторых случаях (например, *щенок*) более употребительны, нежели другие члены описываемой парадигмы.

Анализ частотности наименований домашних животных в русском и китайском языках позволяет сделать следующее заключение. Полученные данные указывают, во-первых, на разную значимость наименований видов домашних животных в соответствующих сообществах и, во-вторых, на существенные отличия в оценках важности наименований внутри формируемых парадигм, в которых наименованиям видов, мужских и женских особей, детенышей присущи разные показатели частотности. Выявленные общие и отличительные параметры частотности употребления наименований домашних животных в русском и китайском языках заставляют задуматься о причинах наблюдаемых языковых различий, однако их поиск, требующий выхода в сферу экстралингвистических факторов, задачи иного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексикология английского языка : учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1979. – 269 с.
2. Русский семантический словарь / под об. ред. акад. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2003. – 720с.

3. 现代俄汉词典.蔡剑锋.出版发行: 北京.外语教学与研究出版社.1998年10月第一版= Новый русско-китайский словарь Цая Цзяньфэна. – Пекин : Изд-во по преподаванию иностранных языков и научным исследованиям. – 1-е изд., окт., 1998. – 1314 с.
4. Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.10.2024).
5. Российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 08.10.2024).
6. Мяховский, А. А. Структура и семантика гиперо-гипонимической иерархии (на материале названий животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мяховский Антон Александрович. – Минск, 2024 (в рукописи).
7. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.10.2022).
8. ВСС汉语语料库 корпус китайского языка ВСС. – URL: <http://bcc.bl-si.edu.cn/> (дата обращения: 30.10.2022).
9. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.
10. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009.
11. Баранов, А. Н. Проблема репрезентативности корпуса данных: на примере политической метафористики // Труды Междунар. семинара «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2001. – С. 179–191.

Поступила в редакцию 28.10.2024

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и практики китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ЛОГОГРАФИИ

TYPOLOGICAL PECULIARITIES OF CHINESE LOGOGRAPHY

В данной статье осуществляется анализ типологических особенностей китайской письменности, обусловленных строем древнего и современного китайского языка. Опираясь на исследования иероглифики в целом, автор рассматривает выдвинутые рядом ученых положения относительно развития китайского языка.

Ключевые слова: *китайский язык; типологические характеристики; логография; логограмма; уровни логографической системы.*

This article reveals the analysis of the typological peculiarities of Chinese logography. Taking into the account the research done on the different Character Systems, the author uses its main thesis statement in the frame of the Chinese language.

Key words: *Chinese language; typological peculiarities; logographic; logogram; levels of the logographic system.*

Согласно В. А. Истрину, изолирующий строй китайского языка обусловил типологические особенности логографической китайской письменности [1]. Возникновению и закреплению логографического письма способствовали также некоторые особенности древнего китайского языка, к числу важнейших из которых относятся следующие:

1) сравнительная легкость выделения слов из речи в древнем китайском языке, восприятие слов как основных, самостоятельных элементов языка, каждый из которых может быть передан особыми письменными знаками. Так, для строя древнего китайского языка была характерна подавляющая односложность [2], что привело к тому, что слово всегда или почти всегда совпадало со слогом, тем самым легко выделяясь из речи;

2) в древнем китайском языке, а также на современном этапе его развития наличие явления грамматической неизменяемости слов, которые легко выделяются из речи как ее основные единицы и не требуют дополнительных слоговых или звуковых знаков для передачи грамматических форм [1].

На наш взгляд, строй языка и письменность являются взаимообусловленными, а именно определяют типологические характеристики уровней языка, частей речи, грамматических категорий и уровней логографической системы.

В качестве типологических характеристик древнего письменного китайского языка, являющегося основой современной его формы, можно выделить следующие:

- 1) является логографическим письмом [1];
- 2) подавляющая односложность;
- 3) основная единица – иероглиф/логограмма, имеет план выражения и план содержания;
- 4) вневременной характер логограммы [1];
- 5) международный характер логограммы;
- 6) идеографичность письма;
- 7) большая семантическая емкость логограммы [1];
- 8) «квадратный» способ расположения иероглифов;
- 9) отделение логограмм пробелами на письме;
- 10) полифункциональность логограмм;
- 11) большое количество омонимически и сходно звучащих логограмм, слов [1];
- 12) большое количество сходных по написанию логограмм.

В качестве типологических характеристик современного письменного китайского языка можно выделить следующие:

- 1) является логографическим письмом [1];
- 2) подавляющая двусложность;
- 3) основная единица – иероглиф/логограмма, имеет план выражения и план содержания;
- 4) невозможность определения точного количества логограмм;
- 5) идеографичность письма;
- 6) преобладание фоноидеографического обозначения логограмм (примерно 80–90 % от числа наиболее употребимых иероглифов);
- 7) коэффициент фонографичности логографии 54 % [3, с.120];
- 8) степень идеографичности логографии 100 %;
- 9) высокая строевая и сочетательная способность логограммы;

- 10) способность логограмм образовывать множества и кортежи [4];
 11) невыделение слов и словосочетаний на письме;
 12) разная степень спаянности единиц различных уровней логографической системы [5].

Под множеством в комбинаторной семантике понимается собрание индивидов, согласно А. Н. Гордею, индивид – отдельная сущность в выделенном фрагменте модели мира, кортеж как их упорядоченный набор [4].

Рассмотрим основные характеристики уровней логографической системы китайского языка (таблица).

Уровни логографической системы китайского языка

Уровни логографической системы	Типологические характеристики
Графема (Черта)	<ul style="list-style-type: none"> ограниченный набор смыслоразличительная функция не выступает носителем смысла не имеет чтения
Логограмма	<ul style="list-style-type: none"> двухкомпонентность структуры [6; 7; 8; 9; 10] «квадратный» способ расположения наличие четких границ выступает носителем смысла и звучания жесткие структурные модели регламентированный порядок написания
Слово	<ul style="list-style-type: none"> отсутствие четких границ одно-, двух-, трех-, четырех-компонентная иероглифическая структура отсутствие морфологических характеристик
Словосочетание	<ul style="list-style-type: none"> отсутствие четких границ наличие целого ряда единиц с жесткой сочетаемостью (например, с глагольно-объектным, атрибутивным типом связи) фиксированность рамочных конструкций возможность вычленения с помощью специальных маркеров

По сравнению с буквенно-звуковым и слоговым логографическое письмо обладает рядом преимуществ:

1) большая емкость логографического письма, обусловленная тем, что знак обозначает целое слово;

2) международный характер идеографических логограмм, обусловленный тем, что знаки имеют непосредственную связь со значением слов, вследствие чего одни и те же логограммы могут использоваться представителями различных диалектов и языков даже при наличии разного чтения, а также в случае отсутствия единого общенародного литературного языка [1].

Так, уникальным свойством китайской письменности является независимость значения иероглифа от его чтения. Иероглиф может обладать любым количеством чтений, например, китайские иероглифы имеют не только китайское, но также и японское, корейское, вьетнамское чтения. В Китае каждый иероглиф имеет множество чтений: «общеупотребимое» литературное чтение и различные диалектные. При знании иероглифов и грамматики любой текст, написанный китайским иероглифическим письмом, может быть понят независимо от того, в какой исторический период он был создан. При этом китайские иероглифические тексты могут быть легко прочитаны японцами, корейцами, вьетнамцами совершенно независимо от того, как именно они читались в момент создания [11].

К недостаткам логографического письма относят следующие:

1) трудность передачи слов абстрактного значения и имен собственных (характерен для первоначальных этапов развития логографического письма) [1];

2) сложность (многозначность) логографических систем [1], также верно и для древнего китайского языка, для которого характерна гибкая частеречная принадлежность логограмм, сложность определения лексического и грамматического значения логограмм, которое устанавливалось с помощью контекста [2];

3) трудность передачи грамматических форм слов [1], в древнем китайском языке грамматические отношения передавались с помощью специальных служебных слов суйцы и порядка слов [2], на современном этапе развития языка для их выражения применяются знаки более элементарных частиц языка – морфем.

Согласно В. А. Истрину, сохранение в Китае логографического письма неслучайно. Оно обусловлено целым рядом особенностей китайского языка.

Во-первых, китайский язык относится к корнеизолирующим, аналитическим языкам.

Во-вторых, в ходе развития китайского языка его переход от подавляющей однослоговости к двухслоговости происходил посредством слияния аутентичных однослоговых логограмм.

В-третьих, в китайском языке широко представлено явление омонимичности и омографичности логограмм.

В-четвертых, в Китае вплоть до сегодняшнего момента присутствуют ярко выраженные диалектные зоны китайского языка (всего в диалектной структуре китайского языка насчитывается семь диалектных групп).

В-пятых, в китайских классических и современных текстах различных функциональных стилей часто используется специфичность и сложность смыслового значения логограммы, внутренней графической структуры логограммы либо всего слова как стилистический прием [1].

Древнейший иероглифический словарь «Шовэнь Цзецзы» (II в. н. э.) представлен следующими видами иероглифов (логограмм), большинство из которых используются в современном китайском языке самостоятельно либо как компонент иероглифа/слова:

1) «изобразительные» (идеографические логограммы изобразительного характера);

2) «указательные» (идеографические логограммы условно-символического характера);

3) «видоизмененные» (идеографические логограммы, получаемые путем изменения положения или формы первоначального знака);

4) «заимствованные» (идеографические логограммы, превратившиеся в фонетические и используемые для обозначения нескольких омонимически звучащих слов);

5) «составные» идеографические (получаемые путем сочетания двух или нескольких идеографических логограмм);

6) «составные» фонетически-идеографические (получаемые путем сочетания фонетической логограммы с идеографическим "ключевым знаком") [12].

Согласно В. А. Истрину, Ж. Ф. Champollion, существуют следующие особенности передачи значения логограммы в китайском языке:

1) для отображения явлений действительности, обладающих конкретным значением, служат пиктографические изображения, например, 山 'гора', 木 'дерево', 马 'лошадь' и т.д. («изобразительные» иероглифы [12]);

2) для отображения явлений действительности, обладающих абстрактным значением, использовались следующие четыре способа идеографической передачи: способ синекдохи, способ метонимии, способ метафоры, «энигматический» способ [1; 13].

Способ синекдохи представляет собой изображение части вместо целого. Так, например, логограмма 緡 ‘цвет молодого тутового листа’ также имеет значение ‘название дерева’, например, ‘светло-желтый грецкий орех’, передавая название дерева через цвет его плодов (скорлупы, ядер, цветков). Здесь происходит расширение значения логограммы, где в качестве части целого выступает признак предмета, а именно ‘светло-желтый’ вместо самой нити.

Способ метонимии заключается в изображении причины действия/явления вместо изображения следствия, инструмента – вместо изделия, органа человеческого тела – вместо функции этого органа. Так, например, значение ‘день’ передается с помощью логограммы 日, этимологическое значение которой ‘солнце’, значение ‘брать, забирать’ выражается с помощью логограммы 取, значение которой слагается из совокупности значений ее компонентов: 又 ‘ладонь’ + 耳 ‘ухо’ = ‘отрезать ухо рукой’, а более конкретно: ‘поймать дикого зверя или захватить военнопленного и отрезать у него ухо’, то есть ‘взять, забрать, пленить’.

Способ метафоры – изображение предмета или явления, с которыми ассоциировалось передаваемое значение. Так, понятия 炎 ‘воспаление; воспалительный’ выражались изображением двух огней, что обозначало ассоциацию ‘жаркий, как от огня’, ‘раскаленный’.

«Энигматический» (загадочный) способ – прием, при котором связь между словом и изображением была непонятной для непосвященного и основывалась на каком-либо предании или поверье. Можно в качестве примера привести логограмму 道, имеющую значение ‘Дао, истинно сущий Путь (вездесущее начало, всеобщий закон движения и изменения мира; высший абсолют, источник всех явлений, из которого всё исходит и к которому всё возвращается)’, основополагающего понятия китайской философской мысли. Логограмма представляет собой изображение человека, указывающего рукой дорогу другому человеку на перекрестке.

Также В. А. Истрин указывает на использование «указательных» логограмм в китайском письме для обозначения чисел и различных пространственных отношений (например, 上 ‘верх’, 下 ‘низ’, 中 ‘середина’ и т.п.) [12; 1].

Ряд изобразительных логограмм получил новое значение в результате видоизменений первоначального знака. Например, знак 女 ‘женщина’ при добавлении точек, обозначающих грудь кормящей женщины, преобразуется в иероглиф 母 ‘мать’ («видоизмененные» иероглифы [12]) [1].

«Составные» иероглифы, представленные сочетанием логограмм, применялись для передачи абстрактного значения [12] (рис. 1а); «составные» иероглифы, представленные сочетанием одинаковых логограмм, выражали более сложное или абстрактное значение, например, 木 'дерево' + 木 'дерево' = 林 'лес'; 木 'дерево' + 木 'дерево' + 木 'дерево' = 森 'чаща' (рис. 1б) [1].

Старая форма	Новая форма	Значение	Толкование
		пленник	человек в оgrade
		рвать	рука над деревом
		светлый	солнце и месяц
		петь	рот и птица
		слышать	дверь и ухо

木	дерево	火	огонь
林	лес	炎	пламя
森	чаща	焱	искры

Рис. 1. Слова с абстрактным значением (а), слова со сложным или абстрактным значением (б)

Все же по-прежнему актуальной была проблема передачи имен собственных, а именно иностранных, так как, в отличие от исконных, китайских, они не имели и не имеют смыслового значения. Для решения этой проблемы стали применяться фонетические логограммы, которые представляли собой знаки, передающие в первую очередь звучание описываемого явления. Согласно В. А. Истрину, развитие фонетических лого-

грамм было обусловлено в первую очередь наличием в китайском языке большого количества омонимов как результата подавляющей односложности китайского языка («заимствованные» иероглифы [12]) [1].

В процессе развития языка новые логограммы стали создаваться посредством комбинирования фонетической и идеографической логограмм, например, 妈、骂 («составные» иероглифы [12]) [1].

Согласно И. М. Ошанину, последующее развитие китайского письма характеризовалось следующими тенденциями:

1) увеличение общего количество логограмм, появившихся для обслуживания новых сложных либо абстрактных значений китайской культуры (так, например, в иньских надписях насчитывается около 2500 тысяч логограмм, в словаре «Шовэнь Цзецзы» (II в. н. э.) – 9353 логограммы, в словаре эпохи маньчжурской династии «Канси Цзыдянь» – 47 035 логограмм);

2) увеличение количества фонетических логограмм, уменьшение количества идеографических логограмм (так, например, в иньских надписях преобладали идеографические логограммы, в ханьскую эпоху количество идеографических логограмм снижается примерно до 20 % от общего количества логограмм, а к настоящему времени их количество составляет примерно 10 %);

3) многоэтапная постепенная систематизация письма, которая привела, в частности, к сокращению числа идеографов, являющихся смысловыми компонентами логограммы (сравните: в ханьскую эпоху – 540 единиц, в настоящее время – 214 единиц);

4) усовершенствование графической формы логограммы [14, с. 80], проявившееся в возникновении различных каллиграфических стилей в период с III в. до н.э. по III в. н.э.

В качестве одной из тенденций В. А. Истрин указывает на широкое распространение фонетически-идеографического способа образования логограмм, а именно сочетания двух компонентов – фонетического (фонетика) и смыслового (идеографа). Каждый из компонентов из самостоятельного знака превращался во вспомогательный фонетический или идеографический знак. Идеограф служил лишь для уточнения значения той или иной фонетической логограммы путем ее отнесения к какой-то конкретной семантической области [1]. В результате этой тенденции мы пришли к ситуации абсолютного доминирования фоноидеограмм в системе современного китайского письма. На современном этапе своего развития китайский язык включает более 90 % такого рода китайских логограмм, при этом менее 10 % китайских иероглифов представляют собой чисто идеографические логограммы.

Необходимо также отметить такую тенденцию, как переход от однослоговости китайского языка к двуслоговости, который осуществлялся путем слияния в двухслововые, а затем даже трех- и четырехслововые слова первоначальных однослововых слов (логограмм), которые превратились в корневые морфемы, входившие в состав многословных слов. Так, например, в современном пекинском диалекте насчитывается около 420 слогов, которые произносятся различными тонами, вследствие чего количество фонетически различных слогов в пекинском диалекте составляет около полутора тысяч [1].

Согласно В. А. Истрину, именно вследствие таких тенденций китайское письмо и достигло высшего, почти предельного развития, возможного для систем письма логографического типа [1].

Среди современных письменностей китайская иероглифическая письменность представляет собой уникальное явление. В словарях насчитывается более 55 000 иероглифов. Во всем мире ни одна из известных буквенных и иероглифических письменностей не располагала таким количеством единиц. Пример китайской письменности дает нам представление о том, какого количества может достигнуть число знаков любой из письменностей при долгом ее существовании [11] (рис. 2).

Древнее письмо	Позднейшее письмо	Название	Значение	Древнее письмо	Позднейшее письмо	Название	Значение
		жи	солнце			жэнь	человек
		шань	гора			коу	рот
		хо	огонь			му	глаз
		му	дерево			шан	наверху
		цюань	собака			ся	внизу
		ма	лошадь			чжун	средний
		юй	рыба			шэн	расти

Рис. 2. Китайские изобразительные и простейшие символические (последние четыре) логограммы

В сравнении с европейскими буквенными языками, где существует тесная связь формы буквенного знака и звука, вследствие чего достаточно 20–30 букв для составления текста, китайские логограммы представляют

собой целый фрагмент действительности, целостные концепты. Вследствие этого для составления связного высказывания требуется гораздо большее количество знаков, а именно от десятков до нескольких сотен логограмм. Буквенная запись воспроизводит звучащую речь, при этом даже при правильном озвучивании текста его смысл может остаться непонятым. Логографическое иероглифическое письмо раскрывает в первую очередь смысл высказывания и потом уже звучание [15; 16]. При этом надо учесть, что иероглифическое письмо воспринимается иным, чем буквенное (фонетическое), полушарием мозга [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Истрин, В. А.* Развитие письма / В. А. Истрин. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 395.
2. *Курдюмов, В. А.* Курс китайского языка : теоретическая грамматика : учебник для студентов лингвист. вузов и ф-тов / В. А. Курдюмов. – М. : Цитадель-трейд : Лада, 2005. – 576 с.
3. 李, 大遂。简明实用汉字学 / 李大遂。 – 北京 : 北京大学出版社, 2003。 – 315 页。 = Ли, Дасуй. Практическая китайская грамматология / Ли Да-суй. – Пекин, 2003. – 315 с.
4. *Гордей, А. Н.* Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова. – Минск : Издат. центр БГУ, 2007. – С. 12–18.
5. *Ефремов, А. М.* Связность китайского текста в сравнительно типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ефремов Александр Михайлович ; ФГБОУ ВПО Военный ун-т. – М., 1987. – 184 л.
6. *Карасёва, К. В.* Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасева. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
7. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
8. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
9. *Мартынов, В. В.* Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с. с. 130–131.
10. *Rozwadowski, J.* Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa : PWN, 1960. – Т. 3 : Językoznawstwo ogólne. – S. 21–95.
11. *Софронов, М. В.* Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций / М. В. Софронов. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 638 с.

12. 许, 慎。说文解字: 新版 / 许慎。-上海 : 上海教育出版社, 2003。- 413页。= Сюй, Шэнь. Шовэнь цзецзы. - Шанхай : Шанхайское просветительское издательство, 2003. - 413 с.
13. *Champollion, J. F. Precis du systeme hieroglyphique des anciens egyptiens / J. F. Champollion.* - Paris, 1828. - 465 p.
14. *Ошанин, И. М.* Происхождение, развитие и структура современного китайского письма : дис. ... канд. филол. наук / Ошанин Илья Михайлович. - М. : [Б. и.], 1943. - 147 л.
15. *Кочергин, И. В.* Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочергин. - М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. - 192 с.
16. *Мартынов, В. В.* Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. - М. : Наука, 1982. - 192 с.
17. *Кравцова, М. Е.* История культуры Китая / М. Е. Кравцова. - СПб. : Лань, 1999. - 416 с.

Поступила в редакцию 10.10.2024

Шестакова Евгения Владимировна
преподаватель кафедры современных
технологий перевода
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yauheniya Shastakova
Lecturer of the Department
of Modern Translation Technologies
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yeshestakova7@gmail.com

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

EXPRESSIVENESS MEANS IN DIPLOMATIC DISCOURSE:
LEXICO-SEMANTIC ASPECT

В статье анализируется представленность экспрессивных лексических единиц в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе. Исследуются особенности семантики и функционирования экспрессивных лексических единиц в текстах дипломатических выступлений официальных представителей Великобритании и Республики Беларусь на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе сопоставительного анализа экспрессивных лексических единиц устанавливается степень выраженности экспрессивности в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дипломатический дискурс; дипломатический текст; оценочность; эмотивность; экспрессивность; основание оценки.

The article analyzes the representation of expressive lexical units in English and Russian diplomatic discourse. The article examines semantic and functional features of expressive lexical units in the texts of diplomatic speeches of official representatives of Great Britain and the Republic of Belarus at the UN General Assembly. The comparative analysis of expressive lexical units demonstrates the degree of expressiveness in English and Russian diplomatic discourse.

Key words: diplomatic discourse; diplomatic text; evaluation; emotiveness; expressiveness; semantic basis of evaluation.

Дипломатический дискурс, будучи видом статусно-ориентированной коммуникации, понимается как институциональное общение представителей сфер дипломатии и международных отношений. К целям данного вида дискурса относятся поддержание мира и безопасности; предотвращение и устранение угроз миру; разрешение споров и поиск компромисса; развитие дружественных отношений между странами; налаживание международного сотрудничества [1].

Дипломатическое общение предполагает наличие особых требований к коммуникации между его участниками. Взаимодействие в рамках дипломатического дискурса подразумевает точное изложение информации, соблюдение протокола, однозначность при толковании сообщений, объективность и беспристрастность участников общения. Следование данным принципам находит отражение в дипломатических текстах ООН [2], которые являются конкретной реализацией дипломатического дискурса и имеют следующие языковые особенности:

1) низкий уровень персонализированности, то есть стремление к отсутствию акцента на личности адресата: *The United Kingdom is proud to be a sponsor of today's important resolution 'Соединенное Королевство гордится тем, что является одним из авторов сегодняшней важной резолюции' (A/69/PV.100) (здесь и далее перевод официальный – ООН); Беларусь всегда придерживалась принципов миролюбивой, неконфронтационной политики (A/73/PV.68);*

2) употребление общепринятых клише и штампов, характерных для дипломатического языка: *We are deeply concerned by reports of the continued use of those indiscriminate weapons 'Мы глубоко обеспокоены сообщениями о продолжающемся применении этого оружия неизбирательного действия' (A/C.1/73/PV.20); Выражаем безоговорочную поддержку проекту резолюции (A/C.1/73/PV.13);*

3) употребление терминов, ограниченных областью международных отношений: *Our three countries reiterate our commitment to continuing our individual and collective efforts within and consistent with the NPT [Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons] framework 'Наши три страны вновь заявляют о своей готовности продолжать наши индивидуальные и коллективные усилия в рамках ДНЯО [Договора о нераспространении ядерного оружия]' (A/C.1/73/PV.26); Для достижения устойчивого развития необходимы новаторские подходы и расширение международного сотрудничества (A/74/PV.15).*

Особенностью дипломатического дискурса является стремление к объективному и нейтральному представлению информации, однако участники дипломатического общения нередко прибегают к использованию оценочных единиц с разной степенью экспрессивности.

Оценочность (оценка) как семантическое понятие определяется как выраженное в словесной форме положительное или отрицательное отношение субъекта к окружающей действительности [3, с. 5–9; 4, с. 59; 5, с. 110]. Оценочность может обнаруживаться как в языковых единицах, так и в высказываниях, то есть проявляться как в языке, так и в речи

[3, с. 8], и тесно связана с понятиями *эмотивность* и *экспрессивность*. Несмотря на то, что указанные термины нередко употребляются синонимично, они не являются тождественными и подлежат разграничению [5, с. 115; 6, с. 52].

Эмотивность – это семантическое свойство выражать эмоциональность как факт психики с помощью разноуровневых языковых средств [7, с. 24]. Эмотивность связывается исключительно с проявлением эмоций и не может отождествляться с оценочностью, так как оценочное значение может не ограничиваться только эмоциональной стороной, а содержать интеллектуальные, эстетические, этические и другие компоненты [6, с. 52]. Другими словами, оценочность трактуется как более широкое понятие для передачи всего спектра субъективных значений.

Экспрессивность понимается как усиление, подчеркивание выразительности, увеличение воздействующей силы высказывания. Экспрессивность, эмотивность и оценочность различаются прежде всего по своим функциям: оценочность является демонстрацией отношения говорящего, эмотивность связана с проявлением эмоций, в то время как экспрессивность – это усиление выразительности при выражении как эмоций, так и отношения к объекту [8, с. 107–108].

Большое разнообразие экспрессивных единиц обнаруживается в лексике языка, однако экспрессивность также может передаваться средствами фонетического, морфологического и синтаксического уровней. Представляется важным исследовать лексические средства выражения экспрессивности в дипломатическом дискурсе на английском и русском языках, что позволит сделать вывод о характере экспрессивности данного типа дискурса, а также сопоставить средства передачи и определить степень репрезентации экспрессивности в обоих языках.

Материалом исследования послужили 40 текстов выступлений (35 829 словоупотреблений) официальных представителей Великобритании и 54 текста выступлений (32 090 словоупотреблений) официальных представителей Республики Беларусь на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН за период с 2015 по 2019 год; тексты представлены в Системе официальной документации ООН [2]. В ходе исследования было отобрано 47 единиц на английском языке и 226 единиц на русском языке, в которых методом дефиниционного анализа была выявлена экспрессивность. В лексике она также обнаруживается путем подбора синонимичных пар [8, с. 110]. Например, в парах *хороший пример* – *замечательный пример* и *important decision* – *crucial decision* вторые выражения демонстрируют экспрессивность за счет наличия в их семантике интенсификаторов ‘очень’ и ‘extremely’ соответственно.

Анализ лексических единиц в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе показал, что экспрессивность передается словами разных частей речи: именами существительными, именами прилагательными, глаголами и глагольными формами, наречиями. Среди экспрессивных существительных наблюдаются слова *disaster* 'катастрофа', *devastation* 'разрушение', *atrocities* 'зверство', *tragedy* 'трагедия', *calamity* 'происшествие' в английском языке и слова *угроза*, *зверство*, *бедствие*, *хаос*, *кризис* в русском языке:

*We know that human rights **violations** and **abuses**, if left unchecked, can be both an indicator of, and a first step towards, mass **atrocities*** 'Мы знаем, что нарушения и ущемления прав человека, если их не пресекать, могут служить указанием на массовые злодеяния и стать первым шагом на пути к ним' (A/73/PV.94).

*Действительно, память о десятках миллионов жертв Второй мировой войны, **зверствах** нацистов и их преступной политике геноцида позволила нам всем договориться о миропорядке, который все еще помогает избежать нового глобального **конфликта*** (A/74/PV.8).

Для русского языка характерно использование большого количества отглагольных существительных (*обострение, нагнетание, травля, истощение, уничтожение* и т. п.): *Со всем ужасом реалистичности проявился тот факт, что грань полного **уничтожения** существует* (A/C.1/70/PV.4). Среди экспрессивных существительных отмечается малое количество единиц положительной оценки, что объясняется стремлением участников дискурса наиболее выразительно описать именно негативные события, которые вызывают резонанс в обществе.

Значительное число экспрессивных средств зафиксировано среди имен прилагательных: *crucial* 'важнейший', *appalling* 'ужасный', *hostile* 'жестокий', *extraordinary* 'выдающийся', *wonderful* 'чудесный', *outrageous* 'возмутительный', *severe* 'серьезнейший', *vital* 'важнейший'; *первостепенный, зловещий, катастрофический, враждебный, переломный*:

*The continued use of chemical weapons in Syria is not only a **terrible** tragedy for the victims but also an **appalling** contravention of the global norm against their use* 'Продолжающееся применение химического оружия в Сирии является не только ужасной трагедией для пострадавших, но и вопиющим нарушением международной нормы, запрещающей его использование' (A/C.1/72/PV.15).

*Его последствия [конфликта] были бы **катастрофическими** для всей планеты* (A/74/PV.8).

Экспрессивность характерна как для общеоценочных прилагательных (*terrible* ‘ужасный’, *great* ‘великий’, *wonderful* ‘чудесный’; *замечательный*, *катастрофический*, *вредный*), так и для прилагательных, выражающих частную оценку по различным основаниям, то есть по параметрам, на основании которых производится оценивание (*vital* ‘важнейший’, *significant* ‘значительный’, *unprecedented* ‘беспрецедентный’; *особый*, *уникальный*, *враждебный*). В дипломатическом дискурсе также обнаруживаются экспрессивные отглагольные прилагательные и причастия *horrifying* ‘ужасающий’, *pressing* ‘срочный’, *daunting* ‘пугающий’, *devastating* ‘опустошающий’, *unwavering* ‘неизменный’; *разрушительный*, *подрывающий*, *дестабилизирующий*:

*The **horrifying** reports of attacks on schools, hospitals and first responders and the use of barrel bombs in Idlib are **chilling** examples of the **devastating** effects on civilians* ‘Ужасающие сообщения о нападениях на школы, больницы и службы оперативного реагирования и о применении в Идлибе бочковых бомб свидетельствуют о пагубных последствиях для гражданского населения’ (A/73/PV.94).

*В то же время **штампуемые** Советом страновые инициативы базируются на субъективных взглядах и оценках отдельных государств или их групп* (A/73/PV.31).

Экспрессивные прилагательные нередко употребляются в качестве определений экспрессивных существительных, что способствует созданию большего воздействующего эффекта:

*We should sow the same confidence to hold accountable those responsible for the **appalling atrocities*** ‘Мы должны с не меньшей решимостью привлечь к ответственности виновных в совершении ужасных злодеяний’ (A/73/PV.8).

*В то же время мы решительно отвергаем тенденцию политизированного давления на отдельных спортсменов <...>, когда <...> спортсмены становятся заложниками этих **грязных интриг*** (A/73/PV.44).

В текстах дипломатического дискурса на английском и русском языках выявлены экспрессивные наречия, образованные от прилагательных. Такие наречия характеризуют действие, выраженное глаголом, или служат интенсификаторами при оценочных единицах и усиливают описываемый признак (*keenly* ‘активно’, *wholeheartedly* ‘всецело’, *immensely* ‘очень сильно’, *extensively* ‘широко’; *настоятельно*, *безотлагательно*, *решительно*):

*Benazir Bhutto was **brutally** murdered by people who actively rejected the values that all of us here in the United Nations stand for* ‘Беназир Бхутто была жестоко убита <...> людьми, активно отрицающими ценности, которые все мы в Организации Объединенных Наций отстаиваем’ (A/72/PV.8).

В настоящее время мир сталкивается с **беспрецедентно** катастрофическим уровнем отсутствия продовольственной безопасности (A/76/513).

Экспрессивность в дипломатическом дискурсе характерна и для глаголов. В текстах на английском языке имеют место глаголы *to threaten* 'угрожать', *to strive* 'стараться', *to look forward* 'очень хотеть', *to boost* 'способствовать', *to urge* 'настоятельно рекомендовать'; в текстах на русском языке выявлены глаголы *раздирать*, *бушевать*, *лихорадить*, *осуждать*:

*We **urge** all States to **reject** any attempt to **undermine** sexual and reproductive health rights and services* 'Мы настоятельно призываем все государства отвергать любые попытки подорвать соблюдение прав на охрану сексуального и репродуктивного здоровья и предоставление соответствующих услуг' (A/74/PV.49).

*Мир **раздирают** десятки локальных конфликтов, и многие из них могут **вспыхнуть** пожаром новой глобальной войны* (A/74/PV.8).

Глагольная лексика более широко представлена в английском языке, в то время как в русском языке прослеживается тенденция к использованию отглагольных существительных.

Сопоставительный анализ представленности экспрессивных единиц в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе показал, что экспрессивность характерна в большей степени для русскоязычных текстов (226 единиц в русскоязычных выступлениях и 47 – в англоязычных). Ярко выраженная асимметричность позволяет сделать вывод о русскоязычном дипломатическом дискурсе как о более открытом для употребления экспрессивных единиц.

Таким образом, анализ текстов выступлений официальных представителей Великобритании и Республики Беларусь в ООН показал, что для дипломатического дискурса характерно использование широкого круга экспрессивных единиц, что не позволяет говорить о его абсолютной нейтральности и безэмоциональности. К лексическим средствам выражения экспрессивности в английском и русском языках относятся имена существительные, имена прилагательные и глаголы. В англоязычных текстах прослеживается более широкое употребление глагольных форм, в то время как в русскоязычных выступлениях предпочтение отдается отглагольным существительным. В английском и русском языках также выявлены экспрессивные наречия, образованные от прилагательных, которые выступают в качестве интенсификаторов при оценочных прилагательных. Отмечается преобладание экспрессивных единиц с отрицательной оценкой, что позволяет определять экспрессивность как средство создания воздействующего эффекта при описании преимущественно негативных

событий. Непропорциональная представленность экспрессивных единиц в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе свидетельствует о стремлении участников русскоязычного дипломатического дискурса к большей экспрессии при обсуждении актуальных вопросов и о задерживании при этом различных лексических средств, в то время как участники англоязычного дискурса демонстрируют относительную сдержанность при выражении отношения к описываемым проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 13.03.2023).
2. Система официальной документации ООН. – URL: <https://documents.un.org/> (дата обращения: 15.09.2023).
3. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
5. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
6. *Романовская, А. А.* Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
7. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 206 с.
8. *Галкина-Федорук, Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. ст. по языкознанию: проф. Моск. ун-та академ. В. В. Виноградову. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103–124.

Поступила в редакцию 20.09.2024

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**УДК 811.134.2'373.46:316.776****Кучугурная Елена Анатольевна**

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Kuchuhurnaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Spanish Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
elena1180@yandex.ru

Бондарук Дарья Витальевна

магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Bandaruk

MA Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bondarukdasha@gmail.com

**БИНОМИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ
СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕСОГЛАСИЯ
В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**BINOMIAL PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS
EXPRESSING DISAGREEMENT
IN SPANISH CONVERSATIONAL DISCOURSE**

В статье рассматриваются биномиальные фразеологизированные конструкции, используемые для выражения несогласия в испаноязычной разговорной коммуникации: *qué...ni qué...* и *ni...ni...*. Выявляются фиксированные, условно вариативные и вариативные компоненты, а также общие и отличительные характеристики данных конструкций.

Ключевые слова: *несогласие; биномиальная фразеологизированная конструкция; вариативность; испаноязычная бытовая коммуникация.*

The research focuses on binomial phraseological constructions expressing disagreement in Spanish conversational discourse: *qué...ni qué...* and *ni...ni...*. The article describes fixed, variable and conditionally variable components, common and special characteristics of such constructions.

Key words: *disagreement; binomial phraseological construction; variability; Spanish conversational discourse.*

Объектом данного исследования выступают *фразеологизированные конструкции*, или, в другой терминологии, *синтаксические фразеологизмы, синтаксические фраземы, фразеосхемы, конструкции «малого синтаксиса»*, представляющие собой специфические образования, «имеющие признаки фразеологических единиц (устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность) и синтаксических построений (двукомпонентность (наличие постоянного и переменного компонентов), способность реализовывать модусное значение)» [1, л. 4]. К постоянным (фиксированным) компонентам данных конструкций относятся порядок следования элементов и служебные слова, к переменным – лексические единицы, заполняющие свободные синтаксические позиции. При этом выбор переменных компонентов может иметь ряд ограничений. В связи с этим в нашем исследовании в составе подобных конструкций в качестве переменных мы выделяем *вариативные*, возникающие в каждом конкретном случае (их набор неограничен), и *условно вариативные* (ограниченные рамками той или иной конструкции) компоненты.

Фразеологизированные конструкции имеют закрепленные значения, которые не выводятся из значений входящих в их состав лексических единиц. При этом в языке обнаруживается неравномерная количественная представленность конструкций, выражающих те или иные значения. Так, например, в испанском языке наибольшим разнообразием отличаются конструкции со значением *несогласия*, среди которых отдельного внимания заслуживают так называемые **фразеологические биномы**, или **биномиалы**, представляющие собой «последовательность из двух слов или фраз, принадлежащих к одной грамматической категории, связанных семантически и структурно» [2, с. 18]. В настоящей работе детально анализируются две конструкции данного типа: *qué... ni qué...* и *ni... ni...*

Материалом для исследования послужили диалогические контексты, отобранные из Корпуса современного испанского языка [3], а также современные испаноязычные сериалы (“Mercado central”, “Estoy vivo”). Всего было отобрано и проанализировано 400 контекстов.

Как показывают результаты исследования, анализируемые конструкции обнаруживают как общие, так и специфические характеристики. Рассмотрим подробнее каждую из указанных конструкций.

1. Конструкция *qué... ni qué...* является не только одной из наиболее частотных среди конструкций со значением несогласия, но и обнаруживает широкий спектр вариативности составляющих ее лексических единиц. Фиксированными в ней являются порядок следования составляющих ее элементов, а также служебные единицы *qué, ni, qué*. Необходимо отметить,

что в латиноамериканских вариантах испанского языка в единичных случаях допускается варьирование фиксированных компонентов, в частности первого местоимения *qué – cuál*: *Quiero estudiar en la universidad... Derecho. – Cuál universidad ni Derecho ni qué ocho cuartos. Lo que hacen las señoritas decentes es casarse* ‘Я хочу учиться в университете... Изучать право. – **Какой университет и какое к черту право.** Порядочные девушки должны думать о замужестве’ (P. Quintana “Los abismos”) (здесь и далее перевод наш. – Е. К., Д. Б.). Кроме этого, возможно опущение второго местоимения *qué*, в результате чего конструкция приобретает вид ***qué... ni...***: *Las cosas siempre tienen dos caras, veamos las dos caras de la moneda. – ¡Qué dos caras ni ocho cuartos!* ‘У всего есть две стороны, как у монеты. – **Какие к черту две стороны!**’ (M. Hernández “Vivir la vida”).

Что касается нефиксированных, то в составе данной конструкции выделяются как вариативные, так и условно вариативные компоненты. К первым относятся единицы, возникающие в каждом конкретном случае и зависящие от предыдущего контекста, но не предопределяемые самой конструкцией. Ко вторым – элементы, вариативность использования которых ограничена определенным набором лексических единиц, допустимых в рамках данной конструкции. В зависимости от наличия вариативных и/или условно вариативных компонентов рассматриваемая конструкция может иметь ряд вариантов.

Одним из таких вариантов является ***qué + Y + ni qué + X***, где *Y* – вариативный компонент, представляющий собой повтор слова или словосочетания из предыдущего контекста, а *X* – условно вариативный компонент, который может быть выражен следующими существительными и субстантивными словосочетаниями: *carajo, cipote* (Ам.), *cojones, cuerno, coño, demonios, diablos, gaitas, historias, india envuelta, chingada, leches, mierda, niño muerto, narices, ocho cuartos, ojo de hacha* (Ам.), *pollas (en vinagre), puñetas* и др. Перечисленные слова и словосочетания представляют собой либо традиционные формулы (*niño muerto* ‘мертвый ребенок’, *ocho cuartos* ‘восемь четвертей’), либо грубые, жаргонные единицы (*carajo, cojones, coño, chingada* и т.д.). В составе рассматриваемой конструкции может использоваться и отрицательное местоимение *nada* ‘ничего’. Как можно заметить, связь указанных выше единиц с семантикой несогласия объяснить довольно сложно. Толкования лишь некоторых конструкций можно найти в лексикографических источниках. Так, например, А. Буитраго описывает две основные теории, объясняющие происхождение выражения *qué ... ni qué niño muerto*. Согласно первой, его происхождение связано с давними

спорами относительно того, нужно ли включать в списки населения детей, умерших до крещения. Вторая связана с анекдотичной историей, произошедшей во время театрального представления, когда одна известная актриса, увлекшись импровизацией, начала рассказывать о своих мужчинах и умерших новорожденных детях. Актер, который в это время находился на сцене, пытаясь спасти ситуацию, произнес: «¡Qué amante ni qué niño muerto! ¡Tu hijo se llama Faustino y aparece en la próxima escena!» ‘Какие мужчины и какие дети! Твоего сына зовут Фаустино и он играет в следующей сцене спектакля!’ [4, p. 577]. Не существует однозначного мнения и относительно происхождения выражения *qué ... ni qué ocho cuartos*, которое в нашей выборке оказалось самым частотным (рис. 1). Здесь также приводятся две основные версии. Первая связывает данное выражение с медной монетой *cuartos*, существовавшей в Испании в XIV–XIX веках. Согласно второй, его происхождение связано с мерой веса *arroba*, которая была равна четверти *квинтала*, или *центнера*. Трудность разделения арробы на восемь четвертей (*ocho cuartos*) и обусловила возникновение данного выражения [5].

Интересно, что в конструкции *qué + Y + ni qué + X* может допускаться вариативность в устойчивых сочетаниях, выступающих в качестве условно вариативных компонентов. Например, словосочетание *niño muerto* относится к устойчивым единицам, однако нами были выявлены случаи варьирования существительного в данном сочетании. Так, в следующем примере вместо существительного *niño* используется существительное *perro* ‘собака’: *Mirá, don Tito... no es la primera vez... – Pero qué primera vez ni qué perro muerto* ‘Послушайте, дон Тито, ... это уже не первый раз... – Какой ещё первый раз’ (R. Bareiro Saguier “Viento norte”). Частотность таких варьирований в нашем материале составляет 0,9 % (рис. 1).

Модификация условно вариативных компонентов, помимо описанного выше случая, может также происходить за счет а) изменения числа существительного (*puta – putas*); б) добавления артиклей (*chingada – la chingada*); в) лексического добавления (*hostias – hostias en vinagre; carajos – tres carajos; narices – tus/mis narices*).

В ряде случаев для большей интенсификации несогласия используются сразу несколько условно вариативных элементов: *Yo pensé que te habías caído borracho a la piscina. – Qué me voy a caer borracho ni qué niño muerto ni qué pollas en vinagre, Ángel* ‘Я подумал, что ты пьяный упал в бассейн. – Анхель, ты что, чтобы я упал пьяный в бассейн’ (P. Remón “40 años de paz”).

Что касается частотности употребления условно вариативных компонентов, то, по данным Корпуса современного испанского языка [3], наиболее частотны конструкции с такими компонентами, как *ocho cuartos* (28 %), *nada* (26 %), практически в два раза реже употребляются конструкции со словосочетанием *niño muerto* (10 %), остальные компоненты гораздо менее употребительны (5,4% – 0,3%) (рис. 1).

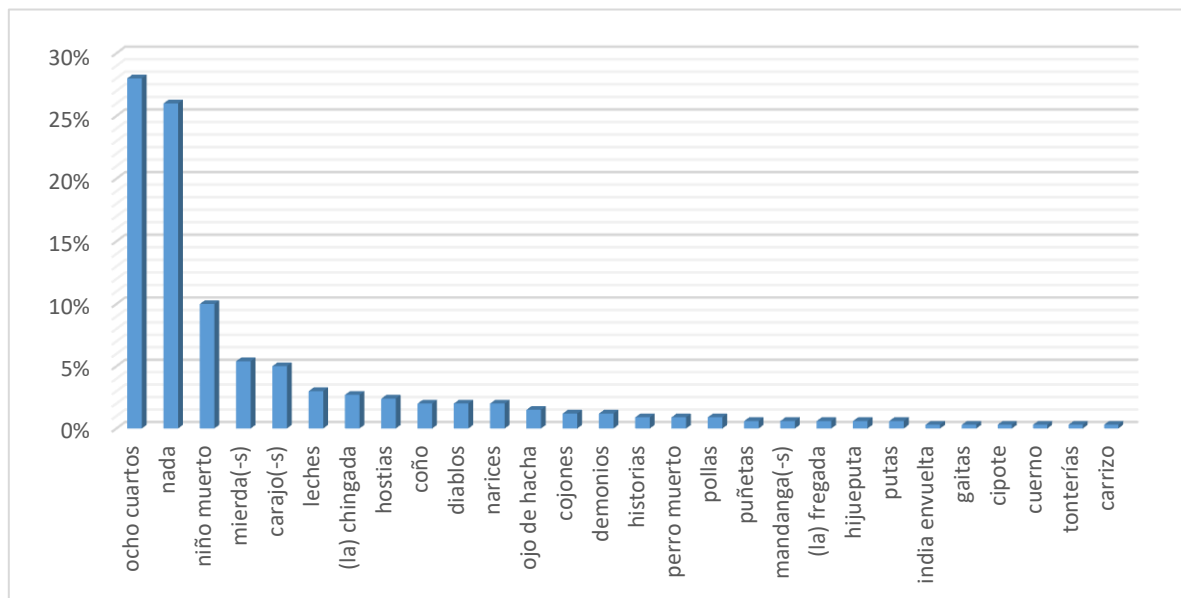

Рис. 1. Частотность употребления условно вариативных компонентов в конструкции **qué + Y + ni qué + X**

И с т о ч н и к: собственная разработка

Что касается вариативного компонента Y рассматриваемой конструкции, то он может как полностью дублировать элементы из предыдущего контекста, так и несколько модифицироваться.

Так, в следующем примере можно наблюдать полное повторение существительного из предыдущей реплики: *Tú no, pero tus **amiguitos**... – ¡Qué **amiguitos** ni qué niño muerto!* ‘Ты нет, а вот твои **дружки**... – Ну какие еще **дружки**!’ (L. Galeano “Sobresaliente suspenso”).

Что касается повторов с модификацией, то наиболее часто компонент Y представлен существительным, замещающим глагол из предыдущей реплики, другими словами, наблюдается частеречное варьирование: *No has aprendido nada de lo que **enseñamos**. – ¡Qué **enseñanza** ni qué ocho cuartos!* ‘Ты так ничему и не **научился**. – Какая к черту **учеба**!’ (J. Chambeaux “El circo, el loco y lo demás”). Кроме этого, возможно изменение грамматической формы глагола (варьирование личных и

неличных форм глагола): *Con calma, con calma, no te adelantes, espera... – Qué esperar ni qué nada. ¿Te acuerdas del dibujo de la muchacha?* ‘Спокойно, спокойно, не спеши, подожди... – Куда там ждать. Ты помнишь рисунок девушки?’ (E. Sánchez Delgado “Al sur del siglo”).

Усложнение конструкции **qué + Y + ni qué + X** может осуществляться за счет добавления к компоненту Y лексических единиц одного гиперогипонимического ряда: *Yo al menos siempre sostuve que si pecamos es porque siempre nos están invitando con la manzana y... – ¡Qué manzana, naranja, pera ni ocho cuartos!* ‘Я всегда считал, что мы совершаем грех, потому что нам предлагают яблоко и... – Ну какие там яблоки, апельсины, груши!’ (C. González Safstrand “El Don Juan y la Pokyra”).

Конструкция **qué + Y + ni qué + X** нередко используется в сокращенном виде, где элемент, обозначенный символом X, не выражен эксплицитно: **qué + Y + ni qué...** Наличие данного неполного варианта свидетельствует о высокой частотности употребления и об узнаваемости данной конструкции носителями языка: *Oiga, un poco de respeto por el maestro. – ¿Qué maestro ni qué...? Un charlatán* ‘Послушай, побольше уважения к учителю! – Какой это учитель? Это шарлатан’ (Í. Ramírez de Haro Valdés “Tu arma contra la celulitis rebelde”).

Конструкция **qué... ni qué...** может наполняться и двумя свободными компонентами, т.е. словами из предыдущей реплики собеседника: **qué + Y1 + ni qué + Y2**, где Y1 и Y2 – компоненты из предыдущего контекста: *Voy por mi esposa donde el maestro Claudino. – Qué maestro ni qué Claudino* ‘Я иду за своей женой к учителю Клаудино. – Какой к черту учитель и какой к черту Клаудино’ (E. Rosero “Los ejércitos”).

Как видно из приведенного примера, словосочетание **el maestro Claudino** ‘учитель Клаудино’ разбивается на два компонента конструкции. Такие примеры не являются единичными в нашей выборке. При этом помимо полного дублирования может наблюдаться инверсия и модификация компонентов Y1 и Y2: *Perdone, lo siento. – ¡Qué sentir ni qué perdón!* ‘Простите, я очень сожалею. – Никаких сожалений и прощений!’ (L. Sanpedro “La sonrisa etrusca”).

Рассматриваемая конструкция может усложняться за счет добавления элемента X: **qué + Y1 + ni qué + Y2 + X**: *De todos modos estaría bien – dice por fin –. En las tumbas del desierto siempre hay una cruz con una inscripción... – ¡Pero qué inscripción ni qué cruz ni qué hostias en vinagre, gordi, qué cosas se te ocurren!* ‘В любом случае было бы хорошо, – наконец говорит она. – На могилах в пустыне всегда есть крест с надписью... – Ну какая надпись и какой крест! Что у тебя в голове!’ (J. Marsé “Rabos de lagartija”).

В вышеуказанной конструкции возможно повторение как двух разных слов из реплики собеседника (см. пример выше), так и дублирование одного и того же слова. Таким образом, еще одним вариантом данной конструкции можно считать следующий: *qué + Y + ni qué + Y*, где Y – повторяющийся компонент из предыдущей реплики: *¿Pestañas postizas, eso es? – No, qué pestañas postizas ni qué pestañas postizas. Eso ya no se usa* ‘Это **накладные ресницы?** – Нет, какие еще **накладные ресницы**. Их давно уже не используют’ (M. Vega “Ana y los demás”). Дублирование при этом может быть как полным, так и с некоторыми трансформациями. Так, в следующем примере в дублируемом словосочетании *mala sangre* происходит замена определения (*mala – puta*): *No te hagas mala sangre. A la historia hay que olvidarla. – Qué mala sangre, ni qué puta sangre* ‘Не злись. Эту историю нужно забыть. – Да я вовсе не злюсь’ (E. Sabañas “El juego”).

Весьма интересной разновидностью анализируемой конструкции является вариант *qué + Y + ni qué + Z*, где Y – компонент из предыдущей реплики, а Z – компонент, обусловленный и тесно взаимосвязанный с Y. Так, компонент Z может быть представлен:

- существительным / прилагательным противоположного рода по отношению к Y (в отличие от русского, в испанском языке существует только два рода: женский и мужской): *¡Ahí va el cojo! – gritó Vidal. – ¡Qué cojo, ni qué coja! – dijo Linaza.* ‘Вон идет **хромой!** – крикнул Видаль. – Ни **хромого**, ни **хромой** не вижу! – сказал Линаса’ (E. Herrera Santos “Un cero a la izquierda: comedia en dos actos”). Отметим, что в качестве существительного или прилагательного противоположного рода может использоваться как существующее в испанском языке слово, так и вымышленная лексическая единица, ставшая результатом языковой игры говорящего. В следующем примере такой единицей является слово *sustancio*, которое не зафиксировано в словарях: *El acusado utilizó para ello un artilugio atroz y la víctima tardó semanas en morir. Al llegar el flujo de agua a la sustancia negra... – ¡Qué sustancia negra ni qué sustancio negro!* ‘Обвиняемый использовал для этого ужасное изобретение, и жертва умирала на протяжении нескольких недель. Когда поток воды достиг **черного вещества...** – **Ну какое черное вещество!** (J. Hernández “Sustancia negra. La increíble aventura de Insecto Palo”);

- антонимом Y: *¡Ay! Demonio, apártate. – Pero, ¿qué demonio ni qué santo? Ya pasó todo. ¡Te digo que ya pasó todo!* ‘Ой, **дьявол**, отойди. – **Какой (ещё) дьявол?** Все закончилось. Говорю тебе, все закончилось!’ (J. Sanchís Sinisterra “El cerco de Leningrado”).

Довольно интересен следующий пример, в котором в качестве компонента Y представлена метафора *sueño americano* ‘американская мечта’, а компонент Z выражен антонимичной метафорой *pesadilla cubana* ‘кубинский кошмар’¹: *Y por la boca desdentada de Lázaro sale el rollo completo de la lancha de Juan. Que la embarcación ya está lista y que el Mucho piensa salir en un par de semanas. Que si vale quinientos dólares el tratar de tocar, aunque sea con la punta de un dedo, el sueño americano. – ¿Qué sueño americano ni qué pesadilla cubana? – se ríe Orfeo, aunque no tiene ganas de reír –. ¿De dónde voy a sacar ese dinero cuando no me quedan ni cien tristes pesos en el bolsillo?* ‘И беззубым ртом Лазаро начинает свой нудный рассказ о лодке Хуана. Что лодка уже готова, и Мучо планирует уехать через пару недель. И что нужно всего пятьсот долларов, чтобы попытаться прикоснуться хотя бы кончиком пальца к **американской мечте**. – Какая к черту **американская мечта**? – Смеется Орфей, хотя смеяться ему совсем не хочется. – Где я возьму эти деньги, если у меня в кармане нет даже жалкой сотни песо?’ (Т. Dovalpage “Orfeo en el Caribe”).

Помимо рассмотренных выше, в проанализированном материале нами были зафиксированы усложненные конструкции, представляющие собой комбинацию нескольких типов, например, **qué + Y1 + ni qué + Y1 + ni qué + Y2**, где Y1 и Y2 – элементы из предыдущего контекста, первый из которых дублируется: *A ver, cuéntame qué te dijo, qué cuento te echó, cómo te va a embaucar. – ¡Qué embaucar ni qué embaucar ni qué cuentos! ¿Me vas a dejar hablar?, ¿sí o no?* ‘Давай, скажи мне, что за **сказку** он тебе рассказал, как он собирается тебя **одурачить** – Меня никакими **сказками не одурачить!** Ты дашь мне сказать? Да или нет?’ (J. Franco “Paraíso Travel”).

2. Конструкция ni... ni.... В составе данной конструкции также выделяются как вариативные, так и условно вариативные компоненты. В зависимости от наличия вариативных и/или условно вариативных компонентов рассматриваемая конструкция также может иметь варианты, одним из которых является **ni + Y + ni + X**, где Y – повтор элемента из предыдущего контекста, X – условно вариативный компонент, который может быть выражен существительными *hostias, leches, pollas, gaitas*: *Esto es cosa de Miguel... – ¡Ni Miguel ni hostias!* ‘Этим занимается Мигель. – **Какой к черту Мигель!**’ (A. Boadella “La cena”).

¹ В испанском языке слово *sueño* означает также ‘сон’ с положительной коннотацией в отличие от слова *pesadilla* ‘кошмар’.

Помимо существительных в рассматриваемой конструкции в качестве условно вариативного компонента часто используется отрицательное местоимение *nada* ‘ничего’: *Sí, pero... – ¡Ni peros ni nada!* ‘Да, но... – Никаких но!’ (С. Delgado Planás “Los tres duendes”).

Что касается частотности употребления условно вариативных компонентов, то, по данным Корпуса современного испанского языка [3], наиболее частотны конструкции с такими компонентами, как *hostias* (37 %) и *nada* (28 %), несколько уступают по частотности лексические единицы *leches* (17 %) и *pollas* (13 %), наименее употребительным является существительное *gaitas* (5 %). При этом, как можно заметить, набор условно вариативных компонентов в данном случае значительно меньше, нежели чем в конструкции *qué... ni qué...* (рис. 2).

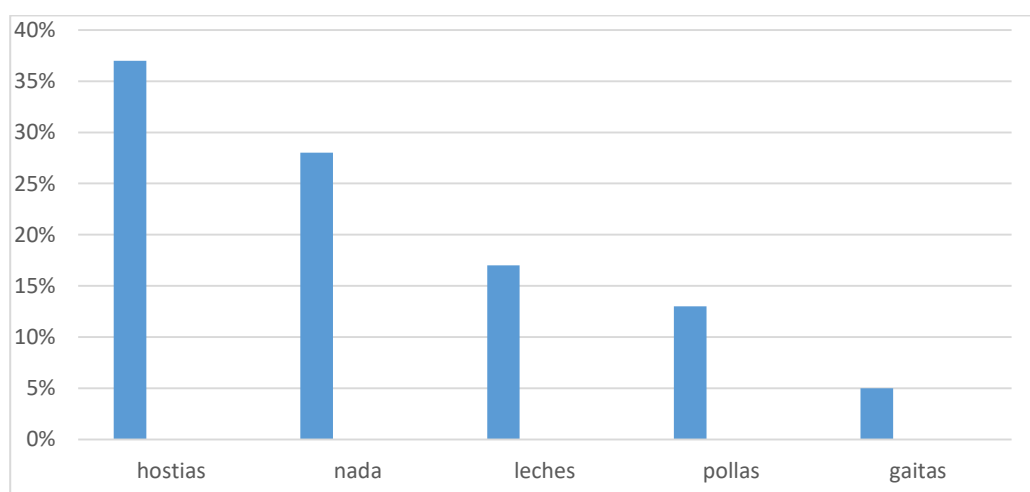

Рис. 2. Частотность употребления условно вариативных компонентов в конструкции *ni + Y + ni + X*

И с т о ч н и к: собственная разработка.

В отличие от конструкции *qué... ni qué...*, в которой может дважды повторяться компонент из предыдущей реплики без каких-либо модификаций (*qué + Y + ni qué + Y*), в конструкции *ni... ni...* нам не удалось найти примеры полного лексического повтора одного и того же элемента. Если повтор и встречается, то во втором случае обязательно происходят модификации. Таким образом, еще одним вариантом анализируемой конструкции является следующий: *ni + Y + ni + Z*, где *Y* – компонент из предыдущей реплики, а *Z* – компонент, обусловленный и тесно взаимосвязанный с *Y*. Компонент *Z* может быть представлен либо словом в другой грамматической форме, либо созвучным словом другой части речи (языковая игра): *Pero... – ¡Ni peros, ni peras!* ‘Но... – Никаких но!’ (Serie “Mercado central”)¹.

¹ *Pero* ‘но’ (союз), *pera* ‘груша’ (существительное).

В отличие от конструкции *qué... ni qué...*, которая выражает только несогласие, по схеме *ni... ni...* могут строиться выражения и с другими значениями, например, незначительности, неопределенности: *ni carne ni pescado, ni fu ni fa, ni chicha ni limonada* 'ни то ни се, ни рыба ни мясо'. Однако важно подчеркнуть, что вышеуказанные выражения (в отличие от анализируемых в данном исследовании фразеологизированных конструкций) представляют собой лексические фразеологизмы с заданными компонентами, не предполагающие наличия свободных синтаксических позиций, фиксируемые в двуязычных фразеологических словарях и имеющие точные структурно-семантические эквиваленты в русском языке.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно утверждать, что проанализированные конструкции *qué... ni qué...* и *ni... ni...* обладают рядом общих характеристик: обе используются для выражения эмфатического несогласия в испаноязычной бытовой коммуникации, характеризуются биномиальной структурой, обладают ограниченным набором условно вариативных компонентов, не имеют полных эквивалентов в русском языке. Вместе с тем конструкция *qué... ni qué...* отличается большей продуктивностью, выражающейся в наличии большего количества вариантов и в более широком наборе условно вариативных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ушакова Анна Павловна. – Ярославль, 2018. – 227 л.
2. Новикова, Ю. О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новикова Юлия Олеговна. – СПб., 2010. – 25 с.
3. Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES). – URL : <http://www.rae.es> (fecha de acceso : 24.03.2023).
4. Buitrago, A. Diccionario de dichos y frases hechas : 5000 dichos y frases hechas diferentes y 3000 variantes de los mismos / A. Buitrago. – Madrid : Espasa, 2012. – 996 с.
5. Qué significa la expresión “ni que ocho cuartos” y de dónde viene. – URL : <https://www.elmundo.es/como/2023/05/10/645baa1d21efa0cc508b459d.html> (fecha de acceso : 18.02.2024).

Поступила в редакцию 17.09.2024

Манько Наталья Игоревна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры фонетики и
грамматики французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Manko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
French Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
n.manko.mslu@gmail.com

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *SEUL(E)* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ**

**COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL
OF THE ADJECTIVE *SEUL(E)* IN A FRENCH SENTENCE**

Статья посвящена выявлению специфики функционирования прилагательного *seul(e)* во французском предложении. Установлено, что в зависимости от лексико-семантического варианта значения имя прилагательное *seul(e)* употребляется в функции именной части сказуемого, определения или обстоятельства образа действия и формирует отдельную пропозицию. Сочетание с окказионально связочным глаголом и наличие временной связи между пропозицией, выраженной именем прилагательным, и пропозицией, представленной предикативным ядром предложения, является грамматическим показателем семантически неэлементарного предложения.

Ключевые слова: *имя прилагательное seul(e); признак; пропозиция; семантическая неэлементарность; французский язык.*

The article aims at revealing the peculiarities of the functioning of the adjective *seul(e)* in a French sentence. It was identified that depending on the lexico-semantic variant of the meaning, the adjective *seul(e)* takes the position of the nominal part of a predicate, attribute or adverbial modifier of manner and forms a particular proposition. Combination with the occasional copular verb and time relation between the proposition expressed by adjective and proposition expressed by the predictive sentence nucleus is the grammatical indicator of semantically non-elementary sentence.

Key words: *adjective; sign; proposition; semantic non-elementary; French language.*

Имя прилагательное – это самостоятельная часть речи, категориальное значение которой заключается в выражении признака [1, с. 357]. Все предметы и явления окружающего мира обладают признаками – определенными характеристиками, отличительными качествами и свойствами. Признак может мыслиться как характеристика, свойственная носителю по самой природе вещей (*une jolie fille* ‘красивая девушка’) или в опреде-

ленный момент времени (*La fille est jolie* 'Девушка – красива') [2, с. 92–93]. Вневременной, застывший признак носителя называют атрибутивным, а признак, предцизируемый носителю в данный момент времени посредством данного высказывания, считается предикативным [Там же, с. 93]. Вместе с тем, как пишет В. Г. Гак, «Атрибутивный признак может рассматриваться как конденсация предикативного признака» [3, с. 216]: атрибутивному выражению признака может предшествовать предикативное выражение. На этих основаниях многие исследователи рассматривают имя прилагательное как «спящий предикат» [4, с. 128], «предикатное слово» [5, с. 6], обладающее потенциальной предикативностью.

Способность имени прилагательного выступать в качестве предиката указывает на отсутствие между атрибутивным и предикативным признаками жесткой границы. С этих позиций фактически любое предложение с именем прилагательным можно считать полипропозитивным. Под пропозицией понимается «единица смысла, заключенного в предложении; не все смысловое содержание предложения, а только та его часть, которая отражает денотат – событие, описываемое предложением, фрагмент действительности (или вымышленного мира), «положение дел» [4, с. 119]. Вместе с тем представляется, что выражение именем прилагательным отдельной пропозиции не означает семантической сложности предложения. В противном случае трудно было бы говорить о разнице семантического содержания простого неосложненного предложения и простого предложения, осложненного причастными оборотами, обособленными членами, а также иными конструкциями.

Материалом для исследования послужили 402 высказывания с прилагательным *seul(e)*, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений современного французского писателя Марка Леви. Согласно словарю Le Petit Robert, прилагательное *seul(e)* имеет три лексико-семантических варианта своего значения, которые реализуются при его употреблении в трех синтаксических функциях: именная часть сказуемого, определение, обстоятельство [6, р. 2363].

Как показывает проведенный анализ, в 51 % высказываний выборки прилагательное *seul(e)* употребляется в лексико-семантическом варианте значения 'qui se trouve être sans compagnie, séparé des autres' 'который оказывается без компании, отделенный от других' [7, р. 2363]:

(1) *Quand elle est seule, ce qui est souvent le cas, Milly écoute de la musique classique* 'Когда она одна, что случается часто, Милли слушает классическую музыку' [7, р. 17];

(2) *Je suis en couple depuis trois ans, et vous, toute seule* ‘Я уже три года в отношениях, а у вас никого нет (вы одинокая)’ [7, p. 120].

В высказываниях (1) и (2) признак, выраженный прилагательным *seule*, соотносится с носителем посредством связочного глагола *être* в форме настоящего времени изъявительного наклонения. В (2) имеет место эллипсис связочного глагола, который, однако, легко восстанавливается: *Je suis en couple depuis trois ans, et vous êtes toute seule*. В обоих высказываниях признак является предикативным (оформлен именной частью сказуемого) и формирует отдельную пропозицию (*Она одна; Вы одинокая*).

В высказывании

(3) *L’infirmière la laissait toujours se reposer seule après lui avoir donné un calmant* ‘Медсестра всегда оставляла ее отдыхать одну, после того как давала ей успокоительное’ [Там же, p. 37] признак *seule* соотносится с носителем через окказионально связочный глагол *se reposer*, который выражает собственное лексическое значение (‘cesser de se livrer à une activité fatigante; abandonner une position pénible de manière à faire disparaître la fatigue’ ‘прекращать работать, действовать; не принимать более неудобное положение тела, чтобы восстановить силы’ [6, p. 2255]) и дополнительно служит для предикативации признака носителю:

(3a) *L’infirmière la laissait toujours se reposer après lui avoir donné un calmant. Agatha était toujours seule à ce moment-là* ‘Медсестра всегда оставляла ее отдыхать, после того как давала ей успокоительное. Агата всегда оставалась одна в тот момент’.

Исходное высказывание (3) является синтаксически осложненным: в нем присутствует инфинитивный оборот *après lui avoir donné un calmant*. Прилагательное *seule* синтаксическую структуру предложения не осложняет, но формирует отдельную пропозицию: *Агата была одна*. При этом между пропозициями, представленными предикативным ядром и именной частью сказуемого, выраженной прилагательным *seule*, наблюдается временная связь: *Медсестра всегда оставляла Агату отдыхать. Агата всегда была одна в тот момент*.

(4) *Tu vis en ermite et ce n’est pas bien de vieillir seul* ‘Ты живешь как отшельник, нехорошо стареть в одиночестве’ [7, p. 65]. → (4a) *Tu vis en ermite et ce n’est pas bien d’être seul en vieillissant* ‘Ты живешь как отшельник, нехорошо быть одиноким в старости’.

В высказывании (4) признак *seul* приписывается носителю посредством окказионально связочного глагола *viellir* ‘prendre de l’âge, s’approcher de la vieillesse, continuer à vivre, vivre alors qu’on est déjà vieux’ ‘становиться старше, приближаться к старости, продолжать жить, жить

несмотря на старость' [6, p. 2774]. При этом исходное высказывание допускает трансформацию (4а), которая свидетельствует о временной сопряженности («la concomitance», или «le temps partagé», в терминологии К. Мюллера [8]) пропозиций, представленных предикативным ядром и именной частью сказуемого.

Коммуникативное намерение говорящего в (4) заключается не в сообщении о том, что стареть плохо, и не в том, что плохо быть одиноким, а в том, что стареть плохо **в одиночестве**. Временная сопряженность действия и признака *seul(e)* становится, тем самым, свидетельством семантической сложности представленного высказывания и репрезентации им сложной ситуации действительности.

В следующей коммуникативной ситуации принимают участие заправщик и полицейский, который разыскивает заключенную, сбежавшую из тюрьмы. Изучив запись с камеры видеонаблюдения, полицейский полагает, что заключенная могла скрыться на автомобиле, взяв в заложницы одну из клиенток заправки, и интересуется у заправщика, помнит ли он ту клиентку:

(5) – *Elle est repartie seule ?* 'Она уехала одна? '.

– *Dites, c'est vous le flic, pas moi. Elle l'était quand je l'ai saluée, après, je n'ai pas fait attention* 'Слушайте, полицейский здесь вы, а не я. Когда я с ней поздоровался, она была одна, а потом я не обращал на нее внимания' [7, p. 97].

Полицейский знает, что клиентка уехала с заправки; это знание входит в пресуппозицию. Коммуникативное намерение полицейского, порождающего высказывание *Elle est repartie seule*, заключается в выяснении того, была ли женщина одна, когда уезжала.

Таким образом, в высказываниях (3), (4) и (5) с окказионально связочными глаголами прилагательное *seul(e)* в значении 'qui se trouve être sans compagnie, séparé des autres' 'который оказывается без компании, отделенный от других' формирует отдельную пропозицию, которая соотносится с пропозицией, выраженной предикативным ядром предложения, по типу временной сопряженности. Прилагательное *seul(e)* при этом выражает ситуативно значимый признак носителя в момент совершения действия.

Следующее высказывание относится к ситуации, когда Агата, Милли и Люси сидели за столом в семейной гостинице. После завтрака Люси и Агата вышли в прихожую, а Милли осталась:

(6) *Lucy se leva de sa chaise et se rendit dans l'entrée, Agatha la suivit. Milly, qui ne les avait pas quittées des yeux, resta seule à table, buvant son café*

‘Люси встала со стула и отправилась в прихожую, Агата последовала за ней. Милли, которая не сводила с них взгляд, осталась за столиком одна и продолжила пить кофе’ [7, p. 147].

Из ситуации текста очевидно, что за столом сидели три женщины, а когда две из них ушли, осталась одна – Милли. На первый взгляд указание на признак Милли – *одна* кажется избыточным. Однако автор художественного произведения использует имя прилагательное в данном контексте. При этом грамматически наличие признака обязательным не является. Глагол *rester* употребляется в значении ‘continuer d’être dans un lieu’ ‘остаться где-либо’ [6, p. 2276]. Для реализации глаголом данного лексического значения необходимо указание на месторасположение (*rester à table*), но не указание на признак субъекта.

Понимание причины употребления автором художественного произведения имени прилагательного *seule* требует привлечения более широкого языкового контекста. Агата сбежала из тюрьмы и взяла Милли в заложники. Вначале Милли думала, как ей сбежать или позвать на помощь. Однако со временем Агата уже не боится, что Милли сбежит или позвонит в полицию: Милли интересна судьба Агаты, и она надеется узнать о ней все. Именно поэтому Агата оставляет Милли одну за столиком, а сама уходит оплатить номер в гостинице.

Высказывание (6), где признак, казалось бы, является известным, свидетельствует о том, что имя прилагательное *seul(e)* обладает в предложении особым коммуникативно-прагматическим потенциалом. Употребляясь в функции именной части сказуемого и присоединяясь к окказионально связочному глаголу, прилагательное, с одной стороны, осложняет семантическую структуру предложения, с другой – побуждает адресата выяснить истинное коммуникативное намерение автора текста. Адресат художественного текста (читатель) должен понять не только смысл отдельного высказывания, но и то, почему это высказывание используется автором, какова его роль в достижении интенции автора.

В 42 % высказываний выборки прилагательное *seul(e)* располагается в препозиции к определяемому имени существительному и выполняет функцию определения:

(7) *La seule personne présente à l'image était une femme bien plus jeune et plus grande qu'Agatha* ‘Единственный человек на изображении – девушка, моложе и выше Агаты’ [7, p. 97];

(8) *La seule chose dont j'ai besoin, c'est le carnet de ma sœur* ‘Единственная вещь, которая мне сейчас нужна, – это блокнот моей сестры’ [Там же, p. 144];

(9) *Elle ne m'a écrit qu'une seule fois* 'Она мне написала один единственный раз' [7, p. 144].

В приведенных выше высказываниях прилагательное *seule* употребляется в лексико-семантическом варианте значения 'qui est unique de son espèce' 'единственный в своем роде' [6, p. 2363]. В высказываниях (7) и (8) именная группа оформляется определенным детерминативом (*la seule personne, la seule chose*), что предопределено грамматическими правилами французского языка: наличием ограничивающего определения *seule*. В (9) именная группа оформляется неопределенным детерминативом, что позволяет усилить значение 'единичности, уникальности': неопределенный артикль восходит к латинскому числительному *unus* и сохраняет количественное значение: *один единственный раз*.

В высказываниях (7)–(9) прилагательное *seule* формально создает отдельную пропозицию: *Молодая высокая девушка была на изображении. Девушка была на изображении одна (Никого другого на изображении не было); Мне нужен блокнот моей сестры. Это единственное, что мне нужно (Больше мне ничего не нужно); Она мне написала. Это было один единственный раз*. Вместе с тем представляется, что пропозиция, выраженная именем прилагательным, является «пустой», поскольку она не репрезентирует самостоятельную ситуацию действительности: наличие на изображении **одной** молодой высокой девушки (7), **единственную** потребность говорящего (8), наличие **одного** написанного письма (9). Таким образом, каждое из трех приведенных выше высказываний является семантически элементарным и репрезентирует одну ситуацию действительности.

Иными словами, употребляясь в функции определения, прилагательное *seul(e)* в лексико-семантическом варианте значения 'qui est unique de son espèce' 'единственный в своем роде' обозначает признак носителя, который не является коммуникативной целью высказывания:

(7a) *Qui était présent à l'image?* 'Кто был на изображении?' – *La personne présente à l'image était une femme bien plus jeune et plus grande qu'Agatha* 'Человек на изображении – девушка, моложе и выше Агаты';

(8a) *De quoi as-tu besoin ?* 'Что тебе нужно?' – *Ce dont j'ai besoin, c'est du carnet de ma sœur* 'Что мне нужно, так это блокнот моей сестры';

(9a) *T'a-t-elle écrit ?* 'Она писала тебе?' – *Elle ne m'a écrit qu'une fois* 'Она мне только один раз написала'.

Трансформации (7a)–(9a) свидетельствуют о том, что признак, выраженный определением, может быть опущен, при этом смысл высказывания существенным образом не изменится.

Наконец, в 7 % высказываний выборки прилагательное *seul(e)* приобретает обстоятельственное значение: ‘sans aide’ ‘без чьей-либо помощи, самостоятельно’ [6, p. 2363]:

(10) *Elle fait le plein toute seule* ‘Она самостоятельно заправляет автомобиль’ [7, p. 98].

В высказывании (10) *seule* употребляется в значении наречия, несмотря на то, что и прилагательное, и сочетаемое с ним наречие *toute* согласуются с подлежащим в роде и числе – ***Elle (est) toute seule***. Анализируемое высказывание при этом является семантически элементарным: девушка **самостоятельно** заправляет автомобиль. Поскольку прилагательное употребляется в функции обстоятельства образа действия, говорить о временной сопряженности действия и признака носителя невозможно.

На основании проведенного лингвистического анализа можно сделать ряд выводов о коммуникативно-прагматическом потенциале прилагательного *seul(e)* во французском предложении:

1. Употребляясь в лексико-семантическом варианте значения ‘qui se trouve être sans compagnie, séparé des autres’ и сочетаясь с окказионально связочным глаголом, имя прилагательное *seul(e)* формирует отдельную пропозицию, которая соотносится с пропозицией, выраженной предикативным ядром предложения, по типу временной сопряженности. Высказывание при этом является семантически неэлементарным и репрезентирует сложную ситуацию действительности.

2. В лексико-семантическом варианте значения ‘qui est unique de son espèce’, реализуемом именем прилагательным в функции определения, *seul(e)* формирует «пустую» пропозицию, которая не соответствует самостоятельной ситуации действительности.

3. Приобретая обстоятельственное значение ‘sans aide’, имя прилагательное *seul(e)* характеризует совершаемое субъектом действие и не образует пропозицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
2. Манько, Н. И. Дифференциация атрибутивного и предикативного выражения признака во французском языке / Н. И. Манько, Ю. В. Овсейчик // Весці БДПУ. Сер.1., Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2017. – № 3 (93). – С. 92–95.

3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учебник / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2020. – 832 с.
4. Прияткина, А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
5. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
6. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / sous la dir. de J. Rey- Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2013. – 2837 p.
7. Levy, M. Une autre idée du bonheur / M. Levy. – Paris : Robert Laffont, 2014. – 349 p.
8. Muller, C. Les constructions à adjectif attribut de l'objet, entre prédication seconde et complémentation verbale / C. Muller // Langue française / P. Cadiot, N. Furukawa (éds). – Paris : Larousse, 2000. – № 127. – P. 21–35.

Поступила в редакцию 17.09.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111-394«14»(045)

Драничников Николай Михайлович
старший преподаватель кафедры
правовых и гуманитарных дисциплин
Институт бизнеса БГУ
г. Минск, Беларусь

Nikolai Dranichnikov
Senior Tutor of the Department
of Law and Humanities
School of Business of BSU
Minsk, Belarus
nikolai.dranichnikov@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ
МИСТИФИКАЦИЙ ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА:
ФРАГМЕНТ И АНГЛИЙСКАЯ МЕТАМОРФОЗА

LINGUISTIC PECULIARITIES OF THOMAS CHATTERTON'S
LITERARY MYSTIFICATIONS:
FRAGMENT AND ENGLISH METAMORPHOSIS

В статье рассматриваются некоторые специфические лингвистические приемы, использованные Томасом Чаттертоном в его литературных мистификациях с целью имитации средневекового характера создававшихся им текстов и придания благозвучности. Для достижения этой цели в статье исследуются как прозаические, так и поэтические примеры мистификаций Чаттертона. С помощью методов литературного, лингвистического и исторического анализа сделаны выводы об использовании Чаттертоном английского языка XV века в аспектах орфографии и способов версификации и изобретении им псевдосредневековых слов в попытке подражать средневековой литературе XV века.

Ключевые слова: *Чаттертон; имитация средневековых текстов; лингвистические маркеры литературной мистификации; псевдосредневековый стиль; среднеанглийские слова.*

The paper discusses some of the specific linguistic techniques employed by Thomas Chatterton in his literary mystifications in order to imitate the medieval character of the texts he created and to impart a sense of euphony. To attain this goal, the article examines both prose and poetical examples of Chatterton's mystifications. Using the methods of literary, linguistic, and historical analysis, conclusions are made concerning Chatterton's use of 15th-century English in the aspects of orthography and versification and his invention of pseudo-medieval words in an attempt to emulate 15th-century medieval literature.

Key words: *Chatterton; imitation of medieval texts; linguistic markers of literary mystification; pseudo-medieval style; Middle English words.*

Thomas Chatterton (1752–1770) was the 18th-century poet and mystifier who famously created a series of poems and writings (the Rowley poems) that he attributed to a fictional 15th-century cleric named Thomas Rowley. These works were written in a pseudo-medieval style and language, thereby initially convincing many of his learned contemporaries, such as Horace Walpole (1717–1797), William Barrett (1733–1789), and Alexander Catcott (1725–1779), just to name a few, that they were genuine 15th-century medieval texts. The initial success and furor with which the Rowley poems, along with some of Chatterton’s prose pieces (on ecclesiastical subjects and the history of England), were received was caused by the sheer deficiency in many areas of philological knowledge at the time when Chatterton’s mystifications appeared. For example, Horace Walpole, being an eminent writer, had a far less knowledge of the proper use of medieval words than Chatterton (who at that time was only a schoolboy). Only this can clarify Walpole’s initially good opinion (which he expressed in a letter to the poet after having studied one of his mystifications entitled *The Ryse of Peyncteyne in Englande*) of Chatterton’s “profound” understanding of Middle English. Hence this article presents an attempt to reveal certain linguistic characteristics and incongruities of some of Chatterton’s “medieval” compositions, both in prose and poetical.

Prior to the linguistic analysis of Chatterton’s mystifications, it is essential to emphasise the poet’s motives for fabricating and disguising many of his own works as authentic medieval writings. As it can be summarized from the innumerable magazine articles, literary disquisitions on the subject of the Rowley poems, and multifarious editions of Chatterton’s writings, the poet’s motivations for faking his literary compositions as medieval can be outlined as follows: gaining recognition (Chatterton sought literary fame and recognition which he believed he could achieve more easily by presenting his work as the discovery of lost medieval texts); creative expression (the precocious youth enjoyed the creative challenge of emulating medieval language and style, thereby showcasing his talent and ingenuity); cultural fascination (the poet was influenced by the fascination in 18th-century England with medievalism and believed that presenting his work as medieval would resonate more with contemporary tastes and interests).

The craftsmanship and sophistication involved in Chatterton’s creation of the Rowley poems as convincing 15th-century medieval texts, along with his innovative use of pseudo-archaic language and his ability to mimic medieval English, blending authentic medieval elements with those of his own creation, can still be of interest to those studying the evolution of

the English language and historical linguistics. Moreover, it is relevant in the context of modern mass culture associated with the phenomenon of «fakes» and similar artifacts of disinformation. Thus, the main purpose of this article is to analyse Chatterton's use of archaic language, to provide valuable insights into some linguistic features of his literary imitations and to offer some suggestions pertaining to Chatterton's methods of creating 15th-century pseudo-medieval texts, thereby contributing to a deeper understanding of his literary genius and his place in literary history.

Unequivocally, Chatterton's forte best revealed itself in the matters of antiquity which was in a way the result of his early fascination with Geoffrey Chaucer (c. 1343–1400) and such authors (who wrote profusely on the history of Britain) as William Camden (1551–1623), Geoffrey of Monmouth (c. 1095–c. 1155), Raphael Holinshed (c. 1525–c. 1582), and Thomas Fuller (1608–1661). Engaged as he was with antiquities, Chatterton's mind naturally started to dwell in ancient English kingdoms peopled by mighty and long-forgotten sovereigns with their entourage of dukes, barons, knights clad in armour, long-robed monks, lonely scribes, obscure bards, wealthy merchants and fair ladies. John Milton (1608–1674) described the mood of the period in the following way:

...And pomp, and feast, and revelry,
With mask and antique pageantry;
Such sights as youthful poets dream
On summer eves by haunted stream [1, p. 69].

Chatterton's imaginary world also fashioned towering castles with elaborately designed banners, steep Gothic cathedrals with stained glass windows, medieval church music, ancient tombs with monuments and statues of dignified and notable leaders. Consequently, "... it became natural to Chatterton, revelling as he did in conceptions of the antique, to draw on an ancient-fashioned suit of thought, and make use of antique forms of language" [2, p. 49].

David Masson (1822–1907) in his meticulously written biographical and critical essay, *Chatterton: A Story of the Year 1770* (1873), clearly states that "Whether, in the composition of those poems, it was Chatterton's habit first to write in ordinary phraseology, and then, by the help of glossaries, to translate what he had written into archaic language, or whether he had by practice become so far master of ancient words and expressions as to be able to write directly in the fictitious dialect he had prescribed for himself, certain it is that, <...> he either was whirled into the archaic form by an irresistible instinct, or deliberately adopted it" [Ibid, p. 270].

Keeping the preceding statement in mind, let us consider (in terms of orthography) the following excerpt from one of Chatterton's mystifications, entitled *Fragment* (which is the alleged Rowley elaboration on the nature of Man, God, and the Holy Trinity) as it was first printed in *The Gentleman's Magazine* for April, 1782, more than ten years after Chatterton's death:

Havynge whylomme ynn dyscourse provedd, orr soughte toe proove, the deitie of Chryste bie hys workes, names, and attributes, I shall in nexte place seeke to proove the deitie of Holye Spryte. Manne moste bee supplyedd wythe Holye Spryte toe have comunyonn ryghtfullye of thynges whyche bee of Godde <...> [3, p. 177].

It should be added that this fragment had the following note attached by the editor, informing the readers that "... [it] has been produced as a transcript from a sermon by Thomas Rowley, Priest, of the fifteenth century. There being little reason, however, to suppose that Chatterton, who apparently forged all other pieces attributed to this occult personage, could be the immediate author of such a performance..." [Ibid, p. 177].

Firstly, what immediately catches attention is Chatterton's erroneous use of the perfect participle in the first sentence: in Middle English, there were only two types of participles: past and present, and Chatterton used the correct conjugation of the verb *have* which is *havynge*, or *having* (the early English suffix was *-ende*, which resulted in *-inge*), but the perfect participle construction *havynge provedd* (*having proved*) could not have been used in the 15th-century English.

Secondly, instead of the correct spelling of the Middle English preposition *ynne* (sometimes spelled as *in*, *ine*, *inne*, or *innen*) in the meaning of «within», or «in» [4, p. 259], Chatterton made use of the incorrect form *ynn* throughout the whole fragment.

Thirdly, the word *dyscourse* (in the meaning of «ratiocination», «conversation», or «speech»), in accordance with Middle English orthography, should have been spelled as *discurse*, or *discors*. Furthermore, the archaic Middle English adverb *whilom* (meaning «formerly», «at times», or «erstwhile») which had such alternate spellings as *whilum*, *whylom*, or *wylem* [Ibid, p. 545], was misspelled by Chatterton as *whylomme*.

And last but not least, Chatterton seemed to be unaware of the proper Middle English forms of the verb *prove*, such as *prouen*, *preuen*, *preuede*, *proued*, *preued*, *preve*, or the Old French form *prover* [Ibid, p. 376] and used erroneous variants *provedd* and *proove*. Consequently, out of the first five medieval words used in the *Fragment*, four were misspelled by the poet.

Proceeding with the linguistic analysis of the *Fragment*, the unnecessary doubling of consonants can be highlighted, namely Chatterton's incorrect use of the conjunction *orr*, instead of *or* and *oðer* [4, p. 352]. A number of other instances of wrong orthography can be listed here, i.e., *deitie* instead of *deiete*, *diete*; *Chryste* instead of *Christe*, *Crist*, *Christ*, or *Cristys*; *hys* instead of *his*, *hyse*, *hes*, or *hise*; *seeke* instead of *seke*; *holye* instead of *holy*, *holie*, or *holli*; *spryte* instead of *sprit*, *sprite*, or *sprete*; *bee* (in one instance) instead of *bi*, or *bie*; *wythe* instead of *with*, *whithe*, *witht* or *wit*; *communyonn*, instead of *communyoun*, *comunyoun*, or *communion*; *ryghtfullye* instead of *ryghtfulle*, *ryghtfull*, or *rihtful*; *whyche* instead of *which* [5].

Nevertheless, Chatterton's *Fragment* did display an array of authentic 15th-century medieval English words, for instance, *soughte*, *bie*, *toe*, *names*, *attributes*, *nexte*, *manne*, *moste*, *Godde*, and his knowledge of the formation of the old genitive plural for nouns was correct, as in *workes* and *thynges*.

Actually, the incongruities of spelling can be traced throughout Chatterton's literary mystifications. The results derived from the philological analysis of the language show that "... the genuine old English words, correctly used, occurring in the Rowleian dialect [Chatterton's pseudo-medieval language], amount to only about seven percent of all the old words employed" [6, p. xix]. Consequently, it can be rightly asserted that although Chatterton was an ingenious poet and writer, his knowledge of Middle English was quite limited.

The next thing to consider will be to analyse some of Chatterton's deliberate adaptations of archaic language for the purpose of creating rhymes in his own poetry which he attributed to Thomas Rowley. His *English Metamorphosis* (first printed posthumously in Tyrwhitt's edition of 1777) can offer some interesting examples in this regard. Here is a specimen of *English Metamorphosis* as it was published in Walter W. Skeat's *Poetical Works of Thomas Chatterton* (1872):

Soft-bounding over swelling azure reles,
The savage natives saw a ship appear,
An unknown tremor to their bosom steals,
Their might is bounden in the frost of fear.
The headed javelin hisseth here and there,
They stand, they run, they look with changeful eyne,
The ship's sail, swelling with the kindly air,
Runneth to harbour from the beating brine [Ibid, p. 105].

Chatterton's rhymes such as *appear–fear*, and *there–air* seem to be sufficiently correct, but his rhyme *reles–steals* looks odd. The poet used the Anglo-French noun *reles* as a substitute for the noun *wave* to rhyme it with the verb *steals*. But the Anglo-French word *reles* does not even have the meaning of «wave», i.e., its intended meaning has always been «relaxation», «forgiveness», and also «taste», and «odour».¹ Why Chatterton thought of *reles* as *waves* would never be known, but one thing is certain: *reles* rhymes with *steals*. Chatterton's rhyme *eyne–brine* is correct, and he had to settle on one of the variations of the Middle English word for «eye» of which the accepted forms include such examples as *eie*, *eien*, *eyen*, *eyn*, and *eyne*.

Further in the poem are these lines:

Him followed eftsoons his compeers, whose swords
Glistered like burning stars in frosty nete,
Hailing their capitain in chattering words
King of the land, whereon they set their feet [6, p. 105].

Here Chatterton's rhyme *swords–words* is perfectly acceptable, but he purposefully altered the spelling of the word *night* into *nete* so that to rhyme it with *feet*. The word *nete* is a corrupted variation of the West Saxon word *neht* and the Anglian word *neht*, and was purely Chatterton's invention.

In another passage are the following lines:

A tie of love, a daughter fair she hanne,
Whose budding morning shewed a fair day,
Her father Locrine once a holy man [Ibid, p. 107].

The rhyme *hanne–man* is yet another invention of Chatterton: instead of such proper forms of the verb *have* as *had*, *hade*, *hadden*, or *han*, the poet corrupted Middle English grammar to create the form *hanne*.

Indeed, throughout *English Metamorphosis* one can find copious instances of how resorting to archaic or pseudo-archaic words can really be of help in creating rhymes. These examples include such rhymes as *mees–cliffs*; *gye–espy*; *sle–lea*; *parament–intent*; *fage–rage*; *sleen–queen*; *fate–regrate*; *knight–pight*; *skies–emprize*; *gye–espy*; *wight–might*; *bismare–heavenwere*; *sle–lea*; and *light–hight* [Ibid, pp. 104–109]. All in all, it can be observed that Chatterton made no mistakes in the rhyming per se; from the standpoint of versification, everything was correct, but he altered words and their forms for the purposes of versification.

¹From hereon, all the subsequent clarifications pertaining to the meaning and spelling of Middle English words are given with the reference to *A Concise Dictionary of Middle English from A.D. 1150 to 1580*, Dodo Press, 2009.

The results obtained from the philological analysis of Chatterton's *Fragment* and *English Metamorphosis* suggest that the technique employed by the poet was the following: he would write out words directly from the then available glossaries and dictionaries and use those words correctly; he would use a medieval English word but assign a totally new meaning to it (as with *reles* to mean «waves»); he would take a Middle English word but change its spelling by the doubling of final consonants (as with *orr*, and *communyonn*) or by altering its ending (as with *deitie*, *holye*, or *ryghtfullye*); he would change the spelling of the word at will (as with *nete*, *whyche*, or *mees*) to comply with the rhyming pattern; if he was simply unaware of the intended meaning and the spelling of a Middle English word, he did not bother to check it and made use of the variant which best suited his fancy.

To conclude, it can be stated that in his spurious endeavours to emulate medieval authors of the 15th-century, Chatterton created his own pseudo-medieval language, i.e., the Rowleian dialect, which was mainly the result of his reliance on the then available *Dictionarium Anglo-Britannicum* (1709) edited by John Kersey (c. 1660–c. 1721), and Thomas Speght's second edition of Chaucer (1602). Walter W. Skeat (1835–1912) in his *Essay on the Rowley Poems* (1871) authoritatively states that Chatterton "... employed *no old words whatever but such as are contained in Kersey or Speght*; the only exceptions to this rule occurring in the case of a few words which he *modified or invented*" [6, p. xxxiii]. In summary, the linguistic markers of literary mystification employed by Chatterton in his *Fragment* and *English Metamorphosis* can be outlined as follows: the adaptation of archaic orthography; the purposeful modification of words; the deliberate creation of pseudo-medieval words; the use of genuine Middle English words. These linguistic features contributed to Chatterton's deliberate creation of texts that were meant to appear as though they were from the medieval period, and to making his own poetic works sound antique.

What has been stated above should not serve as a belittlement of Chatterton's immense contribution to English literature, his influence on Gothic revival and later writers and poets such as the Romantics. Chatterton's significance lies in his role as a poet and a mystifier who was in possession of a "...wonderful originality, and how he combined with this originality a special faculty of reproducing all that he had learnt so as to set it off to the best advantage" [6, p. xli]. This has always fascinated scholars for its implications on literary authenticity and creativity.

The fact that Chatterton was the author of the Rowley poems is as certain as that *Vortigern and Rowena* (1796) was penned by William Henry Ireland (1775–1835), and *The Works of Ossian* (1765) was the production of James Macpherson (1736–1796). This fact, however, should never become an impediment to further studies of Chatterton, especially in the context of comparative literature and historical language reconstruction. Viewing Chatterton’s literary mystifications alongside other literary hoaxes and forgeries can offer a comparative perspective on literary deception across different periods and cultures and provide the basis for further research, especially in Belarusian literary criticism which has not yet addressed the problem of literary mystifications, including those of Thomas Chatterton, and their linguistic peculiarities.

REFERENCES

1. *Milton, J. L’Allegro / J. Milton.* – The Principles and Progress of English Poetry / ed: C. M. Gayley, C. C. Young and B. P. Kurtz. – New York: The Macmillan Company, 1925. – 749 p.
2. *Masson, D. Chatterton: A Story of the Year 1770 / D. Masson.* – London, The Macmillan Company, 1874. – 284 p.
3. *Chatterton, T. Fragment / T. Chatterton.* – The Gentleman’s Magazine, April, 1782. – URL : https://archive.org/details/sim_gentlemans-magazine_1782-04_52_4/page/178/mode/2up?view=theater (date of access: 22.09.2024)
4. *Mayhew, L. A Concise Dictionary of Middle English from A.D. 1150 to 1580 / L. Mayhew and W. Skeat.* – Dodo Press, 2009. – 577 p.
5. Middle English Dictionary. – URL : <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary> (date of access: 22.09.2024)
6. *Chatterton, T. The Poetical Works of Thomas Chatterton / T. Chatterton.* – ed: Walter W. Skeat. – London, 1872. – Vol. 2. – 346 p.

Поступила в редакцию 02.10.2024 г.

Кошман Павел Рыгоравіч

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дэкан факультэта павышэння кваліфікацыі
і перападрыхтоўкі кадраў
МДПУ імя І. П. Шамякіна
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

Pavel Koshman

PhD in philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty
of Advanced Training and Retraining
Mozyr State Pedagogical University
named after I.P.Shamyakin
Mozyr, Belarus
pauloko7h@gmail.com

АРГУМЕНТ МОВЫ Ё НАРАТЫВЕ БЕЛАРУСКАЙ САМАБЫТНАСЦІ
АЛЯКСАНДРА ЕЛЬСКАГА¹

THE ARGUMENT OF LANGUAGE IN THE NARRATIVE
OF BELARUSIAN IDENTITY OF ALEXANDER YELSKY

Артыкул прысвечаны праблеме фарміравання і пашырэння ўяўленняў аб культурнай самабытнасці беларускага народа ў літаратуры канца XIX ст. Паказваецца запатрабаванасць тэмы мовы ў навуковых і творчых пошуках А. Ельскага, вызначаецца ўнёсак пісьменніка ў папулярызацыю беларускага слова і прызнанне яго каштоўнасці для духоўнага сталення беларусаў. Аўтарская стратэгія рэпрэзентацыі беларускай мовы раскрываецца з пункту гледжання змястоўнага нападўнення і сродкаў выражэння. Выяўляюцца характарыстыкі, дадзеныя А. Ельскім мове як эстэтычнай, гістарычнай і сацыяльнай з'яве, адзначаецца іх скіраванасць на стварэнне адметнага вобліку Беларусі і абгрунтаванне гістарычных перспектывў беларускай супольнасці.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *Аляксандр Ельскі; беларуская літаратура XIX ст.; беларуская мова; беларуская самабытнасць; Беларусь; беларускі наратывў.*

The article is devoted to the problem of formation and expansion of ideas about the cultural identity of the Belarusian people in the literature of the late 19th century. The relevance of the topic of language in the scientific and creative research of A. Yelsky is indicated, the contribution of the writer to the popularization of the Belarusian word and recognition of its value for the spiritual maturation of Belarusians is determined. The author's strategy of representing the Belarusian language is revealed in terms of content and means of expression. The characteristics given by A. Yelsky to the language as an aesthetic, historical and social phenomenon are revealed, their focus on creating a distinctive image of Belarus and substantiating the historical prospects of the Belarusian community is noted.

К e y w o r d s: *Alexander Yelsky; Belarusian literature of the 19th century; Belarusian language; Belarusian identity; Belarus, Belarusian narrative.*

¹Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па дагаворы № 1410/2021 ад 22.03.2021 у рамках НДР «Нацыянальны наратывў у беларускай літаратуры XIX–XX стст: спецыфіка канструявання і мастацкай рэпрэзентацыі» (ДПНД «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы», 2021–2025 гг.).

У асобе А. Ельскага айчынная гісторыя апошняй трэці XIX ст. мае аднаго з найбольш яркіх прадстаўнікоў беларускага мастацтва слова, актыўнага папулярызатара яго набыткаў. На фоне агульнай невыразнасці тагачаснага літаратурнага руху творчасць пісьменніка вылучаецца мэтанакіраваным паглыбленнем у беларускую тэматыку, паслядоўным стварэннем і абгрунтаваннем наратыву беларускай самабытнасці.

Даследчыкі па праве лічаць А. Ельскага «заснавальнікам навуковага беларусазнаўства» [1, с. 448], адзначаюць «аграмадную ролю гэтае асобы ў станаўленні беларускага нацыянальнага руху ў апошняй чвэрці XIX ст.» [2, с. 19]. Маштабы спадчыны пісьменніка адкрываюць перад айчынай гуманітарнай навукай значную дзялянку для працы. Найноўшая бібліяграфія, у якую ўваходзяць выданні твораў пісьменніка [3; 4], артыкулы працытаваных вышэй літаратуразнаўцаў У. Казберука і М. Хаўстовіча, шэраг публікацый у перыядычным друку [5; 6], добра паказвае ёмістасць матэрыялу і разам з тым заахвочвае да яго праблемнага аналізу. Так, адзначаны даследчыкамі ўнёсак А. Ельскага ў рэпрэзентацыю і пашырэнне ведаў пра Беларусь канцэптуальна грунтуецца вакол тэмы мовы, яе спасціжэння ў якасці ядра этнакультурнай адметнасці беларускага народа. З улікам значнасці моўнага пытання для фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці мэтай дадзенага артыкула бачыцца вызначэнне асаблівасцей рэцэпцыі мовы ў творчасці А. Ельскага як найважнейшай адзнакі этнакультурнай адметнасці беларусаў.

Прызнанне эстэтычнай і практычнай вартасці мовы – адзін з ключавых этапаў станаўлення нацыянальнага мастацтва слова. А. Ельскі прадстаўляе кагорту тых аўтараў XIX ст., якія вярталі беларускую мову ў літаратурны ўжытак і ў цэлым вызначалі асновы яе далейшага ўспрымання. Прыкладам уласных твораў пісьменнік доказна паказваў магчымасці народнай гаворкі, яе прыдатнасць для вырашэння мастацкіх задач. Карэктуры тэкстаў, зробленыя ўласнай рукой А. Ельскага [4, с. 110], яго заўвагі да выдаўцоў [4, с. 67] сведчаць аб надзвычай уважлівым, скрупулёзным падыходзе аўтара да пытанняў выкарыстання беларускай мовы, прынамсі, перадачы на пісьме асаблівасцей яе гучання. Глыбокія веды ў галіне мовазнаўства і асабісты вопыт карыстання беларускім словам вызначаюць навуковую каштоўнасць артыкула А. Ельскага «Беларускага мова» (1892). Дадзеная праца, падрыхтаваная адмыслова для публікацыі ў «Wielkiej encyklopedii powszechnej ilustrowanej», уяўляе адзін з першых навуковых аглядаў беларускай граматыкі і фанетыкі.

Аднак на схіле XIX ст. актуальнасць пытання выкарыстання беларускай мовы становілася прадметам не толькі навуковых дыскусій. У абгрунтаванні права беларускага слова на будучыню А. Ельскаму, акрамя даследчыцкіх кампетэнцый, пастаянна былі патрэбны навыкі прыгожага пісьменства і палемічнага майстэрства. Таму публікацыі на тэму беларускай мовы выяўляюць у сукупнасці дасведчанасць, творчыя здольнасці аўтара і яго адданасць беларускай справе.

У артыкуле «Пра беларускую гаворку» (1885), які ўзнік у адказ на чарговыя спрэчкі наконт перспектывы мовы беларусаў, аўтар прызнаваўся: «Справа гэта немалой цяжкасці і перавышае сціплыя сілы пішучага – выказаць што-небудзь больш выдатнае ў абарону народных гаворак» [3, с. 309]. Тым не менш пастаўленая задача была яму па сілах. Тэкст будаваўся так, каб логікай разважанняў падвесці да ўсведамлення значнасці прадмета размовы. Пісьменнік паслядоўна, адзін за адным выкладваў перад чытачом важкія і адначасова яркія аргументы. Ён прапаноўваў паглядзець на развіццё мовы ў кантэксце агульных законаў быцця. Вобраз магутнага дуба, які сілкуюць карэнні, служыў у яго аповедзе метафарычнай ілюстрацыяй думкі пра тое, што «культурная мова» праз народныя гаворкі «цудоўна ўцягвае ў сябе сокі жыцця» [3, с. 309]. У сваю чаргу бясспрэчная прыцягальнасць тэзісу, што «без гармоніі адрозненняў свет выглядаў бы мёртва, без зместу, нібы шэры фон» [3, с. 310], пацвярджала слушнасць існавання шматлікіх моў і таго, што «кожная нацыя павінна мець сваю асобную мову» [3, с. 310]. Звяртаючыся да гісторыі еўрапейскага мастацтва слова, А. Ельскі прыводзіў прыклады паспяховага выкарыстання народных гаворак у літаратуры. Яго згадкі пра Старажытныя Рым і Грэцыю, Англію, Германію, Францыю, Італію, не заглыбляючыся ў спецыфіку эпох і абставін, выстройваліся ў адзін роўны шэраг прэцэдэнтаў, якія выразна абазначалі жаданыя перспектывы беларускай мовы.

Лагічную неабходнасць такога развіцця А. Ельскі пацвярджаў і фактамі з айчынай гісторыі. У артыкуле «Пра беларускую гаворку» згадваўся вопыт прадстаўнікоў палемічнай літаратуры і рамантыкаў у збліжэнні кнігі з мовай народа, давалася ацэнка тагачаснай беларускай літаратуры. «Хоць яна і небагатая, – адзначаў даследчык, – але мае не самыя горшыя творы, напрыклад, двух Марцінкевічаў, Каратынскага, некалькі важнейшых прац Насовіча і Пецярбургскай Акадэміі навук, якія датычацца беларускай мовы» [3, с. 316]. Відавочна, што А. Ельскі мог прывесці і больш прыкладаў. Прынамсі, складзены ім спіс выданняў па беларускай тэме пачынаўся ад «Бібліі» Францыска Скарыны і ўключаў больш за 200 назваў. Навуковая каштоўнасць гэтай працы захоўваецца і па сённяшні дзень, а на той час

сabrаны і сістэматызаваны пісьменнікам матэрыял фактычна адкрываў незаўважаны дагэтуль маштаб беларускай адметнасці, паўнаwartасны беларускі кантынент. Традыцыя спасціжэння Беларусі, накопленая за папярэднія чатыры стагоддзі, але схаваная ў іх даўніне і раскіданая па розных публікацыях і нават рукапісах, станавілася дзякуючы даследаванням А. Ельскага бачнай, адчувальнай. Яго артыкул «Słówko o materyałach słuźących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej», апублікаваны ў нумарах газеты «Chwila» (1886), а потым перапрацаваны і дапоўнены для «Wielkiej encyklopedii powszechniej ilustrowanej» артыкул «Беларуская літаратура і бібліяграфія» (1892) засведчвалі перад шырокай аўдыторыяй чытачоў наяўнасць у беларусаў грунтоўнай кніжнай культуры. Сам аўтар значэнне публікацыі беларусазнаўчых крыніц пашыраў за межы навуковай сферы, бачыў важнасць сабраных ведаў як апоры для фарміравання ў грамадстве неабходнай падтрымкі. Ва ўступе да артыкула ў газеце «Chwilia» А. Ельскі зазначаў: «Не ведалі пра мінулае беларускай мовы, таму нічога дзіўнага, што сумняваліся ў яе праве на існаванне, адкрыта заяўлялі пра яе гібель і не клапаціліся пра яе будучыню; разам з тым, калі гэтая мова сапраўды мае прыгожую традыцыю, то павінна атрымаць для сябе права ў будучым як натуральны, наканаваны вышэйшай сілай орган духу некалькіх мільёнаў ціхага, вясковага люду» [7, с.1].

Пералік літаратурных імён і назваў у згаданых даследаваннях А. Ельскага вызначаўся згодна з шырокім разуменнем іх сувязі з Беларуссю і ўключаў у тым ліку погляд на яе старонніх назіральнікаў. Адабраны такім чынам матэрыял не абавязкова ўтрымліваў этнічны беларускі складнік, але затое дазваляў наглядна дэманстраваць адметнасць Беларусі як асобнага гістарычнага рэгіёна. Разам з тым у рэпрэзентацыі мясцовай унікальнасці А. Ельскі праяўляў асаблівую ўвагу да тых вядомых творцаў, імёны якіх былі звязаны з беларускай зямлёй па нараджэнні. Артыкул «Адам Міцкевіч на Беларусі» (1885) аўтар пачынаў з разваг аб незвычайнай ураджайнасці тутэйшай зямлі на таленты і прапаноўваў шукаць прычыну гэтага феномена ў старажытнасці. Пакідаючы навуковыя доказы для іншых выпадкаў, пісьменнік аддаваў перавагу мастацкім сродкам пераканання, паэтызаваў прастору і гісторыю роднага краю: «ад вытокаў Дняпра да Буга і Нарава, ад Віліі да Прыпяці – гняздо старадаўняй славяншчыны, краіна герояў, гусляроў, патрыярхальных адносін і ахвяр у імя ўзнёслых ідэалаў!» [3, с. 321]. Натхнёны прыкладам папярэднікаў, аўтар узнёсла дэклараваў: «Нездарма ж пра гэтую родную зямлю, пачынаючы ад Баяна аж да нашых часоў, столькі разоў з захапленнем спявалі вестуны, чэрпаючы з народных песень, легенд і паданняў прарочае натхненне» [3, с. 321].

Словы прызнання багатай творчай спадчыны радзімы былі выказаны ў публікацыі нумара газеты «Крај», адмыслова прысвечаным памяці А. Міцкевіча. Пра Беларусь тут згадвалася ў адным шэрагу з артыкуламі пра англійскую, нямецкую, расійскую і іншыя еўрапейскія літаратуры, якія зведалі ўплыў вялікага паэта. Сярод іх праца А. Ельскага вылучалася тым, што ў ёй расказвалася пра славу тага земляка і ў сваю чаргу пра ўплыў на яго творчасць вобразаў роднага краю. Але асноўны акцэнт размовы ў цэлым пераносіўся на беларускую мову, галоўнай каштоўнасцю якой адпаведна міжнароднаму кантэксту прызнавалася аўтэнтычнасць. Аўтар засцерагаў ад замаху «на гэту святую спадчыну славяншчыны» [3, с. 322] і ставіў у прыклад А. Міцкевіча, які неаднаразова прыхільна ацэньваў народную гаворку сваёй роднай зямлі. У святле аўтарытэтнага меркавання паэта папрокам ад А. Ельскага да сучаснікаў гучала прызнанне ў марнасці ўласных спроб па развіцці беларускай мовы. З сумам ён канстатаваў: «Разумеючы бязмерную важнасць выратавальнага ўплыву роднай літаратуры на народ, мы горача і неаднойчы стараліся разбудзіць у грамадзянах добрай волі жаданне падтрымліваць папулярныя выданні на беларускай мове, але нашы заклікі не прынеслі жаданага выніку» [3, с. 323].

Валодаючы багатымі ведамі па гісторыі Беларусі, А. Ельскі старанна працаваў на яе будучыню, актыўна падтрымліваў беларускае слова, лічыў яго важным сродкам асветы і самавыражэння беларусаў. З улікам нераспрацаванасці тагачаснай беларускай нівы заслугі пісьменніка на ёй былі сапраўды маштабныя. Ускосна іх прызнавалі нават скептыкі беларускай справы. Так, артыкул «“Пан Тадэвуш” на Беларусі», надрукаваны ў «Tygodnik Ilustrowany» пад крыптонімам А. S., называў А. Ельскага першым у спісе з чатырох асоб, каму варта было б перадаць экзэмпляр паэмы, перакладзенай на беларускую В. Дуніным-Марцінкевічам. Праўда, пры гэтым «дабрадзей» іранізаваў з невялікай колькасці прыхільнікаў беларускай літаратуры і прапаноўваў пакінуць з усяго накладу «ну яшчэ з дзясятка для іншых сапраўдных знаўцаў на запас – а рэшту... аддаць на макулатуру, бо, апрача нас, некалькіх ці нейкага дзясятка, ніхто болей гэтага, можна сказаць пэўна, чытаць не будзе» [8, с. 167].

Працытаваная газетная заметка паказальна ілюструе таксама праблему тэндэнцыйнага ўспрымання беларускай мовы, калі аўтару бачылася «нейкая жартоўная трагедыя» ў самім факце пераказу вядомага твора па-беларуску. З такімі аднабаковымі меркаваннямі А. Ельскаму ў сілу сваёй прафесійнай дзейнасці даводзілася сутыкацца, як відаць, неаднойчы. У недаацэнцы мовы пісьменнік бачыў істотную перашкоду на шляху яе развіцця і мэтанакіравана працаваў над паляпшэннем іміджу. Яго публі-

кацыі паслядоўна неслі чытачу складнікі пазітыўнага вобраза, разказвалі пра старажытную славянскую мову, багаццем якой абавязкова варта скарыстацца дзеля духоўнага развіцця народа і пашырэння асветы ў дзяржаве. Такія палажэнні выглядалі пераканаўча не толькі дзякуючы іх сэнсу, але і спосабу прадстаўлення. Письменнік гаварыў не толькі ад сябе, магчыма, разумеў, што самотны погляд прыхільніка беларушчыны будзе выглядаць занадта суб'ектыўным, і актыўна спасылаўся на аўтарытэтных асоб. Найперш, у багацці беларускай мовы запэўнівалі неаднаразовыя згадкі пра слоўнік І. Насовіча. Выдадзеную ў 1870 годзе працу і яе аўтара А. Ельскі ўганароўваў самымі высокімі ацэнкамі, а заадно расхвальваў і сам лексічны матэрыял: «У гэтым манументальным творы, які каштаваў аўтару 16 год працы <...>, П. Насовіч з бесстароннасцю і сумленнасцю, вартай самай вялікай пахвалы, скрыштылізаваў беларускую мову. З таго часу, як існуе гэтая багатая крыніца мовы нашага народа, якая змяшчае звыш 30 тысяч слоў, беларуская мова можа быць спакойная за будучыню і развівацца на ўласнай глебе, толькі б добрая грамадзянская воля аўтараў умела выказваць гэтай мовай усё высакароднае, прагрэсіўнае і карыснае» [3, с. 317].

Таксама неаднаразова станоўча ў працах А. Ельскага адзначалася прадмова да зборніка «Белорусские песни». Важнай якасцю яе аўтара П. Бяссонава, як і ў выпадку з І. Насовічам, прадстаўлялася адсутнасць прадузятасці. Для А. Ельскага было важным расказаць, што «бесстаронні рускі даследчык беларускай мовы і песень» [3, с. 322] «з поўнай аб'ектыўнасцю выказаў слушную думку пра своеасаблівасць беларускай гаворкі і сказаў слова праўды тым, хто спрабаваў прынізіць гарманічную ў славяншчыне індывідуальнасць беларусаў» [3, с. 346]. Аднак сам беларускі аўтар пры спасылцы на працу П. Бяссонава не змог застацца цалкам аб'ектыўным. М. Хаўстовіч, звяртаючы ўвагу на кардынальнае разыходжанне поглядаў абодвух прадстаўнікоў XIX ст. на будучыню беларускай мовы і літаратуры, піша, што А. Ельскі «бярэ з прадмовы П. Бяссонава да кнігі *Бѣлорусскія пѣсни* (1871) толькі тое, што адпавядае ягонай уласнай канцэпцыі. Фактычна, А. Ельскі «пераіначвае» П. Бяссонава» [4, с. 36]. Параўнанне цытаты, ужытай А. Ельскім у артыкуле «Пра тутэйшы люд і яго стаўленне да інтэлігенцыі», і арыгінальнага тэксту доказна паказвае, што «фрагмент прадмовы П. Бяссонава стаў для А. Ельскага «падставаю» дзеля абароны ўласнае канцэпцыі: моваю навучання беларускіх сялян павінна быць беларуская» [4, с. 36].

Сацыяльная функцыя мовы вымяраецца не толькі існуючай практыкай камунікацыі ці выяўленнем культурнай традыцыі. У нацыятворчых працэсах яе рэцэпцыя нападуняецца сімвалічным зместам і служыць важным

элементам самаідэнтыфікацыі. А. Ельскі пранікаўся прадметам сваіх даследаванняў і часам таксама праяўляў схільнасць да вобразнага мыслення. «Мова Беларусі жыве сёння на прасторах зямель, паўднёвая мяжа якіх дацягваецца да самай ракі Прыпяць, заходняя – амаль да Буга...» [3, с. 357] – у такім мастацкім стылі пачынаўся адмысловы энцыклапедычны артыкул «Беларуская мова». У газеце «Краі» пісьменнік разважаў пра мову як жывы арганізм, які можа захварэць на «заўчаснае малакроўе», і замацоўваў эмацыянальны ўзровень успрымання тэмы цытаваннем польскага філосафа К. Лібелята «Адбяры ў народа яго мову, і скончыцца з ёй яго жыццё» [3, с. 319]. Такія думкі падаваліся без прывязкі да пэўнага народа, але іх выказванне ў артыкуле пад назвай «Пра беларускую гаворку» прадвызначыла адзін з галоўных матываў беларускага нацыянальнага наратыву – папярэджанне аб катастрафічных наступствах, выкліканых стратай мовы.

У беларускай літаратуры зыходнай кропкай у апалогіі мовы прынята лічыць прадмову Ф. Багушэвіча да «Дудкі беларускай». Але існуе верагоднасць, што яе ўяўны аўтар Мацей Бурачок, калі дзякаваў «добрым людцам, якія навучылі чытаць-пісаць» [9, с. 112], мог мець на ўвазе і А. Ельскага. М. Хаўстовіч, гаворачы пра публікацыі ў газеце «Краі», лічыць, што «без тэкстаў, апублікаваных А. Ельскім, не маглі нарадзіцца вядомыя словы Багушэвічавай прадмовы да *Дудкі беларускай*. Мы бачым найпроставую залежнасць Ф. Багушэвіча ад А. Ельскага» [2, с. 29]. Разам з тым тлумачэнне ўвагі да беларускай мовы і ў цэлым спецыфікі яе рэпрэзентацыі выходзіць за межы сферы пытання творчых уплываў. А. Ельскі і Ф. Багушэвіч выглядаюць дастаткова самастойнымі творцамі, прызнанне якімі каштоўнасці беларушчыны адлюстроўвае не толькі асабістыя перакананні, але і паступовы рух грамадства да ўсведамлення беларускага народа суб'ектам гісторыі. Знаходзячыся ў авангардзе гэтых пошукаў, літаратура кіравалася логікай нацыянальнага будаўніцтва і падпарадкоўвалася яго ўстаноўцы на кансалідацыю. Так, праз эпітэты «родная», «святая» мова паказвалася надзвычай каштоўным набыткам усяго народа, а дэкларацыя яе багатага мінулага, занядбанага сучаснага дня і жыццёвай неабходнасці для будучага служыла спосабам ідэнтыфікацыі прысутнасці беларусаў у гістарычным часе.

Пералічаныя прыкметы ўшанавання мовы як супольнай каштоўнасці знайшлі адбітак у прадмове А. Ельскага да перакладзенай ім паэмы «Пан Тадэвуш». Апелюючы да пачуцця самапавагі, перакладчык заклікаў цаніць вартасці беларускай мовы менавіта яе носьбітаў: «Чытаючы “Пана Тадэвуша”, дарагія Беларусы, палюбіце ж усім сэрцам сваю родную,

занядбаную, святую беларускую мову, каторая спрадвеку не толькі была вашаю ў сёлах, но яе ўжывалі самыя даўнейшыя манархі краю і іх вяльможы» [3, с. 389]. Пераклад бачыўся аўтару важным унёскам у беларускую культуру. У прадмове ён адзначаў сусветную вядомасць А. Міцкевіча, указваў на прыналежнасць паэта да беларускай зямлі, згадваў пераклады паэмы на мовы іншых народаў і тым самым паказваў заканамернасць далучэння беларусаў да мастацтва сусветнага ўзроўню. У тлумачэнні мэты сваёй працы перакладчык падкрэсліваў атрыманы станоўчы рэпутацыйны эфект: «на чэсць беларускай літаратуры, беларускага народу; на чэсць роднай Міцкевіча Беларусі прылажыў я “Пана Тадэвуша” амаль даслоўна» [3, с. 389]. Асобнае прызнанне прэстыжнасці адрасавалася мове. Прадстаўлены паэтычны пераклад А. Ельскі справядліва лічыў наглядным доказам магчымасцей беларускай мовы, аб чым не прамінуў паведаміць чытачам: «Ваш старадаўны беларускі язык мусіць варт чагось, калі можна на яго склад ператлумачыць найцальнейшыя паэтычныя творы вялікіх пісацеляў» [3, с. 389].

Такім чынам, ацэнка мовы А. Ельскім выяўляе далучанасць аўтара да працэсу самаідэнтыфікацыі беларускай літаратуры і вынікае з неабходнасці абгрунтавання адметнасці культуры беларусаў. Творчасць пісьменніка характарызуецца мэтанакіраваным развіццём пазітыўнага ўспрымання беларускай мовы, вылучэннем у яе вобразе рыс старажытнасці і аўтэнтчнасці, тлумачэннем яе каштоўнасці як умовы жыцця і развіцця народа, яго роўных стасункаў з іншымі супольнасцямі. Аўтарская стратэгія рэпрэзентацыі беларускай мовы спалучае фармат навуковага пазнання з мастацкімі сродкамі стварэння вобраза: каштоўная сутнасць прадмета размовы пацвярджаецца фактамі, спасылкамі і разам з тым адлюстроўвае суб'ектыўнасць і метафарычнасць, уласцівыя мастацкаму мысленню.

ЛІТАРАТУРА

1. Казбярук, У. М. Аляксандр Ельскі / У. Казбярук // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; навук. рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – Т. 2 : Новая літаратура: другая палова XVIII – XIX стагоддзё. – С. 444–462.
2. Хаўстовіч, М. Аляксандар Ельскі і беларускае адраджэнне ў другой палове XIX ст. // Acta Albaruthenica. – 2017. – Т. 17. – S. 23–37.

3. Ельскі, А. Выбранае / Аляксандр Ельскі; уклад. Н. Мазоўка і У. Казберука; прадм. У. Казберука і К. Цвіркі; пер. з пол. Н. Мазоўка, У. Казберука, Г. Кісялева. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 496 с.
4. Хаўстовіч, М. Даследаванні і матэрыялы: літаратура Беларусі XIX – пачатку XX стагоддзяў / М. Хаўстовіч. – Warszawa: Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. – 2017. – Т. 3. – 360 с.
5. Запартыка, Г. Таямніцы фонду Аляксандра Ельскага / Г. Запартыка // Звязда. – URL : <https://zviazda.by/be/news/20230626/1687787084-tayamnicy-fondu-alyaksandra-elskaga> (дата звароту: 02.10.2024).
6. Карлюкевич, А. Великий коллекционер земли белорусской: Александр Ельский / Алесь Карлюкевич // Звязда. – URL : <https://zviazda.by/ru/news/20210428/1619622952-velikiy-kollekcioner-zemli-beloruskoy-aleksandr-elskiy> (дата звароту: 02.10.2024).
7. Jelski, A. Słówko o materyałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej / A. Jelski // Chwila. Dziennik polityczny, literacki i społeczny. – 1886. – № 17. – S. 1.
8. Пачынальнікі: 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – 549 с.
9. Багушэвіч, Ф. Прадмова / Ф. Багушэвіч // Літаратура другой паловы XIX стагоддзя: у 2 ч. / уклад. Л. Г. Кісялёвай, Н. М. Сенкевіч; камент. Л. Г. Кісялёвай; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2013. – Ч. 2. – С. 112–113.

Криштоп Инесса Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры профессиональной
иноязычной подготовки
Барановичский государственный
университет,
Барановичи, Беларусь

Inesa Kryshtop

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Professional Foreign Language Training
Baranavichy State University
Baranavichy, Belarus
inessa_top@mail.ru

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА К. С. РОБИНСОНА
«МИНИСТЕРСТВО БУДУЩЕГО»**

**GENRE SPECIFICITY OF K. S. ROBINSON'S NOVEL
"THE MINISTRY FOR THE FUTURE"**

В статье рассматривается творчество Кима Стэнли Робинсона с позиции жанрового подхода. Установлено, что для произведения американского автора «Министерство будущего» характерно смешение реального и вымышленного, авантюрного и аллегорического, исторического и публицистического. В нем отмечается интеграция черт антиутопии, научной фантастики и социального романа. Учитывая явное доминирование «зеленой» проблематики и эстетической рефлексии писателя над проблемой сохранения окружающей среды, дополненных постапокалиптическим лейтмотивом и персонажами – носителями экологического сознания, жанр произведения «Министерство будущего» можно определить как экологический роман.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; жанровый синтез; К. С. Робинсон; экологический роман; оптопия.

The article examines Kim Stanley Robinson's work from the perspective of genre approach. It has been proved that his novel "The Ministry for the Future" is characterized by the mixture of the real and the fictional, the adventurous and the allegorical, the historical and the journalistic. It presents the integration of features of dystopia, science fiction and social novel. The dominance of "green" issues and the writer's aesthetic reflection on the problem of preserving the environment together with the post-apocalyptic leitmotif and characters who expose environmental consciousness allow to identify the genre of the book "The Ministry for the Future" as an ecological novel.

К e y w o r d s: genre; genre synthesis; K. S. Robinson; ecological novel; optopia.

Одной из важнейших характеристик современного литературного процесса является жанровая нестабильность, обусловленная стремлением писателей обновить жанровые структуры, чтобы передать динамический характер времени, в основе которого – «незавершенная, становящаяся действительность» [1, с. 445]. Дж. Каллер уточняет: «Литература – явление

парадоксальное, поскольку сотворение литературного произведения – это одновременно обращение к устоявшимся формулам <...> и преодоление границ, выход за их пределы» [2, с. 48]. Соответственно, ревизия основополагающих художественных принципов отражения реальности, поиск новых приемов для самовыражения, формально-содержательные эксперименты, инкорпорирующие литературные нормы разных исторических эпох, литературных направлений и жанров, находят отражение в творчестве современных писателей.

Литературовед и критик М. Н. Эпштейн небезосновательно утверждает, что традиционные романские формулы «оказываются чересчур тесными для творческого сознания XX века, которое ищет реализации в сочинительстве как таковом, во внежанровом или сверхжанровом мыслительстве-писательстве» [3, с. 16]. Причину смешения жанров следует видеть в многоаспектности реальности, которая «сопротивляется» стремлению вместить ее в одномерную жанровую структуру. Как поясняет В. Е. Хализев, роман «(как никакой другой) оказался способным сблизить литературу с жизнью в ее многоплановости и сложности, противоречивости и богатстве. Романная свобода освоения мира не знает границ <...> этот жанр способен с непринужденной свободой и беспрецедентной широтой соединять в себе содержательные начала разных жанров, как смеховых, так и серьезных» [4, с. 341–343]. Поэтому наряду с развитием таких традиционных разновидностей, как семейно-бытовой роман, исторический роман, приключенческий роман, детектив, научно-фантастический роман имеет место формирование новых – роман-пародия, роман-эссе, двойной роман, экологический роман и т. д.

По мнению С. Шарифовой, ««смещение» в романе элементов различных жанров, и даже литературных родов, является ведущим жанровым фактором, предопределяющим современное типовое многообразие романа» [5, с. 4–5]. Литературовед выделяет два процесса – «смещение» и «замещение» жанра: ««Смещение» жанра предполагает изменение жанрового содержания художественного произведения без изменения жанровых признаков, тогда как «замещение» предусматривает формирование новой совокупности жанровых признаков. То есть если «смещение» жанра служит инструментом эволюционной адаптации жанровой конструкции под изменение общественно-политических условий, то «замещение» – это инструмент радикальной трансформации литературных процессов под влиянием общественно-политических» [6, с. 319]. Однако, по мнению Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей, «одновременное присутствие в художественном тексте признаков разных жанров – свидетельство исчерпан-

ности традиционных» [7, с. 24]. Соответственно, на современном этапе особую актуальность обретает вопрос определения и/или разграничения разновидностей романа, который демонстрирует тенденцию к много-модальности.

Цель данной работы – установление природы жанровой контаминации в произведении Кима Стэнли Робинсона (Kim Stanley Robinson, 1952) «Министерство будущего» (*The Ministry for the Future*, 2020).

Являясь студентом Калифорнийского университета в Сан-Диего, будущий писатель увлекся чтением научно-фантастической художественной литературы, что в дальнейшем определило вектор его собственных творческих исканий. В 1974 году К. Робинсон начинает работать над рукописью об альтернативном будущем округа Ориндж. «Калифорнийская трилогия» (известна и как «Трилогия округа Ориндж») была издана несколько лет спустя и принесла автору признание среди читателей и критиков. В 1982 году после успешной защиты докторской диссертации по произведениям фантаста Филиппа К. Дика, отредактированная версия которой была издана в виде монографии «Романы Филипа Дика» (*The Novels of Philip K. Dick*, 1984), К. С. Робинсон принимает решение о начале собственной писательской карьеры. Вскоре он знакомится со своей будущей женой – химиком-экологом Лизой Хоулэнд Новелл. Из-за работы супруги семья на два года переезжает в Швейцарию, где К. С. Робинсон полностью погружается в творчество. Он не прекращает писать и после возвращения в столицу США [8].

Социальное окружение семьи в основном составляют коллеги и друзья жены, которые увлечены вопросами поддержания экологического баланса в мире, сокращения потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, выработки долгосрочной стратегии коэволюции природы и общества. Поэтому для К. С. Робинсона «зеленая повестка» становится источником идей и тем для романов, повестей и рассказов. Писатель также стремится воплотить в жизнь идею В. И. Вернадского, полагавшего, что только совместное научное и художественное творчество может создать и сохранить «великую картину природы» [9, с. 339].

Вопросы экологии и проблемы устойчивого развития человечества и окружающей среды становятся центральными в романах «Нью Йорк 2140», «Министерство для будущего», «Антарктида», «Сорок знамений дождя»; колонизация иных планет и процессы возможного терраформирования описаны в «Марсианской трилогии» и книге «2312»; основанная на философских идеях Востока альтернативная история определила сюжет романа «Годы риса и соли»; проблема социальной ответственности ученого нашла отражение в произведении «Сон Галилея».

Кроме того, автор «любит» включать эпизоды собственной жизни в повествование: увлечение альпинизмом представлено в виде описаний горных пейзажей и их инопланетных аналогов в «Марсианской трилогии» и серии «Столичная наука»; двухлетнее пребывание в Швейцарии вероятно послужило источником частых упоминаний о правительстве страны, ее народе и особенностях социального уклада в книгах «Красный Марс», «Зеленый Марс», «Пятьдесят градусов ниже нуля», «Министерство будущего»; опыт преподавания в Калифорнии представлен в произведениях «Золотое побережье» и «Годы риса и соли»; увлечение геологией и социологией послужило основой для сюжетов «Калифорнийской трилогии», «Марсианской трилогий» и других произведений.

Как правило, проза К. С. Робинсона идентифицируется как научная фантастика, поскольку описывает возможное будущее человечества. При этом автор классифицирует время действия своих художественных произведений следующим образом:

- «предварительная история» (ближайшее будущее), которая охватывает лишь несколько предстоящих десятилетий;
- собственно «будущая история» – несколько столетий;
- далекое будущее – около 1000000 лет [8].

Как уточняет американский писатель, при создании событий каждого из обозначенных им временных отрезков важно опираться лишь на те научные теории и технические изобретения, которые известны человечеству в настоящем. Поэтому книги К. С. Робинсона, как правило, не содержат описания сверхъестественных технологий или невероятных теорий. Более того, писатель определяет свои произведения как «причудливо реалистичные» (“a bizarre form of realism” [10]) и указывает на то, что научная фантастика – это прежде всего историческая литература (“The way you distinguish science fiction from fantasy is that it’s a historical literature” [10]).

Действие романа «Министерство будущего» происходит в зоне «предварительной истории»: сдвиг от реальных пространственно-темпоральных координат в будущее от времени создания бестселлера составляет всего три года. В книге повествуется об учреждении в 2025 году новой организации после того, как двумя годами ранее население одного из регионов Индии полностью погибает из-за аномального повышения температуры воздуха. К слову, в 2019 году в Дели температура достигла 52,9 С°, что немного меньше той, о которой упоминается в произведении.

В романе невыносимая жара становится источником не только энергетического коллапса, повышения уровня воды в океанах и образования разрушительных ураганов, но и причиной своеобразного климатического холокоста: 20 миллионов человеческих жертв в Лакхнау становятся трагическим свидетельством почти полной неспособности стран мира соблюдать Парижское соглашение об изменении климата 2015 года. Индийское правительство принимает решение с помощью авиации распылить в атмосфере диоксид серы, чтобы имитировать затемняющий эффект, образованный извержением крупных вулканов, и тем самым избежать повторения возможных температурных скачков. Однако эта идея не поддерживается другими странами, т. к. члены их правительств считают, что возможные последствия подобного мероприятия могут лишь усугубить экологическую обстановку как в регионе, так и в мире в целом.

Для разрешения конфликтной ситуации в Цюрихе учреждается Вспомогательный орган, прозванный Министерством будущего. Его цель – защитить интересы будущих поколений граждан мира, которые пока не могут говорить за себя: *...to advocate for the world's future generations of citizens, whose rights, as defined in the Universal Declaration of Human Rights, are as valid as our own* [11]. Однако вскоре наряду с официальными процедурами, которые признаются малоэффективными, ради спасения Земли и ее обитателей представители организации начинают практиковать диверсии, финансовые манипуляции, поддержку радикальных движений и идеологий.

В девяносто четвертой главе описывается очередной глобальный климатический саммит. Он становится точкой перехода от трагического к жизнеутверждающему тону в повествовании. При этом предлагаемая автором перспектива не является результатом проявления безудержного оптимизма: празднование успехов в области сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу завершается акцентированием на все еще нерешенных проблемах.

В целом по мере развития сюжета писатель создает мир, в котором бюрократы, экотеррористы (неологизм автора), беженцы, ученые, фермеры и простые люди совместными усилиями предотвращают катастрофу на основе выработки согласованной и жизнеспособной дорожной карты по декарбонизации, т. е. в романе предлагается идея оптимального социально-природного устройства. Оно может быть противопоставлено антиутопичному вектору общественного развития, на который явно указывает первая глава произведения.

Роман состоит из 106 структурированных по принципу коллажа глав. Повествование примерно в трети из них ведется поочередно от имени двух героев – главы Министерства будущего Мэри Мерфи и единственного выжившего человека в условиях адской жары в Индии, но страдающего от сильнейшей психологической травмы Фрэнка Мэя. Для недопущения повторения ситуации, в которой мужчина однажды оказался, он стремится присоединиться к экотеррористической организации «Дети Кали» (*The Children of Kali* [11]), названной в честь индуистской богини смерти, разрушения и ужаса. При этом Фрэнк пытается убедить Мэри в том, что ее ведомство обречено на провал, несмотря на благие намерения.

В романе представлены точки зрения второстепенных персонажей, а также вовсе безымянных рассказчиков либо «загадочных» явлений – космического тела, элемента таблицы Менделеева и даже Солнца: *“I am a god and I am not a god. Either way, you are my creatures. I keep you alive. Inside I am hot beyond all telling, and yet my outside is even hotter. At my touch you burn, though I spin outside the sky”* [Там же]. Такое «многоголосие» позволяет американскому автору предельно точно описать механизмы изменения климата, подробно прокомментировать цивилизационные конфликты, укоренившиеся в асимметричных отношениях власти и людей, исследовать проблемы неравного распределения ресурсов как результата развития капиталистических отношений, человеческого эгоизма и жадности: *...the mass extinction is one of the most obvious examples of things done by humans that cannot be undone; in terms of total percentage of species gone from the land, our age seems to be the record-setter. It also warns us of the aftermaths of an actual extinction event when famine, dislocation, and war – possibly nuclear war; The four billion poorest people alive have less wealth than the richest ten people on the planet...* [Там же].

Соответственно, от главы к главе меняются стиль и форма повествования. Некоторые из них написаны в виде протокола встречи, энциклопедической статьи, стихотворения в прозе, сократовского семинара или аналитического эссе. В интервью главному редактору “Chicago Review of Books” Э. Брэди американский писатель уточнил, что стандартная структура романа не подходит для истории, которую он хотел написать. К. С. Робинсон акцентирует внимание на необходимости романной формы следовать за функцией [12], поэтому в «Министерстве будущего» имеют место полифония и жанровый синтез. В совокупности они дают представление об основных принципах экософии писателя, в основе которой – направленное на преодоление потребительско-технократических стереотипов деятельное отношение к миру.

Для обозначения своей концепции мироустройства, пригодного для проживания людей и существования природной среды, К. С. Робинсон использует термин *оптопия*, который трактуется им как «не совершенное общество, а оптимальное, наилучшее из возможных, учитывая наше нынешнее положение» [13, р. 231]. Автор даже возводит мысль о рациональном общественном переустройстве в ранг максимы, выполнение которой предполагает следование четким правилам и договоренностям, поиск компромиссов: «У нас есть моральное обязательство найти этот оптимальный вариант» [13, р. 231].

Более того, концепция будущего К. С. Робинсона представлена взаимодополняющими уровнями: будущее природы и будущее социально-экономического устройства людей не отделимы, при этом значимая роль отводится науке как стабилизирующему и гармонизирующему институту: *...the realization that science was once again right; That surely makes science central to invent, improve, and put to use an ideology that explains in a coherent and useful way as much of the blooming buzzing inrush of the world as possible* [11]. В книге анализируется множество научных фактов из физики и океанологии, психологии и социологии, которые обычно комментирует проходящий мимо сведущий эксперт: *Humans are burning about 40 gigatons (a gigaton is a billion tons) of fossil carbon per year. Scientists have calculated that we can burn about 500 more gigatons of fossil carbon before we push the average global temperature over 2 degrees Celsius higher than it was when the industrial revolution began; this is as high as we can push it, they calculate, before really dangerous effects will follow for most of Earth's bioregions, meaning also food production for people* [Там же].

Особую роль в романе играет апелляция к реально существующим международным документам, которые регулируют деятельность правительств в области рационального потребления природных ресурсов. Например, третья глава описывает основные обязательства и функции стран, подписавших Парижское соглашение о сокращении выбросов парниковых газов: *...shall make the decisions necessary to promote the Agreement's effective implementation by establishing such subsidiary bodies as are deemed necessary to for the implementation of the Agreement* [Там же].

Таким образом, панорама, которую «рисует» К. С. Робинсон в романе «Министерство будущего», охватывает все сферы человеческого бытия: автор подробно останавливается на технологических, организационных, экономических и научных аспектах, указывая на то, что нынешняя история человечества – это выбор между утопией и катастрофой, поэтому выход из кризисной экологической ситуации – оптимальное мироустройство.

Жанровая контаминация в произведении носит разнородный характер, поскольку взаимодействие элементов романной формы с компонентами документальных и публицистических жанров дополняется межвидовым смешением: черты антиутопии, исторического, приключенческого, социального и научно-фантастического видов романа органично дополняют друг друга. При этом нарочитая реалистичность места действия и событий, упоминание научных и технологических теорий и изобретений, открытая публицистичность, критика экономического и политического устройства современного общества, полифония точек зрения при явном доминировании экологической проблематики, пронизывающей все уровни художественного мира книги и определяющей развитие основной сюжетной линии, позволяют идентифицировать произведение как экологический роман.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1975. – 504 с.
2. *Каллер, Дж.* Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : Астрель : АСТ, 2006. – 158 с.
3. *Эпштейн, М.* Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. – М. : Издание Р. Элинина, 2000. – 366 с.
4. *Хализев, В. Е.* Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.
5. *Шарифова, С. Ш.* Теоретические аспекты жанрового многообразия Азербайджанского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 / Шарифова Салида Шаммед кызы ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М., 2012. – 38 с.
6. *Шарифова, С. Ш.* Теоретические проблемы жанрового смешения и литературного влияния в западной и восточной литературе / С. Ш. Шарифова. – М. : «У Никитских ворот», 2021. – 530 с.
7. *Лушникова, Г. И.* Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 170 с.
8. KimStanleyRobinson.info : The reference site for Kim Stanley Robinson. – URL: <https://www.kimstanleyrobinson.info/content/kim-stanley-robinson> (date of access: 23.08.2024)
9. *Вернадский, В. И.* Химическое построение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 2001. – 376 с.

10. *Heise, U. K.* Realism, Modernism, and the Future: an Interview With Kim Stanley Robinson // U. K. Heise, K. S. Robinson // ASAP. – Vol. 1. – № 1. – 2016. – P. 17–33. – URL: https://www.researchgate.net/publication/293478997_Realism_Modernism_and_the_Future_An_Interview_with_Kim_Stanley_Robinson (date of access: 02.09.2024)
11. *Robinson, K. S.* The Ministry for the Future / K. S. Robinson. – New York : Orbit, Hachette Book Group, 2020. – URL: vk.com/wall-193617982_2001 (date of access: 14.06.2024)
12. *Brady, A.* A Crucial Collapse in “The Ministry for the Future” / A. Brady // Chicago Review of Books. – 2020. – URL: https://chireviewofbooks.com/2020/10/27/a-crucial-collapse-in-the-ministry-for-the-future/#google_vignette (date of access: 12.08.2024)
13. *Mikes, A.* How to Create an Optopia? – Kim Stanley Robinson’s “Ministry for the Future” and the Politics of Hope / A. Mikes, S. New // Journal of Management Inquiry. – 2023. – № 32 (3). – P. 228–242.

Поступила в редакцию 31.10.2024

Левкович Анна Дмитриевна

магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Liaukovich

MA Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
levkovich.anya357@yandex.by

Кудрявцева Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой зарубежной
литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО РОНА РЭША СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОКРИТИКИ

RON RASH'S WORKS THROUGH THE PRISM OF ECOCRITICISM

В статье творчество американского писателя Рона Рэша (романы «Над водопадом» и «Серена») рассматривается с позиций экологической критики, в контексте природного и культурного своеобразия Юга США, биографии писателя. Выявляются конкретные экологические проблемы, затрагиваемые в произведениях Рона Рэша, специфика актуализации конфликта «человек и природа», стилевое своеобразие его произведений. Система образов рассматривается с позиций воплощения бережного либо хищнического отношения героев к природе.

Ключевые слова: экокритика; эколитература; экологическое сознание; регионализм в литературе; Рон Рэш.

The article examines the works of the American writer Ron Rash (the novels *Above the Waterfall* and *Serena*) from the standpoint of ecocriticism, in the contexts of the nature and culture of the American South and the writer's biography. The concrete environmental problems touched upon in the works of Ron Rash are identified, as well as the novels' stylistic features and the specifics of the author's representation of the conflict "man and nature". The system of images is considered from the standpoint of embodying a careful or predatory attitude of the characters to nature.

Key words: ecocriticism; eco-literature; ecological consciousness; regionalism in literature; Ron Rash.

Интерес к осмыслению роли природы в жизни человека и отражение взаимосвязи человека и природы характерны для литератур всех стран мира. Авторы демонстрировали в своих произведениях различные аспекты

данного тандема, начиная с понятия «мать-земля» и соответствующих ему описаний земли в качестве непосредственной кормилицы народа, заканчивая духовными размышлениями о месте природы в становлении личности, например, такими, как глубинная суть феномена «родина», связь человека с определенной территорией, роль природы как вдохновительницы и музы творцов, ее воспитательный характер, место в религиозном пантеоне и многие другие.

Изучение произведений с подобной тематикой стремительно развивалось, пока в 1980–1990 годах не обрело четкое название – экокритика, а сами произведения стали относить к новому жанру – эколитературе. Экокритика занимается вопросами взаимоотношений между литературой и окружающей средой, а именно тем, как экологические проблемы влияют на художественное творчество писателей, как человек и окружающий его природный мир отображены в художественных произведениях, как литература может воздействовать на экологическое сознание и поведение людей. Как отмечает И. Н. Бахур, «несмотря на множество мнений и разногласий в области экокритики, в рамках этого направления можно выделить некоторый набор констант, которые позволяют нам относить тексты к разряду эко-литературы и проводить их критический анализ» [1, с. 113]. В частности, это обращение автора к глобальным проблемам экологии путем изображения конкретной местности; концентрация внимания при анализе текста на его топографических составляющих, а также не столько на внутренних переживаниях героев, сколько на внешних, природных проявлениях; использование стилистических приемов, которые «несут не только художественную, но и когнитивную нагрузку, являясь весомыми с точки зрения экологического знания» [1, с. 114]. Одним из ключевых терминов экокритики является «экологическое сознание», определяемое как «совокупность идей, представлений, убеждений, стереотипов и других духовных образований, отражающих и регулирующих взаимоотношения человека с окружающей средой», а также как «одно из проявлений сознания человека, ориентированное на его жизненное пространство, направляющее его деятельность на сохранение этого пространства в состоянии экологической стабильности, улучшения экологической обстановки» [2].

Цель данной статьи – выявление экологической проблематики и способов ее художественного отображения в произведениях современного американского писателя Рона Рэша, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Югом США, в частности, с Аппалачским регионом штата Северная Каролина, история, культура и природа которого стали

отправной точкой его творчества. Интерес писателя к «локальному» не случаен. Детство он провел на ферме бабушки и дедушки в горах Северной Каролины, где научился понимать язык природы, приобщился к традициям и культуре местного населения, в том числе к особенностям речи старшего поколения, сохранившей региональную специфику [3]. Все это писатель активно использует для придания аутентичности своим текстам, поэтому его творчество зачастую рассматривают как проявление регионализма в литературе США, т. е. явления, при котором в художественном творчестве авторов отражается региональный «культурный стиль», фиксируется местный «культурный код» – своеобразные ритуалы и традиции, ценности и атмосфера [4, с. 21]. Как любит повторять в интервью сам писатель, *One place understood helps us understand other places better*, цитируя американскую писательницу-южанку Юдору Уэлти (цит. по: [5, р. 123]). Данное изречение как нельзя лучше иллюстрирует творческий принцип писателя: взращенный американским Югом с его неповторимой культурой и захватывающей природой, в особенности горами Аппалачей, Рон Рэш детально воссоздает в своих произведениях эту часть страны, стремясь, тем не менее, выйти на уровень универсальных обобщений относительно человека и социума.

В романе Рона Рэша «Серена» («Serena», 2008) действие разворачивается в небольшом городке Уэйнсвилль, штат Северная Каролина, в 1930-х годах, когда должно было начаться строительство национального парка Грейт-Смоки-Маутинс. Это не на руку Джорджу Пембертону, владельцу крупной лесозаготовительной компании из Бостона, и его жене Серене. Для того, чтобы остановить тех, кто продвигает проект по открытию заповедника, а это, в частности, шериф Макдауэлл, писатель и путешественник Хорас Кефарт и редактор газеты Чарльз Уэбб (два последних – реальные исторические лица), Пембертоны, особенно Серена, готовы на всё, в том числе на убийство. Они способны лишь безжалостно эксплуатировать и уничтожать, будь то леса Аппалачей или человеческие жизни. Рональд Д. Эллер отмечает, что «к 1910 году в той части Северной Каролины, которая позже станет частью парка Грейт-Смоки-Маутинс, более 75 процентов земель перешло под контроль тринадцати корпораций, а одной из лесозаготовительных компаний принадлежало более трети всех посевных площадей» (цит. по: [5, р. 123]). В одном из интервью Рон Рэш, рассуждая на эту тему, говорит о том, что Аппалачский регион находится в экономическом упадке именно по причине потребительского отношения более развитых штатов, которые только и могут, что выкачивать из региона ресурсы, будь то уголь или солдаты, но никогда ничего не отдают взамен [6].

Если Пембертоны – чужие в этом крае, и судьба Аппалачских лесов и исчезающих видов животных и растений им безразлична, то для местной девушки Рейчел, которая работала у Пембертона еще до появления Серены и ждет от него ребенка, местная природа с ее неброской красотой – это естественная среда обитания, источник силы, и нужно лишь понимать ее язык и уметь читать ее знаки. Рейчел наблюдательна и проницательна, она подмечает, как меняется «настроение» природы, знает названия растений и их свойства, хорошо разбирается в видах животных и их повадках: *She remembered how her father once told her never to bother salamanders in a spring because they kept the water pure. On the other side of the outcrop, she found more bloodroot and a thick growth of cinnamon ferns. The ferns felt like peacock feathers as she moved through them. They made a whispery sound against her dress, and the sound seemed to soothe Jacob because his eyes closed* [7, p. 106].

Местные жители-лесорубы, работающие на Пембертонов, с одной стороны, рады иметь заработок, с другой – в их репликах прослеживается горечь за погубленный мир животных и растений. Процесс рубки лесов сравнивается ими с полем боя, а результат – с кладбищем:

«Looks like that land over in France once them in charge let us quit fighting. Got the same feeling about it too».

«What kind of feeling?» Henryson asked.

«Like there's been so much killed and destroyed it can't ever be alive again. Even for them that wasn't around when it happened, it'd lay heavy on them too. It'd be like trying to live in a graveyard» [7, p. 409].

Не случайно устами одного из лесорубов автор выражает идею о необходимости гармоничного сосуществования всего живого: *The way things is balanced. Everything in the world has its natural place, and if you take something out or put something in that ought not be out or in, everything gets lopsided and out of sorts* [7, p. 200].

Еще одной экологической проблемой, затронутой в романе, является вымирание видов. Ироничным представляется поворот сюжета, когда во время охоты на редкий вид пантер, обитающий в Аппалачских горах, Пембертон, ослабленный отравленной едой, приготовленной ему Сереной, погибает от нападения той самой пантеры. Героями романа не раз упоминается, что из-за уничтожения их естественной среды обитания животные мигрируют в более безопасные места и исчезают многие ценные виды:

«Used to be thick with trout too, this here stream. There was many a day you and me took our supper from it. Now you'd not catch a knottyhead».

«There was game too», Ross said, «deer and rabbit and coons».

«Squirrels and bear and beaver and bobcats», Henryson added.

«And panthers», Ross said. «I seen one ten year ago on this very creek, but I'll never see ever a one on it again» [7, p. 408].

Непомерная жестокость и жажда власти Серены в результате приводят ее к желанию избавиться сначала от Рейчел и рожденного ею ребенка, а потом и от самого Джорджа Пембертона. Возмездие (в виде Джейкоба, сына Пембертона и Рейчел) настигает ее много лет спустя, на южноамериканском континенте, где она вновь занимается вырубкой лесов.

События в романе «Над водопадом» («Above the Waterfall», 2015) происходят уже в наши дни, в маленьком городке в Аппалачских горах рядом с заповедником Locust Creek Park. Как выразился сам автор, в этой книге он надеялся «напомнить читателю о красоте и загадочности природного мира, особенно в эпоху, когда многое в жизни людей связано с техникой» [8]. Завязка сюжета состоит в следующем: кто-то отравил водоем, который находится на территории местного гостиничного комплекса Locust Creek Resort, от чего серьезно пострадали местная флора и фауна. В книге присутствует детективная линия, однако автор не делает ее центром романа. В финале становится известным, что племянник одного из местных жителей, Джеральда Блэквелдера, посредством отравления водоема планировал подставить дядю и завладеть его имуществом. Таким образом, автор поднимает проблему использования природы в корыстных, мелочных целях. Однако под подозрение попадает поначалу сам Джеральд, так как основной конфликт романа связан с его противостоянием директору гостиничного комплекса Гарольду Таккеру. На территорию комплекса вход для посторонних лиц теперь запрещен, но семья Джеральда веками здесь жила, и он продолжает посещать место над водопадом, где наблюдает за редким видом форели, обитающим в данной местности: *I like to go up above that waterfall and look at them specks. That water's so clear you can see every dot on them. It ain't about nothing but setting on a rock and watching them* [9, p. 31].

События в романе передаются автором в восприятии двух героев – шерифа местной полиции Леса, человека, у которого не сложилась личная жизнь и который скоро должен выйти на пенсию, и Бекки, рейнджера в заповеднике, страдающей от посттравматического синдрома из-за пережитой в детстве стрельбы в школе. В то время как повествование Леса содержит в основном фактическую информацию и кажется весьма приземленным, рассказ Бекки наполнен метафорами, сравнениями и символизмом; она ведет дневник, пишет стихи. Эти два разных стиля повествования определяют художественное своеобразие романа.

В контексте исследуемой проблематики примечательным является именно повествование Бекки, отражающее ее экологическое сознание. На это указал и сам писатель, отметив в одном из интервью, что это «роман о женщине, у которой удивительная связь с природой, и это для нее – способ выживания. Она даже создает некий новый язык для описания мира на основе природных проявлений» [10, р. 195]. Роман открывается своеобразным прологом, текст которого повторяется в одной из глав книги, написанной от лица Бекки. Представленное здесь описание природы, чувственное и лиричное, вводит читателя в атмосферу произведения, а фраза *Where less art's veil between us and the world?*, заимствованная из сборника «From Nature» известного американского поэта Джона Хопкинса, – один из многих примеров интертекстуальных включений в романе, отсылающих читателей к произведениям, фокусирующимся на природе и экологической проблематике. Именно Бекки является в романе олицетворением чистоты природного мира, и ее общению с детьми, для которых она проводит экскурсии по заповеднику, обучая их внимательно относиться и видеть красоту природы Аппалачского региона, отводится значительная роль в повествовании. Таким образом, экологическое сознание Бекки влияет и на других людей, в том числе и Леса, который начинает задумываться о том, как называются те или иные растения, на которые он раньше попросту не обращал внимания.

Даже рассуждая на тему социальных проблем, Бекки прибегает к природному символизму. Так, она сравнивает погибших в школьных нападениях детей и учителей с вымершими видами животных, которых она всем сердцем хотела бы пробудить к жизни: *Somewhere in Arizona a jaguar roams. On this day of another school shooting, such news is so needed. Scat and paw prints confirm the sighting. Gone forever from the United States since the 1940s, many had believed. What more wonder might yet be: ivorybill, bachman's warbler, even the parakeet once here in these mountains. When I see them in dreams, they are not extinct, just asleep, and I believe if I rouse them from their slumber, we will all awake in the world together* [9, р. 19]. Однако главным природным символом в романе является водопад – это не просто место, где был разлит керосин, но и своеобразный «источник силы» для героев романа – Бекки и Джеральда; фигурирует он и в сновидениях Леса в связи с воспоминаниями о его семейной жизни.

Таким образом, в рассмотренных романах Рона Рэша затрагиваются вопросы взаимодействия человека и природы, которое зачастую носит деструктивный характер, необходимости формирования экологического сознания, а также проблемы, характерные именно для Аппалачского

региона, – исчезновение редких видов, вырубка лесов, коммерциализация и эксплуатация природного ландшафта. Конфликт «человек и природа» является сюжетообразующим; героям, воплощающим деструктивные силы, противопоставлены те, кто ценит природу Аппалачей и взаимодействует с ней как на материальном, так и на духовном уровне, иллюстрируя мысль о том, что «...достижение экологического сознания является предпосылкой превращения человека в подлинно нравственную личность, как в перспективе жестких кантианских нравственных рамок, так и в перспективе аристотелевой этики добродетели» (цит. по: [11, с. 11]). Образы природных явлений представлены автором со множеством деталей и порой наделяются символической значимостью. Оба романа демонстрируют похожий спектр экологических проблем, лишь акценты расставлены иначе: в романе «Серена» автор прибегает к критике капиталистической индустриальной машины и ставит вопрос о цене прогресса, экологический дискурс в нем сочетается с историческим, а в романе «Над водопадом» экологические темы представлены сквозь интроспективную призму, автор подчеркивает целительную силу взаимодействия с природой. При всех различиях оба романа содержат важные размышления о взаимоотношениях человека и природы и могут быть рассмотрены в контексте эколитературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахур, И. Н. Экокритика как новое направление в литературоведении / И. Н. Бахур // Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 26 февр. 2016 г. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; редкол. : Е. Г. Сальникова [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2016. – С. 112–114.
2. Ашхамаф, А. Р. Экологическое сознание: к проблеме определения понятия / А. Р. Ашхамаф // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – №3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-k-probleme-opredeleniya-ponyatiya> (дата обращения : 11.04.2023).
3. Ron Rash // National Endowment for the Arts. – URL : <https://www.arts.gov/impact/literary-arts/creative-writing-fellows/ron-rash> (date of access : 12.02.2023).

4. *Танасейчук, А. Б.* Культурная самоидентификация американской цивилизации (на материале национальных и региональных литературных традиций США XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук : 24.00.01 / Танасейчук Андрей Борисович ; Мордов. гос. ун-т. – Саранск, 2009. – 41 с.
5. *Groba, C. G.* Internal Colonialism and the Wasteland Theme in Ron Rash's *Serena* / C. G. Groba // *Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*. – 2020. – № 42.2. – P. 119–137.
6. *Spill, F.* The Pursuit of Happiness, or Contemplating Trout in Ron Rash's *Fiction* / F. Spill // *Revue française d'études américaines*. – 2019. – №157. – URL : <https://journals.openedition.org/transatlantica/6829> (date of access : 12.02.2023).
7. *Rash, R.* *Serena* / R. Rash. – New York : HarperCollins, 2008. – 459 p.
8. *Meillon, B.* Dwellings of Enchantment: Writing and Reenchanted the Earth. An Interview with Ron Rash / B. Meillon // *Journal of the Short Story in English*. – Spring 2020. – №74. – P. 235–239. – URL : <http://journals.openedition.org/jsse/3144> (date of access : 15.09.2024).
9. *Rash, R.* *Above the Waterfall* / R. Rash. – New York : HarperCollins, 2015. – 252 p.
10. *Neufeld, R.* Interview with Ron Rash / R. Neufeld // *Conversations with Ron Rash : interviews* / ed. M. Claxton. – Jackson : Univ. Press of Mississippi, 2017. – P. 190–198.
11. *Стеценко, Е. А.* Экологическое сознание в современной американской литературе / Е. А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 319 с.

Поступила в редакцию 25.10.2024

Левшун Любовь Викторовна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
истории и грамматики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Lyubov Levshun

Habilitated Doctor
of Philology, Professor, Professor
of the Department of History and
Grammar of the English language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ll55@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ГОРИЗОНТ ОЖИДАНИЯ

В статье подвергается сомнению присущий современному литературоведению горизонт ожидания в отношении идентификационных возможностей, которыми обладает литературное произведение. Автором учитывается, с одной стороны, неизбежная вымышленность литературного произведения, с другой – столь же неизбежная субъективность восприятия произведений художественной литературы. Рассматриваются такие значимые для формирования личностного идентитета (совокупность характерных черт, свойств, качеств, специфицирующих данную личность) аспекты, как критерии истины и способ познания; отношения с социумом (этика социальной жизни) и обуславливающая их система ценностей (аксиология); эстетические приоритеты и виды удовольствия. Выявляется, при каких условиях литературное произведение может быть фактором и мотиватором истинной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественная литература; идентификационный потенциал; идентичность; симулякр; критерии истины; этика; система ценностей; эстетические приоритеты.

IDENTIFICATION POTENTIAL OF FICTION: PROBLEM FIELD AND HORIZON OF EXPECTATION

The article questions the horizon of expectations inherent in contemporary literary studies regarding the identification possibilities that a literary work possesses. The author takes into account, on the one hand, the inevitable fictionality of a literary work, and on the other, the equally inevitable subjectivity of the perception of works of fiction. Aspects that are significant for the formation of personal identity (a set of characteristic features, properties, qualities that specify a given personality) are considered, such as the criteria of truth and the way of knowing; relations with society (ethics of social life) and the value system that determines them (axiology); aesthetic priorities and types of pleasure. It is revealed under what conditions a literary work can be a factor and motivator of true identity.

Key words: fiction; identification potential; identity, simulacrum; criteria of truth; ethics; value system, aesthetic priorities.

Человек является единственно возможным субъектом литературно-художественного творчества (вопрос о «творчестве» искусственного интеллекта оставляем за скобками). Основным предметом познания художественной литературы также есть человек во всех аспектах его проявлений (автор, персонаж, читатель), потому что именно художественная литература «хранит, накапливает и передает от поколения к поколению эстетические, нравственные, психологические, религиозные, философские, социальные ценности» [1]. Вместе с тем и главным «потребителем», а еще и со-творцом этого специфического «продукта» также выступает человек.

Казалось бы, все эти факторы дают основания утверждать, что эта область человеческого творчества обладает высочайшим идентификационным потенциалом. И действительно, художественная литература устойчиво воспринимается как фактор и вместе с тем мотиватор формирования идентичности (лат. *identifico* 'отождествлять, устанавливать совпадение'), причем как для читателя, так, в не меньшей степени, и для автора, в самых разных аспектах: национальном, социальном, конфессиональном, этическом, психологическом, гендерном, профессиональном, эстетическом и т. д.

Вместе с тем неоспоримо и то, что художественная литература есть оформленное словом подражание *вымышленным* предметам, то есть по сути – симулякрам (лат. *simulacrum* 'подобие, копия'). Даже произведения, созданные на документальной основе, все равно не являются фотографической фиксацией реальности, а лишь ее субъективной интерпретацией. «Отличительным свойством литературы, – как отметил в свое время американский литературовед-компаративист Рене Уэллек, – является именно ее "вымышленность"» [2, с. 42, 43], а «самое основное, – если обратиться к характеристике, данной О. М. Фрейденберг, – состоит в мелькании правды и обмана, в игре мнимого и настоящего <...> не только обман принимается за правду, но и самая правда в какой-то мере есть обман» [3, с. 38, 40] (правда, исследовательница характеризовала так, собственно, паллиату, но данная характеристика представляется справедливой для всех произведений художественной литературы). И этот неоспоримый факт существенно сужает горизонт ожидания в отношении идентификационных возможностей и алгоритмов, свойственных литературным произведениям, и вынуждает определиться с проблемным полем исследования данного феномена – идентификационного потенциала художественной литературы.

Вынужденная (можно даже сказать *объективная* вымышленность) художественно-литературных произведений отчасти может быть объяснена тем, что и сам по себе «реальный факт/событие» – даже для его непосредственного участника – выступает отнюдь не в модусе своего объективного бытия, а лишь как совокупность субъективных восприятий-интерпретаций реципиента, иначе сказать – «кажимостей» объективного бытия данного феномена. Причем «кажимости» разных реципиентов относительно одного и того же факта/события/актора могут не только существенно различаться, но и противоречить одна другой или же вообще взаимоисключать одна другую. Субъективность же восприятия каждого из свидетелей-интерпретаторов – тоже *вынужденная* и *объективная* – обосновывается рядом разнородных факторов, которые были выявлены и классифицированы еще в античных риториках и поэтиках (возраст, пол, образование, профессия, социальный статус, семейное положение, физическое здоровье, актуальное эмоциональное состояние и т.д.). Данная закономерность, несомненно, распространяется и на восприятие поэтического (здесь от греч. ποιησις, 'творчество, сотворение') произведения. В самом деле, ведь «текст находится в динамических отношениях с автором и читателем, в них вмещивается и литературный герой. В этих разнонаправленных связях решается вопрос об идентичности автора и героя, героя и читателя, автора и читателя» [4, с. 19].

Исходя из вынужденной субъективности восприятия (как объективного свойства человеческого существа) следует признать, что один и тот же литературный герой/ событие/ явление для разных читателей будет выступать, по крайней мере, как носитель РАЗНЫХ (причем *непредсказуемо* разных!) идентичностей и вообще далеко не всеми читателями может быть замечен – то есть стать объектом для отождествления.

Но допустим частный и самый благоприятный вариант: герой того или иного литературного произведения «уважать себя заставил» и мотивировал читателя на идентификацию – запустил в нем частично лишь осознаваемый, а подчас бессознательный психический процесс ассоциирования себя с другим, этим самым героем, – по каким-либо признакам. В каких значимых для формирования личностного идентитета аспектах чаще всего происходит эта идентификация? Можно предложить следующие: критерии истины и связанный с ними способ познания; отношения с социумом (этика социальной жизни) и обуславливающая их система ценностей (аксиология); эстетические приоритеты и виды удовольствия. Что же происходит в процессе отождествления читателем себя с персонажем литературного произведения в одном из названных аспектов?

К р и т е р и и и с т и н ы и с п о с о б п о з н а н и я. Тут, думается, прежде всего следует обратить внимание на то, что литературный образ «вымысливается» не на основе непосредственно эмпирической реальности, а является результатом художественного мимесиса (и его последующей вербальной фиксации), которому подвергается субъективное восприятие (образ) действительности в сознании автора.

Иначе говоря, произведение художественной литературы по сути своей не просто вымысел (fiction), и даже не вымысел второго порядка (платоновский тезис «тень тени истины»), а его отражение в словесной ткани произведения – «тень тени тени истины». Опыт восприятия-интерпретации разнообразных явлений окружающей действительности (субъективную «кажимость»!) автор претворяет в правдоподобные симулякры, которые правдоподобно описываются и преподносятся читателю как образ некоего аспекта или части бытия. Именно поэтому, как давно уже подмечается, произведение художественной литературы *не поддается проверке на истинность*: оно не может восприниматься ни как истинное, ни как ложное. И это понятно, поскольку симулякр, не имеющий в реальности означаемого объекта, находится вне сферы подобного рода суждений. Значит, читатель, который «открывает» для себя в литературных произведениях истину, идентифицирует себя, очевидно, не с истиной, а с тем симулякром «кажимости» истины, которую он (читатель) вслед за автором в состоянии постичь. А это уже четвертый уровень искажения.

В связи с этим убежденность в том, что художественная литература помогает читателю идентифицировать себя как субъекта, обладающего теми или иными критериями различения истины и лжи, представляется сомнительным. «Может ли тот, кто ни об одной вещи не знает истины, различить сходство непознанной вещи с другими вещами, будь оно малым или большим?» – вопрошает Платон в «Федре» [5, с. 262]. Симулякр может содействовать лишь постижению действительности в сознании (субъективной интерпретации) данного конкретного автора. Да и то настолько, насколько читатель конгениален автору. Но такая идентификация конвенциональна и сама весьма похожа на симулякр.

Э т и к а с о ц и а л ь н о й ж и з н и – следующий личностный идентификат – включает, в числе прочего, все те же критерии различения истинного и ложного, которые здесь облекаются в понятия дозволенного (приличного) / недозволенного (неприличного) уже в сфере общественных отношений. И приведенные выше аргументы дают нам все основания

усомниться в том, что литературное произведение, которое само по себе не является ни истиной, ни ложью, может способствовать такой идентификации.

Нужно учесть еще один немаловажный фактор: автор литературного произведения, как известно, создает своих героев и антигероев, используя такие инструменты, как идеализация, обобщение, типизация, различные топосы и т. д. Не следует ли из этого, что читатель, идентифицируя свое бытие и социальное поведение с действиями персонажей, ситуациями, нравственными выборами и т.д. и таким образом приобщаясь к той или иной системе ценностей, не столько *научается* выстраивать человеческие отношения по принципу К. С. Станиславского «слышу, вижу, отвечаю», сколько *программируется* на определенные ценностные ориентации и стереотипы поведения. Причем эти стереотипы – либо броские обертка/этикетка/ярлык, часто не имеющие ничего общего с наличными качествами индивида-читателя (и тогда происходит не идентификация, а закомплексовывание реципиента), либо – прокрустово ложе, принуждающее читателя в процессе «идентификации» отсекал от своей личности то, что не вписывается в социально одобряемый (или же, наоборот, бунтарски противостоящий правилам социума) стереотип. Ни то, ни другое, думается, не способствует адекватному формированию личностного идентитета. Скорее наоборот – препятствует самораскрытию личности, ограничивает свободу ее самоопределения, навязывает изначально чуждые ей ценности и поведенческие стратегии как ценные и одобряемые данным социумом.

Наконец этический идентификат предполагает, что автор, его формирующий и транслирующий, и сам придерживается той системы ценностей и тех принципов бытия, которые проповедует. Однако, как свидетельствует опыт, такое случается крайне редко. Известно, что многие из талантливейших писателей обладали весьма сомнительной нравственностью, далеко не соответствующей тому этическому идеалу, который они (подчас высокохудожественно и обаятельно!) представляли в своих произведениях.

В этой связи нельзя не упомянуть тот известный факт, на который указывал еще Платон в «Государстве»: «и поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, будто несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедливые несчастны; будто поступать несправедливо – целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость – это благо для другого человека, а для ее носителя она – наказание» [6, кн. III, 392b]. Возможность идентификации по данному основанию несомненна, но действительно ли этична?..

В целом, убежденность в том, что художественные произведения могут *формировать* систему ценностей, представляется логическим перевертышем. Не вернее ли полагать, что, наоборот, сами произведения искусства являются продуктом *уже существующей* в сознании их авторов (но, значит, и в социуме, к которому эти авторы принадлежит) и декларируемой им (или опровергаемой) системы ценностей. Причем система эта опять-таки существует лишь в субъективном восприятии реципиентов, и эти восприятия могут (см. выше) весьма отличаться. Как верно заметил Ю. М. Лотман, «только художественные тексты могут быть предметом взаимоисключающих аксиологических оценок» [7, с. 206]. Думается, и в данном случае мы имеем дело не с фактором идентификации личности как таковой, а с формированием в социуме (или его части) своего рода моды на определенную систему ценностей («мода» на религиозность, сентиментальность, «байронизм», нигилизм, героизм, интеллектуализм и т.д.) и приобщением к этой «моды». Диктат «моды» весьма часто провоцирует ложную идентичность и тем самым не позволяет состояться истинному самоопределению личности.

Эстетические приоритеты и виды удовольствия, несомненно, можно рассматривать как один из значимых идентификатов. Эстетическая же функция произведений искусства (в том числе и литературных) считается «первой и, видимо, основной», и «художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который *в пределах данной культуры* способен реализовать эстетическую функцию» [7, с. 203]. Но если в более ранние эпохи прекрасное соотносилось с полезным, то, думается, с эпохи гуманизма сущность прекрасного стали видеть как раз в отсутствии утилитарной цели.

Итак, художественная литература как будто призвана развивать в читателе способность видеть красоту, идентифицировать себя с тем или иным типом прекрасного, ценить его и наслаждаться им. Однако фиктивная действительность литературного произведения – сколь угодно талантливый *симулякр* – обладает, по-видимому, столь же *фиктивной* красотой – «тенью тени тени» реально существующей красоты (см. выше). Это – первое. Другая сложность: собственно красота как эстетическая категория весьма неопределенна и вообще трудно определима как в теории, так и на практике: идеал красоты меняется от эпохи к эпохе, как мода («нижний уровень» эстетики); недаром же Ю. М. Лотман уточнил: «*в пределах данной культуры*». И значит, по большому счету, художественная литература не столько воспитывает в читателе вкус и чувство красоты, способствуя его самоидентификации по данному критерию, сколько

авторитетом писателей-классиков и маститых литературоведов формирует, утверждает, поддерживает, а порой и навязывает эстетические стереотипы, то есть опять-таки предлагает читателю вместо ответственной самоидентификации выбор между яркой этикеткой и прокрустовым ложем.

С категорией прекрасного как значимым идентификатом неразрывно связан и идентификат *гедонистический*: вид удовольствия, который наиболее близок данному индивиду. Причем убежденность о том, что литература должна доставлять удовольствие («Порой опять гармонией упьюсь...», А. С. Пушкин. Элегия), все чаще берет верх над представлением о том, что она должна наставлять и помогать познавать мир. Однако и эта, столь очевидная, казалось бы, способность художественной литературы на поверку оказывается симулякром. Прежде всего – «у каждого свой вкус: кому нравится арбуз, а кому – свиной хрящик», и то, что одному доставляет удовольствие, у другого может вызвать отвращение, даже среди профессиональных литераторов и литературоведов; тому – множество примеров. Далее, писатель (или группа писателей-единомышленников) способен транслировать в своем произведении лишь собственную идентичность – *свое собственное* представление об удовольствии. А если учесть, что это представление к тому же – симулякр, то литературное произведение представляется своего рода наркотиком, пристрастие к которому доставляет весьма опасное для духовного здоровья удовольствие.

Вместе с тем нельзя не сказать и о тех идентификатах, которые художественная литература несомненно и успешно предоставляет, – это возможность самовыражения/самоутверждения, очень важная для формирования идентитета индивидуума. По сути это психологическая сублимация – переключение неконтролируемых эмоций в осознанный процесс литературного творчества (для писателя) или же целенаправленное постижение идей литературного произведения (для читателя). Процесс моделирования реальности (причинно-следственных связей бытия, стратегий выстраивания отношений в социуме, способов разрешения конфликтов и гармонизации общества и т.д.) для писателя и освоение предложенной модели для читателя позволяют ослабить напряжение между желаемым и действительным, подменяя невозможные по тем или иным причинам действия и события их симулякрами. При этом словесно оформленные симулякры переживаются совершенно реально, возбуждая эмоции, тождественные тем, которые вызываются реальными обстоятельствами, – «над вымыслом слезами обольюсь» (А. С. Пушкин. Элегия). Отсюда и возможность *катарсиса*, причем не только для читателя,

но и для самого автора. Однако такой катарсис бесплоден, ведь он не ведет к духовному преображению; скорее даже вреден, поскольку отвлекает человека от собственно идентификации – выстраивания реальных отношений с окружающей его действительностью. Кроме того, действительность никогда не совпадет с художественным симулякр (см. выше), и перед ее суровым лицом «благородный читатель» остается по-прежнему беспомощен и беззащитен. Ведь так легко, порывав над вымышленной трагедией или возмущившись вымышленной (пусть и «типической в типических обстоятельствах») несправедливостью, решить, что обладаешь утонченной, чистой и честной натурой, не являясь таковой и не приложив к тому ни малейшего усилия.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: не имея по природе своей оригинала (не только онтологического, но даже и эмпирического), литературное произведение как будто неспособно дать адекватное представление о бытии. Оно есть образ образа бытия в сознании писателя – «тень тени тени истины» и, значит, не может способствовать истинной идентификации личности.

Вместе с тем очевиден целый ряд исключений – произведений литературы, которые невзирая на смену культурных эпох и мод и вопреки всем приведенным выше аргументам остаются своеобразными светочами и мощными идентификатами.

Следовательно, нужно разобраться, при каких условиях симулякр, каковым является литературное произведение, может все-таки выступать как мотиватор поиска истинной идентичности. Ответ очевиден – в тех случаях, когда он лишь кажется симулякром. Понять, о чем идет речь, поможет обращение к платоновским типам «божественных инспираций», а конкретно – характеристика творчества поэта и философа в девятичленной иерархии творцов (см. «Государство», «Федр»).

Платон полагал, что творчество поэта, как и философа, инспирируется Демиургом и оба они «божественно безумны» в творческом акте: «Кто без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [5, с. 245]. Но это «безумие, или неистовство», как показывает Платон, обладает поэтом и философом по-разному. Поэт, в отличие от философа, не в состоянии постичь сущность вещей – «то, что вечно тождественно самому себе» [6, кн. VI, 484b], «то, чем божествен бог» [5, с. 249]. Иначе говоря, поэт не способен постичь смысл им же самим вдохновенно сотворенного – ни в процессе творческого акта, ни по его

завершении. Душа поэта остается не затронутой божественной инспирацией: поэт не идентифицирует себя со своим же «творческим продуктом» и продолжает воспринимать мир, в том числе и свои собственные произведения, в своей устоявшейся идентичности. Таким образом, поэт у Платона выступает как совершенно пассивный инструмент божества, поэтому и результат «божественного безумия» поэта – не симулякр (как у софиста), а образ первообраза, запечатленный самим Демиургом через поэта, но *не касаясь личности* поэта. Не изменяя своей идентичности, поэт, тем не менее, создает произведения, возводящие к Первообразу и потому могущие способствовать истинной, осознанной и ответственной идентификации читателей (при условии, разумеется, что читатель конгениален произведению; не автору).

Вполне в духе платоновских размышлений о разных видах «божественного безумия» В. Г. Белинский называл собственно «творческими» именно произведения «вдохновенные», противопоставляя их «механическим произведениям рук человека». «Созданным, или творческим, – пишет В. Г. Белинский, – называется все, что не может быть произведено соображением, расчетом, рассудком и волею человека <...> но что непосредственно является из небытия в бытие <...> творческою силою духа человеческого, и что, в противоположность изобретению, должно называться **откровением**» [8, с. 289].

Таким образом, художественная литература в той ее части, которая создается под воздействием «божественной инспирации», может быть фактором и мотиватором истинной идентичности. Те же литературные произведения, которые, согласно мысли В. Г. Белинского, «изобретаются соображением, расчетом, рассудком и волею человека», по-видимому, не способны содействовать идентификации личности, но лишь навязывать или «вводить в моду» ту или иную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная энциклопедия // Академик. – URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/27074> (дата доступа : 16.06.2024).
2. Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М. : Прогресс, 1978. – 328 с.
3. Фрейденберг, О. М. Миф и театр. Лекции / О. М. Фрейденберг. – М. : ГИТИС, 1988. – 132 с.
4. Софронова, Л. А. О проблемах идентичности / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М. : Индрик, 2006. – С. 8–23.

5. *Платон. Федр* / Платон. – URL : <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/LosevH/0204.htm> (дата обращения : 16.06.2024).
6. *Платон. Государство* / Платон. – URL : <https://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения : 16.06.2024).
7. *Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература»* / Ю. М. Лотман / Избр. ст. : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 203–216.
8. *Белинский, В. Г. Идея искусства* / В. Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. / редкол.: Н. К. Гей, В. И. Кулешов [и др.]. – М. : Худож. лит., 1976–1982. – Т. 3: Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841 / Ю. В. Манн. – 1978. – С. 278–293.

Поступила в редакцию 28.06.2024

Назаренко Варвара Юрьевна

аспирант кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Varvara Nazarenko

PhD Student
of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
varya.nazarenko.1999@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ КОНФУЦИАНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ**

**TRANSFORMATION OF CONFUCIAN IDEAS
IN MODERN CHINESE LITERATURE**

На примере рассказа Сюй Кунь «Кухня», а также повестей Пань Сяопин «Юноша» и Ван Шиюэ «Грехи человеческие» проанализирована попытка авторов изобразить трансформацию основных идей конфуцианского учения касательно взаимоотношений личности и общества, механизмов построения социальных и межличностных отношений. Выявлена деконструкция конфуцианской концепции личности. Особое место в исследовании отведено истокам сыновьей почтительности как элементу конфуцианской этики, а также теории социальной идентичности.

Ключевые слова: трансформация социальной иерархии; современная китайская проза; конфуцианство; образ благородного мужа цзюньцзы; концепция личности; путь гуманности жэньдао.

On the example of Xu Kun's short story *The Kitchen*, as well as Pan Xiaoping's novellas *The Youth* and Wang Shiyue's *Human Sins*, the authors attempt to depict the transformation of the main ideas of Confucian teaching regarding the relationship between personality and society, mechanisms for building social and interpersonal relations is analyzed. The deconstruction of the Confucian concept of personality is revealed. A special place in the study is given to the origins of filial piety as an element of Confucian ethics, as well as the theory of social identity.

Key words: transformation of the social hierarchy; modern Chinese prose; Confucianism; image of noble husband Junzi; concept of personality; the way of humanity zhendao.

Конфуцианство как философское учение в Китае зародилось в VI – V веках до н. э. в эпоху крупных социальных и политических потрясений. Его общей направленностью была идея достижения социальной гармонии с опорой на авторитет мудрецов и правителей древности, а основные положения конфуцианского учения отразились в «этически детерминированном рационализме мышления китайцев и синкретической духовной культуре» [1].

Фактически до XX века конфуцианские идеи были практически единственным морально-этическим регулятором взаимодействия индивида и общества. А уже в условиях интеграции западных идей, ценностей и тенденций в философской, социальной и культурной жизни Китая конца XX века происходят существенные изменения. В первую очередь они касаются мировоззрения, жизненных ориентиров и ценностей, которые определяют концепцию и типологию личности, а также изменения в системе взаимоотношений между социумом и индивидом, которые и находят отражение в литературе. На развитие китайской словесности 1980-х годов повлияли культурная интеграция Востока и Запада вследствие проведения в Китае политики «реформ и открытости». Под влиянием западноевропейского феминизма, тенденции к коммерциализации литературы и других видов искусства концепция личности, а также традиционная система ценностей в новых условиях реальности трансформировались.

Так, переосмысливается одно из ключевых понятий конфуцианства – *жэньдао*, Путь человека (人道). Согласно Мэн-цзы, последователю Конфуция, только следуя Пути человека (*жэньдао*), индивид может быть личностью, так как «человечность охватывает всего человека» [2, с. 15]. Наряду с *жэньдао* (Путь человека), существует понятие-омофон *жэньдао* – Путь гуманности (仁道). В значительной степени данные понятия синонимичны и взаимозаменяемы, поскольку 人 *жэнь* ‘человек’ практически «встроен» в структуру иероглифа 仁 *жэнь* ‘гуманность, человеколюбие’ в качестве ключа. И тогда следование Пути человека соответствует следованию Пути гуманности, а вместе – Человечности, и представляется возможным на русском языке использовать далее универсальное *жэньдао*, включающее оба значения. Ю. К. Щуцкий, китаевед и исследователь «Книги перемен» (《易经》), видит в каноне рассуждения об образовании иерархии социальной системы Поднебесной сквозь призму понимания Воли Неба (*тяньмин*, 天命 ‘Небесный мандат, фатум, судьба’), согласно которому человек концептуализируется как «один из множества элементов мира» [3, с. 7].

Изначально конфуцианство выражало интересы наследственной аристократии, концентрировалось на «укреплении общественного строя и сложившихся форм государственного управления путем строгого соблюдения древних традиций и определенных принципов взаимоотношений между людьми в семье и обществе» [4, с. 36], но к XX веку оно уже совершенно утрачивает данную социальную исключительность. Изменилась интерпретация и смысловое наполнение *жэньдао*, поскольку сам *жэнь* (人 ‘человек’) становится иной личностью.

С течением времени происходят существенные изменения и в многовековой иерархии межличностных, социальных и гендерных отношений, являющиеся предметом исследования женщин-писательниц в конце XX века. Ранее в традиционных представлениях о формировании этических механизмов межличностных отношений женщине отводилось второстепенное положение. И хотя во второй половине XX века, пройдя долгий путь эмансипации, китайские женщины смогли улучшить свои позиции в обществе, в настоящее время они продолжают сталкиваться с серьезными проблемами. Так, писательница Сюй Кунь в рассказе «Кухня» (徐坤《廚房》, 1997) иллюстрирует положение женщины в современном обществе, акцентируя внимание на смене ролей мужчины и женщины в гендерной иерархии. Несмотря на то, что действие рассказа охватывает всего один вечер, Сюй Кунь изображает психологический путь Чжицзы от стремления к самоосвобождению до тотальной потери себя. События рассказа разворачиваются на кухне: «отправном и конечном пункте назначения в жизни женщины» [5, с. 399]. Задача героини заключается в том, чтобы влюбиться в себя своего подчиненного Сунцзэ – художника сорока лет, избалованного женским вниманием, покорив его своими кулинарными способностями. Кульминацией рассказа становится поцелуй героев, который меняет плоскость их отношений, однако не приводит к достижению основной цели женщины: «Новая форма их связи оказалась для него неожиданной и неприемлемой» [5, с. 407]. Следует также отметить, что именно благодаря усилиям Чжицзы, мужчина имеет коммерческий успех.

Автор создает в произведении атмосферу недосказанности между мужчиной и женщиной, изображает социальный парадокс в контексте традиционного мышления: мужчину на содержании у женщины и женщину в погоне за карьерой. Что в целом является нарушением конфуцианской иерархичной системы отношений, в которой именно женщина подчиняется мужчине, а не наоборот.

Еще одним социальным преобразованием в конце XX века стала гегемония потребительства. В данном контексте происходит снижение значимости конфуцианского концепта телесности как этического начала сыновней почтительности, что изображает Пань Сяопин в повести «Юноша» (潘小平《少男》, 2012). Большое внимание в ее творчестве уделяется социальным отношениям, расстановке сил и прав между людьми. В центре повести события, навсегда изменившие жизнь юноши Сяо Цзю. Автор описывает его переезд из деревни в город, а также работу в массажном салоне у родного дяди. К юноше испытывают романтические чувства две женщины: его ровесница Цайцай и взрослая женщина Сяо Тао,

которые открыто соперничают за его внимание. Цайцай проявляет свое внимание ненавязчиво, предостерегая и заботясь о юноше (например, она признается, что «хотела показать, насколько ужасен этот мир, насколько опасными могут быть помыслы других людей и насколько бесстыжими бывают женщины!» [6, с. 46]). Сяо Тао действует вызывающе и агрессивно: желание любой ценой провести ночь с юношей приводит к тому, что родной дядя «продает» племянника. Новый день для Сяо Цзю начинается с попытки самоубийства, так как он не может справиться со стыдом как перед обществом, так и перед собой. Отметим, что конфуцианская идея сыновней почтительности основана на том, что тело человека существует исключительно благодаря его родителям: «Наше тело, вместе с волосами и кожей, унаследовано от наших родителей. Ни в коем случае не следует причинять вред собственному телу. Это отправная точка сыновнего почтения» [7, с. 44]. Та же идея неоднократно разрабатывалась в классических конфуцианских трудах, согласно которым члены семьи есть единое целое, а семья и взаимоотношения в ней представляют собой социальное тело: «Отец и сын – это одно тело; муж и жена, братья, все они – одно тело. Отношения между отцом и сыном подобны отношениям между головой и ногами. Муж и жена – это сочетание двух отдельных частей одного тела; братья – это четыре конечности» [8]. Однако юноша должен был самостоятельно избавить общество от «дефектного» элемента, так как в китайской теории социальной идентичности коллективное «я» преобладает над индивидуальным: «социальная идентичность требует, чтобы человек воспринимал себя как члена определенной социальной категории, которого можно заменить любым из нескольких других, а не как конкретного человека» [9]. Таким образом, с точки зрения конфуцианской теории главной целью человека является трансформация «я» в «Мы» и усиление необходимости принадлежности к социуму.

Пань Сяопин в повести изображает актуальные проблемы социального неравенства и угнетения рабочего класса в современном обществе. Общество в повести представляет модель, где незрелая личность Сяо Цзю образует новые иерархические отношения, на вершине которых стоит обеспеченная Сяо Тао, чей капитал создает ее вес в обществе. Вседозволенность женщины формируется благодаря ее окружению и трансформируется в паттерн адаптивного поведения.

Вопрос этики в произведении пронизывает как гендерную, так и социальную иерархию. Идея превосходства базируется на материальной составляющей, в которой явно просматривается деление на «верха» и «низы», где обеспеченное население и «рабочий класс» образуют систему соучастия, т. е. они сознательно «покупаются».

Таким образом, Пань Сяопин изображает модель отношений между мужчиной и женщиной со смещенными социальными ролями посредством раскрытия философии телесности. Она использует концепт эротизма как один из основных каналов, по которым герои-представители «низов» общества соотносятся с «верхами». Хотя наркоманка Цайцай выступает обитателем социального «дна», однако именно она несмотря на свой род деятельности спасает жизнь юноше. Герои-представители «верхушки» общества (Сяо Тао, дядя юноши) являются негативным отражением социальной трансформации, которой сопутствует кризис ценностной ориентации горожан. Город в повести – это синтез неупорядоченных ценностей и необузданных желаний. Напротив, сельская местность, менее затронутая социальными преобразованиями, становится в некотором роде идиллией, где есть место традициям и морали.

Автор в повести фокусируется на социальном, этическом и моральном содержании понятия «мужской объективизации» в контексте большого города, в котором отношения даже близких людей строятся по законам рынка. Основная проблема повести – «потребление» молодых людей независимыми женщинами, или объективизация мужчин, которое характеризуется как новое социальное явление.

Французский социолог и философ Жан Бодрийяр акцентирует внимание на понимании потребления: «если этот термин не означает того, что под ним подразумевает грубая экономика – точно определяет фазу развития общества» [10, с. 9]. Следовательно, отношения купли-продажи между людьми возникают потому, что удовлетворение желания является внутренней потребностью, а символическая ценность и ориентация на потребление – внешней движущей силой.

Галерея личностей в повести в условиях современной социальной тенденции потребления ранжируется от бесхарактерной и слабой (Сяо Цзю) до волевой и агрессивной (Сяо Тао). Примечательно также, что женским образам повести в определенной степени присущи решительность, духовная и физическая сила, а мужским – кротость, покорность, трусость, невозможность отстаивать личные границы.

Среди древнекитайских мыслителей Сунь-цзы (孙武) был первым, кто подчеркнул значение врожденных человеческих желаний, побуждающих человека приобретать различные ресурсы для удовлетворения своих потребностей: «Это изначальная природа и склонность людей желать выгоды и стремиться ее получить. <...> Итак, природа людей такова, что, когда они голодны, они желают насыщения <...> Это естественные чувства человека» [11, с. 44]. Однако между биологическими потребностями индивида и этическими требованиями общества существуют противоречия,

поэтому необходимо контролировать свои желания и придерживаться норм повседневных социальных взаимодействий: «[людям] нужно поддерживать личный контроль с помощью надлежащего поведения (禮, *ли*) и справедливости (義, *и*)» [11, с. 45]. В этой связи были разработаны методы самосовершенствования, которые включали в себя усердное изучение Пути человечности: «... искренне практикующий её и испытывающий чувство стыда, когда чьё-то поведение отклоняется от неё. Любовь к знаниям сродни мудрости. Пристальное внимание к поведению сродни благожелательности. Чувствительность к стыду, сродни мужеству. Когда люди поймут эти методы, они поймут, как самосовершенствоваться» [2, с. 200].

Известно, что этическая система конфуцианского учения прагматична и базируется на практических соображениях, направлена на построение знаний, а также на эмпирический опыт человека, нацеленных на самосовершенствование: «Воплощение конфуцианской этики в своих действиях – это стремление всей жизни, поэтому должно выполняться терпеливо и стойко» [8]. Человека, обладавшего высоким уровнем нравственности, а также способного следовать *жэньдао* в повседневной жизни, считали *цзюнь-цзы*, или благородным мужем (君子), в то время как озабоченного личными интересами и выгодами называли маленьким, обычным или недалеким человеком (小人, *сяо-жэнь*). Таким образом, человек достоин называться *цзюнь-цзы* тогда, когда способен подавлять врожденные желания и выстраивать отношения с другими в соответствии с традиционной иерархией. Если же человек действовал, исходя лишь из собственных желаний или интересов, его могли критиковать как *сяо-жэня* и говорить о его животной природе.

Исследуя образную систему современной китайской литературы, в которой особое место занимают герои-конфуцианцы, нельзя не отметить их эволюцию (или деградацию). Именно этот аспект сквозь призму преступления и психологии преступления исследует в своей повести «Грехи человеческие» (《人罪》, 2014) Ван Шиюэ (王十月). В названии произведения заложена морально-этическая составляющая, которая реализуется посредством обращения к концептосфере понятия «греха» в китайской лингвокультуре.

Британский дипломат Эдвард Вернер отмечал, что в Китае классическому значению понятия «грех» аналогично преступление против закона: «Китайское законодательство закрепляло систему субординации, подчинения правителю, а не содействовало установлению справедливости в обществе. Законы были направлены на то, чтобы обвинять и карать, а не

исправлять осужденных» [12, с. 24]. Далее Вернер обращается к конфуцианству как к идеологическому стержню государства, раскрывая принцип детерминизма, согласно которому основная жизнеутверждающая концепция заключается в том, что «все, что случается, представляет собой последовательность предшествовавших состояний вещей. Все, что человек делает в любой момент жизни, зависит от его прошлого, т. е. от его психологического наследства, а также от всего, что он до этого прошел» [13, с. 94].

В центре повести внутренние противоречия судьи Чэнь Цзэво и его жены Ду Мэй, а также осужденный торговец Чэнь Цзэво, вокруг чьего имени и строится основной нравственно-этический конфликт произведения: в руки опытному судье Чэнь Цзэво попадает дело о непреднамеренном убийстве мелким торговцем полицейского. Стоит отметить, что классическому образу судьи в китайской литературе, который восходит к мифологическому персонажу Бао-гуну, присущи такие качества, как мудрость, неподкупность, честность. Однако автор создает образ героя-судьи далеким от идеала, ведь «преступление, которое он совершил двадцать лет назад, было тесно связано с нынешним делом» [14, с. 85]. Изучая детали дела, судья понимает, что ему предстоит судить человека, чье имя он присвоил себе во время выпускных экзаменов благодаря находчивости своего родственника – школьного завуча. Из чего становится понятно, что герой присвоил себе чужое имя и чужую жизнь.

Жена героя – журналистка Ду Мэй, заинтересовавшись сходством имен судьи и подсудимого, задается вопросом непохожести судеб двух мужчин, чем усугубляет страх мужа быть узнанным. Исходя из особенностей менталитета китайцев, данный эпизод явно отсылает к страху «потерять лицо» (丢脸, *диулянь*), т. е. к вопросу репутации. Однако стоит отметить, что герой-судья не испытывает сострадания к подсудимому, так как цинизм и малодушие – качества, зародившиеся в характере героя, когда он был только в начале своего карьерного пути. Современный судья бесчестен, труслив и безответственен, так как пытается просить отвод, чтобы скрыть события прошлого. Исходя из сказанного можно сделать вывод об отсутствии у него гуманности – важнейшего принципа конфуцианства. Таким образом, Ван Шиюэ изображает деградацию образа канонического судьи.

Когда женщина обо всем догадывается, перед ней встает выбор: закрыть глаза на ситуацию с делом мужа или предать историю огласке. Она не в силах взять на себя роль судьи, поэтому отказывается от публикации компрометирующего материала и принимает решение развес-

тись. Примечательно, что, хотя судья Чэнь Цзэво и Ду Мэй ранее руководствовались принципом справедливости, в критический момент, чтобы успокоить совесть, оба откупаются от семьи подсудимого.

В исследуемой повести, с точки зрения китайской культуры, а также с учетом современного контекста, явный человеческий грех, социальное правонарушение, в действительности одно – коррупция, охватившая все области, начиная от школьного образования и заканчивая правосудием. Однако если рассматривать повесть с точки зрения анализа героев и психологии их поведения, то становится очевидным наличие в ней целой галереи грехов. Автор прибегает к приему рефлексии, поднимая вопросы как государственного масштаба, так и личного.

Таким образом, несмотря на стремительное развитие общества, стоит отметить, что не все преобразования пошли ему на пользу. Исследователи отмечают постепенное ослабевание степени влияния на современное общество традиции, которая ранее регулировала не только государственное устройство, но и систему межличностных отношений.

Благодаря социокультурному контексту современных художественных произведений прослеживается трансформация основных идей конфуцианского учения касательно взаимоотношений личности и общества.

1. В рассказе Сюй Кунь «Кухня» наблюдается смена иерархии в системе гендерных отношений. Попытка «поменяться местами» с мужчиной делает героиню Чжицзы несчастной. В произведении отражена диалектическая взаимосвязь между духом новаторства, традицией и культурой, в то же время автор акцентирует внимание на тонком соперничестве между мужчиной и женщиной не только в обществе, но и в семейной жизни.

2. Пань Сяопин в повести «Юноша» затрагивает проблемы не только стирания границ в межличностных отношениях мужчин и женщин, но также родственных связей, строящихся не на уважении, а на страхе перед старшими, а также вопрос этики и телесности как основного элемента концепта сыновней почтительности.

В условиях урбанизации и проникновения в традиционную китайскую культуру европейских ценностей и тенденций меняется и отношение общества к телесности. Отныне тело не является даром, преподнесенным родителями. В условиях выживания в большом городе материальное берет верх над духовным, что толкает героев произведения на действия нелегитимного, неэтичного характера. Автор повести фокусируется на социальном, этическом и моральном аспектах понятия «мужской объективизации» в контексте процессов урбанизации, в условиях которых тело также

становится продуктом потребления. В повести писательница избегает приемов деликатного изображения классово-политического разделения общества. В данном случае причина, повлиявшая на потерю связи с конфуцианскими идеями, – тотальная коммерциализация.

3. Отмечаются изменения, касающиеся ценностей и жизненных ориентиров героев художественных произведений. Именно этот аспект отражен в повести Ван Шиюэ «Грехи человеческие». На примере героя-судьи и его жены автор изображает постепенный отказ от принципов гуманности, справедливости и честности, которым изначально следовали герои, являясь воплощением представителей образов правосудия и СМИ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить трансформацию идей конфуцианства в современной китайской прозе. Это наиболее ярко выражено в преобразованиях иерархической системы отношений между властью и простыми героями, системы традиционных гендерных отношений; в деградации классического образа судьи и концепции благородного мужа; в пренебрежении сыновней почитательностью и уважением к родным, а также в смене социальных ролей.

В заключение подчеркнем, что в процессе общественно-политического, экономического и культурного освоения западным миром китайского социально-культурного пространства выявляются социально-этические, а также философские преобразования в обществе, которые идут вразрез с многовековой традицией, регулирующей механизмы построения и функционирования процессов внутри личности, общества, а также во взаимодействии между ними. Однако, несмотря на воздействие современных иностранных идей и тенденций, влияние многовековых конфуцианских правил и норм на концепцию личности, а также определение ее места и роли в обществе, актуализируются авторами в качестве основного ориентира и вместе с тем трансформируются посредством вплетения и адаптации традиции в условиях современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленина, Д. А.* Религиозно-философский компонент в образе Китая в романах П. Бак / Д. А. Ленина. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskiy-komponent-obraza-kitaya-v-romanah-p-bak/viewer> (дата обращения: 03.08.2024).
2. *Мэн, Кэ.* Мэн-цзы / Мэн Кэ ; предисл. Л. Н. Меньшикова ; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова ; под. ред. Л. Н. Меньшикова / СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с.

3. *Щуцкий, Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий ; [вступ. статьи А. И. Кобзева, с. 8–49, и др. ; примеч. А. И. Кобзева, Н. И. Конрада]. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. И. Кобзева. – М. : Наука : Издат. фирма «Вост. лит.», 1993. – 604 с.
4. *Гэн, Бяо.* Конфуцианство и межкультурная интеграция в контексте глобализации / Гэн Бяо // Человек и культура. – 2020. – №5. – С. 36 – 45.
5. *Сюй, Кунь.* Кухня / Сюй Кунь // Современная китайская проза. Багровое облако : антология / сост. Союз кит. писателей. – М. : АСТ; СПб. : Астрель-СПб, 2007. – С. 399 – 425.
6. *Пань, Сяопин.* Юноша / Пань Сяопин // Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века : пер. с кит. яз. / отв. ред. А. А. Родионов ; сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов. – СПб. : Ин-т Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. – С. 11 – 63.
7. *Переломов, Л. С.* Конфуций «Лунь юй» : исслед. / пер. с кит., коммент. Л. С. Переломов ; Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си ; Ин-т Дал. Востока РАН. – М. : Вост. лит. РАН, 1998. – 588 с.
8. *Tu, W. M.* Confucian thought: Selfhood as creative transformation / W. M. Tu. – URL : <https://archive.org/details/confucianthought0000tuwe> (date of access: 08.04.2023).
9. Rediscovering the social group: A self-categorization theory / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes [et al.]. – New York : Blackwell. – URL : <https://www.semanticscholar.org/paper/Rediscovering-the-social-group%3A-A-theory.-Turner-Hogg/469c5d279c5e0625f730f98dc07d2d8b875a2e82> (date of access: 02.04.2023).
10. *Бодрийяр, Жан.* Общество потребления : его мифы и структуры / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. – М. : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с.
11. *Сунь, Цзы.* Искусство войны / Сунь-цзы. – М. : Яуза : Эксмо, 2022. – 304 с.
12. *Вернер, Э.* Мифы и легенды Китая / Э. Вернер ; пер с англ. С. Федорова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 365 с.
13. *Шафоростов, А. И.* История фундаментальных идей: детерминизм / А. И. Шафоростов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19, №2. – С. 91 – 102.
14. *Ван, Шиюэ.* Грехи человеческие / Ван Шиюэ // Времена и нравы: проза писателей провинции Гуандун / пер. с кит.; отв. ред. и сост. А. А. Родионов. – СПб. : Гиперион, 2017. – 560 с.

Поступила в редакцию 16.10.2024

Сазончик Алина Сергеевна

магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alina Sazonchyk

MA Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
asazonchik4@gmail.com

Кудрявцева Ирина

Константиновна

кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva

PhD in Philology, Associate
Professor, Head of the Department of
World Literature
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО МИКРОРАССКАЗА

THE PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF CONTEMPORARY
MICRO FICTION IN ENGLISH

В статье рассматриваются формы психологического изображения и приемы создания психологизма в произведениях сверхмалого объема современных англоязычных авторов. В результате проведенного анализа двух репрезентативных микрорассказов Стивена Бэнкса и Деб Олин Анферт сделан вывод о том, что в ситуации значительного ограничения текстового пространства в фокусе внимания автора находится герой, переживающий психологический кризис, а внешняя событийность подчинена событиям внутриличностного плана. Особая роль в создании психологического подтекста отводится художественной детали, средствам художественной выразительности и изобразительности, названию произведения, образам-символам, избранному автором типу повествования.

Ключевые слова: *психологизм; формы психологического изображения; микрорассказ; художественная деталь; символ.*

The article deals with the forms of psychological representation and techniques of creating psychologism in contemporary micro fiction in English. The analysis of two representative micro stories demonstrates that in the situation of a shortened narrative space, authors tend to focus on a psychological crisis a character going through, and priority the eternal events in the plot become secondary to the characters' inner life. The following means are employed to create psychological implication: suggestive details, stylistic devices, the story's title, symbols, the narrative method,

Key words: *psychologism in literature; forms of psychological representation; micro fiction; detail; symbol.*

Микропроза (сверхкраткая проза, сверхмалая проза, «минимальная» проза) – значимое явление современной литературы, получившее широкое распространение преимущественно в интернет-пространстве. Обычно это произведения объемом до 2000 слов, среди которых в зависимости от преобладания лирического или эпического начала, сюжетно-композиционных особенностей и др. исследователи выделяют такие типы произведений, как лирическая миниатюра, микрорассказ, микроновелла, текст-примитив, игровой текст и другие [1; 2]. В свою очередь микрорассказы (как и рассказы, романы) можно далее классифицировать как детективные, исторические, научно-фантастические, юмористические, мистические и т. п. в зависимости от тематики, типов героев, эмоциональной окраски и других жанрообразующих признаков. Изучение англоязычных микрорассказов, представленных на сайтах Short-story.me, Booksie, Flash Fiction Online, Everyday Fiction и др., позволило выделить группу психологических микрорассказов, характеризующихся фокусом на внутреннем мире и мотивации персонажей. Цель данной статьи – выявить способы создания психологизма в англоязычном микрорассказе, ведь в ситуации ограничения объема текста автор не может представить детальный психологический портрет героя, продемонстрировать динамику внутреннего мира и проследить истоки внутренних конфликтов персонажей. Так, Н. Н. Шацких выделяет такие характеристики микрорассказа, как ограниченное количество персонажей; представление одной идеи или одной эмоции; ограничение количества сцен до минимума; максимальный вес каждого слова в ситуации, когда нет места свободно развертывающимся, пространственным описаниям [3, с. 156].

В литературоведении под психологизмом в широком смысле понимается свойство художественной литературы воспроизводить человеческую жизнь и характеры, а в узком – художественное изображение внутреннего мира персонажей, их мыслей, переживаний, желаний [4, с. 76]. Это изображение должно нести в себе значимую содержательную нагрузку, раскрывая тематику, проблематику и идейный пафос произведения. М. С. Рогачевская отмечает: «Объективность психологизма определяется формальными стилистическими приемами психологического изображения, а также предметом изображения, особым компонентом содержания, высвечивающим ту или иную психологическую проблему» [5, с. 40]. Литературоведы, в частности И. В. Страхов, предлагают выделять две основные формы психологического изображения: «изнутри» (прямая форма) и «извне» (косвенная форма). Показ автором характеров «изнутри» осуществляется путем введения в повествование их «внутренней речи, образов памяти и воображения», с помощью техники

«потока сознания», а психологическое изображение «извне» подразумевает интерпретацию «выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и др. средств внешнего проявления психики». А. Б. Есин предложил дополнить типологию И. В. Страхова третьей формой – «суммарно-обозначающей», когда автор сообщает читателю о мыслях и чувствах персонажа «с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» (цит. по: [6]).

Неотъемлемыми элементами психологической прозы являются воспоминания и внутренние монологи героев, их дневниковые записи, сновидения, а наиболее тематически значимыми – события внутриличностного плана. В таких произведениях порой представлены темные стороны человеческого поведения, психические расстройства, зависимости и страхи героев, с которыми они пытаются справиться, затрагиваются моральные дилеммы и этические вопросы. Внешние детали, хотя и сохраняют свою функцию прямого отображения реальности и выражения художественного содержания, приобретают и дополнительную роль – они становятся инструментом передачи внутреннего мира персонажей. Предметы и события не просто описываются, а вплетаются в поток мыслей героев, стимулируют их размышления и переживаются. Такой подход позволяет автору глубоко раскрыть психологию персонажей, их внутренние конфликты и эмоциональные особенности.

Обратимся к конкретным примерам англоязычного микрорассказа – «Глаза Джоди» («Jodi's Eyes») Стивена Бэнкса [7] и «Симпатичная» («Likable») Деб Олин Анферт [8] – для выявления средств психологического изображения, характерных для микропрозы. В рассказе «Глаза Джоди», состоящем из 300 слов, повествуется о горе женщины, чья пятилетняя дочь бесследно пропала. Автор мастерски передает душевное состояние матери, потерявшей ребенка, вызывая глубокое сопереживание у читателя. Такой эффект во многом достигается за счет особого подбора лексических единиц и стилистических средств. Так, лексический повтор слова *understand* в предложениях *We **understand**, they had answered her. Four months later, they were still telling her how much they **understood**. She was so sick of being told that everyone **understood**...* [7] указывает не только на беспомощность полицейских, занимающихся поиском девочки, но и на эмоциональную опустошенность героини, угасание ее надежды на то, что дочь найдется. Печальная тональность повествования усиливается фразой *This is so we can check our little box and forget about you and your dead daughter* [7], которая подчеркивает одиночество Сары, оставшейся один на один со своей утратой.

На тяжелое эмоциональное состояние Сары указывает и то, что она часто закрывает глаза: *...She closed her eyes <...> Sarah closed her eyes again*, и такая деталь может также быть для читателя сигналом того, что Сара пытается уйти от реальности в свои мысли, где ее дочь рядом с ней. Это подготавливает читателя к кульминационной сцене микрорассказа – Сара сбивает на дороге оленя. Находясь в шоковом состоянии, она вызывает помощь и выходит из машины, мысленно возвращаясь к тому моменту, когда олень посмотрел на нее, прежде чем был сбит. Сара внезапно осознает, что глазами оленя на нее смотрела ее пропавшая дочь: *As the shock began to wear off, she relived the moment in her mind, saw again the slender silhouette of the deer, its eyes looking straight at her with that uncanny, almost knowing look – as if it had recognized her...; It was that eye – the briefest flicker of blue – and Sarah knew. “Jodi?” she whispered, breath frosting and writhing away in the beam of the headlights. She dropped to her knees on the asphalt beside the creature, trying not to look at its caved-in side and crazily-sprawled legs. “Can – can that really be you?” [7].*

Финальная сцена микрорассказа демонстрирует глубину отчаяния матери, потерявшей дочь. Она держит на руках умирающего оленя, чьи глаза кажутся ей глазами пропавшей девочки. Таким образом, происходит актуализация символической значимости заглавия микрорассказа, которое также становится средством создания психологизма, указывая, с одной стороны, на почти мистическую связь матери и дочери, с другой – на поведение людей, переживающих травму, когда реальность может исказиться, а видимое приниматься за желаемое. Символичен в этом контексте и сам образ оленя, так как в мировой культуре олени нередко предстают как «чудесные вестники и проводники, указывающие героям путь к их цели» [9]. Образ оленя, традиционно ассоциирующийся с чудом, исцелением и духовностью, становится в микрорассказе символом возможности для героини отпустить боль потери, а также привносит в повествование мистический элемент.

Таким образом, темой данного микрорассказа, который можно назвать психологическим, является родительская любовь, не знающая границ и находящая способ проявиться в самых неожиданных ситуациях. Именно в моменты переживания утраты и боли ее настоящая сила выражается во всей своей глубине и мощи. На небольшом текстовом пространстве автору удалось с помощью продуманного сюжета, ряда психологических деталей и стилистических средств создать убедительный образ человека, переживающего душевную травму и подсознательно ищущего способ преодолеть боль утраты. В данном произведении автор

использует преимущественно косвенную и суммарно-обозначающую формы психологического изображения, передавая мысли и чувства героини предельно кратко, не вдаваясь в глубокие размышления и детальные описания, а скорее указывая на ее слова и поступки, при этом событие внешнего плана приводит к интенсификации и в какой-то степени разрешению психологического кризиса героини.

Характеристики психологической прозы также обнаруживаются в микрорассказе «Likable» американского автора Деб Олин Анферт. Рассказ представляет собой поток мыслей и ощущений героини, переданный автором в повествовании от третьего лица, и состоит из 350 слов. В произведении присутствует композиционная редукция, характерная для микрорассказов. Читатель не знает, где происходит действие, кто героиня, откуда она и что заставило ее считать себя несимпатичной. Автор сразу погружает читателя в отдельную ситуацию из жизни, в конкретный момент. Эта женщина недовольна собой, тем, что она говорит, как выглядит, как ведет себя. Автор использует в качестве основного стилистического приема лексический повтор слов *unlikable* и *likable* для того, чтобы показать заикленность героини на данной теме, а также контраст между тем, как она себя чувствует сейчас и что мечтает ощутить (*unlikable – likable*). Этот повтор не просто подчеркивает ее желание быть приятной и желанной для окружающих, но и раскрывает глубину ее недовольства собой. Повторение этих слов становится символом ее внутреннего конфликта, борьбы с самоотрицанием и желанием быть принятой. Также можно заметить градацию в восприятии себя героиней: *...each evening before sleep she is unlikable, and each day it goes on this way, she getting more unlikable by the hour, until one morning she will be so unlikable, inconveniently unlikable...* [8].

В этом контексте примечательна функция названия «Симпатичная», так как автор не указал ни одной конкретной причины, чтобы героиня чувствовала себя несимпатичной, есть лишь упоминание того, что она не любит себя (*Did she not like herself? Well, of course she didn't, but there was nothing new in that*) [8]. Это заставляет читателя задуматься о том, что речь, возможно, идет о процессе старения, когда каждый человек, особенно женщина, начинает замечать возрастные изменения. Несмотря на то, что это естественный и неизбежный процесс, он может повлечь за собой психологический кризис. Внутренний монолог героини демонстрирует, с одной стороны, ее сниженную самооценку, с другой – потребность в самоанализе, переосмыслении ценностей, целей и приоритетов. В рассказе наблюдается такая разновидность внутреннего монолога,

как рефлексированная внутренняя речь [10, с. 65], иначе говоря – психологический самоанализ. В произведении он представлен в виде вопросов, которые раскрывают внутренний кризис героини: *Why couldn't she be more likable? What was the problem? Did she just not enjoy the world anymore? Had the world gotten away from her? Did she not like herself?* [8]. Читатели, стараясь ответить на них в своей голове, как бы достраивают логическую цепочку, дописывают факты, которые привели к нынешней ситуации, что и подталкивает их к саморефлексии: не похожи ли мы сами на героиню?

В некоторых случаях автор дает в скобках, и комментарий самой героини к вопросам, которыми она задается. В ее словах ярко выделяется обилие наречий неуверенности, таких как *maybe, probably, likely*, которые призваны выразить ее сомнения в собственных решениях и суждениях: *Maybe, probably not. Or probably in some ways <...> Maybe (likely) she used to resist...* [8].

Финальная часть микрорассказа имеет пессимистическую окраску: *...she will be so unlikable, inconveniently unlikable, that she will have to be shoved into a hole and left there* [8]. Как кажется героине, придет момент, когда ее просто засунут в какую-то «дыру» и там оставят. Автор не употребляет слов *могила* или *гроб*, однако созданная в микрорассказе атмосфера безнадежности и безысходности позволяет интерпретировать *hole* именно так. Героиня ощущает свою ненужность и не верит в себя, она не видит для себя будущего и считает, что в какой-то момент от нее просто избавятся и забудут о ней. Это чувство безнадежности и отчаяния отражает ее психологическое состояние, которое является результатом внутреннего конфликта и нелюбви к себе. Она считает себя «неприятной» и «нежеланной» (*unlikable*), поэтому убеждена, что ее будущее будет пустым и беспросветным.

Рассматриваемый микрорассказ отражает внутренний мир человека (женщины), пытающегося найти баланс между внешними ожиданиями и внутренними устремлениями. Автор прибегает к такой форме психологического изображения, которая раскрывает персонажа «изнутри», позволяет проникнуть в мысли и чувства героя, погружаясь в его/ее сознание, и таким образом затрагивает важные аспекты человеческой психологии и эмоциональной сферы, что делает данный микрорассказ актуальным и значимым для широкой аудитории. Отсутствие имени и описания внешности героини создает обобщенный образ, который позволяет читателю легче идентифицироваться с ее переживаниями и мыслями. Ограничиваясь несколькими фразами и не раскрывая подроб-

ностей прошлого и окружения героини, автор заставляет нас достраивать историю в своем воображении. Повторение слов *likable* и *unlikable* становится символом внутреннего конфликта героини, а метафора «дыры», в которой, как считает героиня, она в результате окажется, отражает глубокое чувство безысходности и отсутствия смысла в жизни. В то же время название «Симпатичная» создает этому контраст и является выражением мысли автора о ценности и уникальности личности каждого человека.

Анализ микрорассказов «Глаза Джоди» Стивена Бэнкса и «Симпатичная» Деб Олин Анферт позволяет сделать вывод о том, что краткий формат микропрозы может быть использован для создания глубокой и эмоционально заряженной истории, способной заставить читателя задуматься о сложности человеческой психики. Авторы обоих произведений прибегли к эффективным приемам психологизма, чтобы раскрыть глубину душевных переживаний своих героев. Особая роль в создании их психологических портретов отводится психологическим деталям, ограничению авторского всеведения точкой зрения и перспективой героя, приему внутреннего монолога, подбору лексических единиц (наречия неуверенности и сомнения) и стилистических средств (повтор, градация, метафора), образам-символам. Значимую роль в раскрытии психологической проблематики играют названия микрорассказов, являющиеся ключом к пониманию внутреннего состояния героя и авторской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлицкий, Ю. Б. Большие претензии малого жанра / Ю. Б. Орлицкий // НЛО. – 1999. – № 38. – URL : <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/orlic.html> (дата обращения: 27.01.2009).
2. Лебедева, М. Н. Микрожанры современной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Лебедева Мария Николаевна ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2016. – 26 с.
3. Шацких, Н. Н. Реализация категории информативности в сверхкратких англоязычных рассказах / Н. Н. Шацких // Филология и человек. – 2022. – № 4. – С. 151–161.
4. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М. : Флинта : Моск. психолого-социальный ин-т, 2003. – 176 с.
5. Рогачевская, М. С. Новые формы психологизма в британском романе XX века / М. С. Рогачевская ; под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Н. И. Рейнгольд. – Минск : Новое знание, 2015. – 445 с.

6. *Золотухина, О. Б.* Психологизм в литературе : пособие / О. Б. Золотухина. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 178 с. – URL : https://ebooks.grsu.by/psihologism_lit/index.htm (дата обращения: 15.09.2024).
7. *Banks, S. Jodi's Eyes* / S. Banks // Dime show review. – URL : <https://www.dimeshowreview.com/jodis-eyes-by-stephen-banks/> (date of access: 13.04.2024).
8. *Unferth, D. O. Likable* / D. O. Unferth // Wait 'till you see me dance : stories – MN, 2017 – URL : <https://muumuuhouse.com/dou.fiction2.html> (date of access: 15.03.2024).
9. Олень (символ) // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL : [https://megabook.ru/article/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20\(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB\)?ysclid=lv08s6охгс319827734](https://megabook.ru/article/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB)?ysclid=lv08s6охгс319827734) (дата обращения: 18.04.2024).
10. *Шевцова, Л. И.* Теория литературы : учеб.-метод. комплекс для студентов филологического факультета дневной и заочной форм обучения / Л. И. Шевцова ; УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Витебск, 2011. – 132 с.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (133), 2024

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, Т. М. Нехай*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 7,85. Тираж 100 экз. Заказ 47.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172